ПИОНЕР 5

МАЙ • 1972 • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СОВЕТСКОЙ ПИОНЕРИИ— 50 ЛЕТ

Был четверг. Но праздник был на лицах, праздник в весеннем воздухе, праздник был всюду. Со всех пролетарских окраин Москвы стекались к Красной площади рабочие. ШЕЛ ПЯТЬСОТ СОРОКОВОЙ ДЕНЬ РЕВОЛЮЦИИ, 1 МАЯ 1919 ГОДА.

Владимир Ильич Ленин со ступенек у кремлевской стены смотрел на колонны демонстрантов. Он видел радостные лица и радовался сам. Среди взрослых шли ребята с красными бантами на груди.

Фотографии, сделанные в тот день, сохранили для нас атмосферу далекого Первомая и дорогой облик Ильича. Вот он стоит на первой, ближней к нам ступеньке, внимательно вглядываясь в лица взрослых и детей.

Владимира Ильича попросили произнести речь.

Он выступил вперед и сказал тогда:

— Внуки наши, как диковинку, будут рассматривать документы и памятники эпохи капиталистического строя. С трудом смогут они представить себе, каким образом могла находиться в частных руках торговля предметами первой необходимости, как могли принадле-

жать фабрики и заводы отдельным лицам, как мог один человек эксплуатировать другого, как могли существовать люди, не занимавшиеся трудом. До сих пор, как о сказке, говорили о том, что увидят дети наши, но теперь, товарищи, вы ясно видите, что заложенное нами здание социалистического общества — не утопия. Еще усерднее будут строить это здание наши дети.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

МАЙ 5

Издательство «Правда»

Москва 1972 г.

ДА, СЕГОДНЯ ТЫ ВИДИШЬ, НАСКОЛЬКО ПРАВ БЫЛ ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ.

То, что раньше было лишь светлой, доброй, возвышенной мечтой, стало жизнью, потому что за эту новую жизнь повела борьбу сильная и мужественная организация революционеров — партия коммунистов.

ЛЕНИН ЗНАЛ, ОН КРЕПКО ВЕРИЛ, ЧТО ДЕТИ, ПОДРАСТАЯ, БУДУТ ПОМОЩНИКАМИ КОММУНИСТОВ.

ЛЕНИН ЗНАЛ, ОН КРЕПКО ВЕРИЛ, ЧТО В ОРГАНИЗАЦИИ ДЕТЕЙ, ТВОЕЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ, БУДЕТ ГОТОВИТЬСЯ НАДЕЖНАЯ СМЕНА КОМСОМОЛЬЦЕВ И КОММУНИСТОВ.

И вот пионерии пятьдесят.

«Всеми своими делами юные пионеры подтверждают верность Торжественному обещанию — горячо любить Родину, учиться и жить, как завещал Владимир Ильич, как учит Коммунистическая партия Советского Союза».

Это из Постановления Центрального Комитета нашей партии «О пятидесятилетии Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина».

«Красный галстук, — говорится в нем дальше, — **стал революционным символом единения коммунистов, комсомольцев и пионеров».**

Замечательным напутствием в канун пионерского юбилея звучат слова Постановления: **«Пусть всегда целью и высоким смыслом жизни и деятельности Всесоюзной пионерской организации остается боевой девиз «К борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза будь готов!».**

Сдаешь ли ты
трудный экзамен,
Уходишь ли
в дальний поход —
Отрядное красное знамя
Тебя за собою ведет.

Под этим полотнищем алым
Учились, мужали, росли
Строители наших каналов,
Ученые и генералы,
Герои Советской земли.

Сумей же его,
как награду,
В труде и в боях пронести,
И пусть никакие преграды
Тебя не страшат на пути.

Великое счастье, ребята,
Под знаменем
красным
идти!

А. И. МИКОЯН,
член Президиума
Верховного Совета СССР

С ДЕТСТВА СЛУШАЙТЕ РЕВОЛЮЦИЮ!

Я смотрю сейчас на старую фотографию: Владимир Ильич Ленин, облокотившись на дверцу открытой автомашины, разговаривает с детьми. Дата под снимком напоминает, что это было свыше пяти десятилетий тому назад, весной девятнадцатого года. Далекое время. Трудно сейчас установить, о чем именно разговаривали вождь революции и его юные собеседники. Но мы знаем: именно тогда, выступая на Красной площади, Владимир Ильич сказал: «...и дети, подрастающие пролетарии, должны помогать революции».

Дети, подрастающие пролетарии... Мне хочется рассказать вам о двух подростках, о которых я храню всю жизнь светлые воспоминания, о сыновьях моего друга, замечательного революционера и соратника Ленина Степана Шаумяна. Мне довелось быть вместе с ними в очень трудные дни. Войска империалистов топтали землю Закавказья. Пала Бакинская коммуна. В пустыне за Красноводском злодейские выстрелы оборвали жизнь двадцати шести комиссаров, среди них был и Степан Шаумян. Эсеровские правители по указке интервентов бросили в тюрьму вместе со взрослыми детей Шаумяна.

Вспоминаю я ту ночь, когда нас, арестованных, везли по тем же местам, что и бакинских комиссаров, и мы, лежа на сыром полу вагона, думали, что нас тоже ожидает расстрел. Сурен Шаумян и его брат Лева (ему исполнилось всего четырнадцать лет), готовясь разделить участь своего отца, держались спокойно, с достоинством. Они не хныкали, не жаловались.

Мне приходилось лежать с Суреном на одной узкой железной кровати в тесной и душной тюремной камере. Я часто думал, какой это замечательный парень. Молодой по возрасту, он был таким взрослым в своих поступках. Как стойко он перенес известие о смерти отца! Несмотря на молодость, он проявил исключительную выдержку, не проронил ни одной слезинки.

Со старшими товарищами Сурен вел себя как равный, и они его любили и уважали. Он не только по внешности был похож на своего отца. Удивительное самообладание не покидало Сурена даже в самые напряженные минуты.

За несколько месяцев до того, как нас арестовали, Сурен уже выполнял важные партийные поручения, которые ему давал отец. По его заданию Сурен в июне 1918 года ездил с ответственными документами через Астрахань и Царицын в Москву к В. И. Ленину. При разрушенном транспорте, при подстерегающей на каждом шагу опасности это было проявлением настоящего мужества.

Сурен восторженно рассказывал о незабываемой встрече с В. И. Лениным.

Ленин принял Сурена, вручившего ему письмо от С. Г. Шаумяна, в своем кабинете в Кремле, подробно расспрашивал его о положении в

А. И. Микоян в пионерском лагере Артек. 1961 год.

Баку и тут же отдал распоряжение военному ведомству о выделении для Баку некоторого количества оружия и боеприпасов, столь необходимых для обороны города от наседавших войск империалистов.

Когда закончилась беседа, Владимир Ильич спросил, сколько Сурену лет. И когда тот ответил, что шестнадцать, Владимир Ильич улыбнулся и сказал одному из товарищей (кажется, В. Д. Бонч-Бруевичу), присутствовавшему при беседе: «Вы видите, какие дети уже есть у нашей революции! У нас скоро будут и такие внуки!»

Не о таких ли помощниках партии, как Сурен Шаумян, и других юных сверстниках Октября думал Владимир Ильич, когда пророчески говорил о том, что еще усерднее будут строить здание социализма наши дети!

Жизнь есть жизнь: на смену одному поколению приходят новые. Более полувека назад свершилась Великая Октябрьская революция. Мало осталось сейчас в живых участников революционных событий, гражданской войны. Но жива, бессмертна революция, потому что идеи отцов несут дальше их дети, передают внукам и правнукам.

Когда-то первый нарком просвещения Анатолий Васильевич Луначарский говорил о «лестнице поколений». Оглядываясь на пройденный путь, я вспоминаю десятки замечательных людей, встретившихся в моей жизни, и словно вижу лестницу поколений нашей революции...

Вы знаете, что слово «пионер» означает «первый». Мне посчастливилось начинать свой путь в рядах коммунистов — пионеров революционной борьбы, вместе с людьми, которые занимались в марксистских кружках, прошли сквозь тюрьмы и эмиграцию, создавали в труднейших условиях подполья нашу партию. Миха Цхакая, Степан Шаумян, Филипп Махарадзе, Серго Орджоникидзе, Мешади Азизбеков, Иван Фиолетов — многому научились мы, тогда еще молодые партийцы, у этих пламенных революционеров.

Величайшим счастьем своей жизни я считаю встречи с Лениным, то время, когда мне довелось работать под его руководством. Прозорливость и мудрость гениального стратега революции, его страстная убежденность, человечность и простота — вдохновляющий пример служения делу народа, верности идеалам коммунизма.

«Как живой с живыми говоря», входит Ленин в жизнь каждого нового поколения нашей страны.

Я вспоминаю юношей и девушек двадцатых годов. Едва окончилась гражданская война, как они, еще не успев снять шинели и буденовки, штурмовали аудитории рабфаков и вузов, с жадностью набрасывались на горы учебников и книг. Всем сердцем откликнулась молодежь на призыв Ленина, обращенный к делегатам третьего съезда комсомола: учиться коммунизму! Нелегким было освоение науки строительства новой жизни. Но, преодолевая трудности, неизбежные на пути пионеров-первопроходцев, молодежь овладела и этой наукой!

В тридцатые годы мир облетели слова «пятилетка», «колхоз», «ударник». Страна училась и строилась, прокладывала первые борозды на колхозных полях, крепила оборонную мощь. Навсегда вошли в историю имена Алексея Стаханова, Макара Мазая, сестер Виноградовых, Валерия Чкалова, отважных челюскинцев. Мы смотрели на них с любовью и думали: вот оно, новое поколение, воспитанное и взращенное Советской властью, партией коммунистов.

Никогда не изгладятся в памяти годы войны. Плечом к плечу со старшими перед лицом смертельной опасности встала и молодежь. Война была жестоким и суровым испытанием, и мы выдержали его. Наш народ спас мир от фашизма. И среди защитников Родины были те, кто в двадцатых, тридцатых годах носил красные галстуки.

Опыт, мысли и дела старших поколений коммунистов остаются с вами, руководят вашими поступками, помогают в трудные минуты жизни.

Яков Михайлович Свердлов говорил, обращаясь к сыну: «Я оставлю тебе ничем не запятнанную честь и имя революционера». Жизнь пламенных рыцарей революции, бесстрашие и мужество борцов за народное счастье, их чистота и честность, отвага воинов и трудовая доблесть строителей — ваше самое дорогое наследство; вы получаете его в дар от всех поколений Страны Советов. Учитесь у ваших предшественников, коммунистов и комсомольцев, сверяйте свою жизнь по их делам и поступкам!

Полвека назад комсомольцы вывели в путь первые отряды красногалстучных. Еще жил и работал Владимир Ильич Ленин. Н. К. Крупская вспоминает, с каким интересом относился он к делам пионеров. Уже будучи тяжело больным, Ленин подолгу разглядывал присланные ему в Горки ребячьи поделки и письма, внимательно всматривался в лица детей, вслушивался в их разговоры. На книжной полке в библиотеке В. И. Ленина до сих пор лежит номер «Барабана» — первого пионерского журнала. Сохранились трогательные, искренние послания дедушке Ильичу от детей. С невольной улыбкой читаешь подпись под одним из них: «Ваши маленькие, сознательные товарищи».

Мы помним слова Ильича: «Организация детей — лучший путь воспитать коммунаров».

Не много в то время было пионеров. Но ветераны ленинской партии видели в ребятах смену, которая, по образному выражению А. В. Луначарского, «шла из будущего и шла под те же знамена».

Всегда были рядом с коммунистами их «маленькие, сознательные товарищи», носящие гордое, высокое звание юных ленинцев. Мы помним ребят, павших от рук классовых врагов в годы коллективизации, помним детей — героев войны, ударников полей, добрых и заботливых тимуровцев.

Сегодня вы, пионеры, могучая армия, вас двадцать три миллиона. И радостно сознавать, что в ваших юных отзывчивых сердцах живут ленинские заветы.

Вы горячо откликаетесь на все, что происходит в стране и в мире. Вы принимаете близко к сердцу боль своих вьетнамских сверстников, вы стремитесь помочь всем, кто борется за свободу и справедливость. Владимир Ильич хотел, чтобы вы росли интернационалистами. И вы верны своей дружбе с детьми трудящихся всех стран и народов.

Мне пришлось бывать в Японии. Там я встречался с детьми. Ребята из Хиросимы подарили мне гирлянду бумажных журавликов для детей Волгограда. Вы знаете, что журавлики символизируют мир и дружбу. Вернувшись домой, я послал их юным ленинцам героического Волгограда. Я знаю: журавлики — символ мира — в добрых, надежных руках.

От души поздравляю вас, пионеры-ленинцы, со славным юбилеем. Вашей организации уже пятьдесят лет, а все вы такие юные! Глядя на вас, молодеем душой и мы, коммунисты.

У вас звонкий, боевой девиз: «К борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза будьте готовы!»

Будьте всегда готовы идти дорогой, завещанной отцами. Отстаивайте все созданное и построенное отцами. Несите дальше знамя ленинских идей! Растите активными строителями коммунизма!

Юбилей вашей организации счастливо совпадает с другой замечательной датой — **ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК.** Для государства пятьдесят лет — небольшой срок, но какая могучая социалистическая держава выросла за это время! Вы ее будущие хозяева. **Всегда храните дружбу народов нашей многонациональной Родины!**

Я снова смотрю на старую фотографию: Ильич разговаривает с детьми. Далекие дни. Мы не знаем, о чем говорит Ленин юным современникам первых лет Советской власти. Но все мы помним и всегда будем помнить великие ленинские заветы.

«Растите коммунистами», — говорил Владимир Ильич Ленин ребятам. И сколько бы лет ни прошло, знайте: Ленин обращается к вам, пионеры семидесятых годов, и к вашим преемникам в восьмидесятых и девяностых годах, и к юным ленинцам грядущего, двадцать первого столетия.

Ребята из Хиросимы подарили Анастасу Ивановичу гирлянду бумажных журавликов для детей Волгограда.

С. ЩИПАЧЕВ

Пионерский галстук

Как повяжешь галстук,
Береги его:
Он ведь с нашим знаменем
Цвета одного.

А под этим знаменем
В бой идут бойцы,
За Отчизну бьются
Братья и отцы.

Как повяжешь галстук,
Ты светлей лицом...
На скольких ребятах
Он пробит свинцом...

Как повяжешь галстук,
Береги его:
Он ведь с нашим знаменем
Цвета одного.

Красный кливер

Владислав КРАПИВИН

РАССКАЗ

В час пятнадцать, как по расписанию, появляется Владька. Он ставит у порога измочаленный портфель и старательно трет о резиновый коврик подошвы. На меня старается не смотреть.

— Зашел бы сначала домой,— сдержанно говорю я.— Хотя бы пообедал.

— Потом,— отвечает он.— Ладно? Я немножко посижу...

— Ну, сиди,— обреченно говорю я, прекрасно понимая, что работать до вечера уже не придется.

Впрочем, первые минуты Владька добросовестно соблюдает тишину. Сидит на крашке стула и почти не дышит. Разглядывает книжные корешки в шкафу. А я, тоже

добросовестно, склоняюсь над статьей, которую обязательно надо сдать в редакцию к следующему вторнику.

Потом на пол падает жестянка. Я оборачиваюсь. Владькины большущие глаза виновато смотрят на меня из-под берета, который он забыл снять. Затем мы оба переводим взгляд на жестяную баночку — виновницу шума.

— Что это? — спрашиваю я (имеется в виду: «Что это за жизнь? Дадут мне в конце концов спокойно работать или нет?»).

— Мазь. Чтобы горн чистить,— торопливо объясняет он и ногой, дотянувшись, придвигает жестянку к себе.

Владька — горнист. Сигналист сводного юнкоровского пионерского отряда «Стрела». В горнисты он попал не очень-то законно, потому что еще не пионер. Но играет он чисто, весело, и ребята сказали:

— Ладно уж. Все равно его скоро примем.

Скоро... А когда?

Неделю назад ему исполнилось десять лет. Торжественное обещание он выучил давным-давно. И законы пионеров знает. И вообще все что полагается. Не знает лишь, когда будет долгожданная линейка. Говорят, на днях, а точно никто не говорит. Только усмехаются. Что за люди!

Все у Владьки есть: и форма с золотистыми нашивками, и голубая пилотка, и значок горниста на воротнике. Но все это не то. Не так. Потому что отряд пионерский, а он, Владька, пока здесь без всяких прав. И стоит навытяжку, не поднимая руки, когда все салютуют отрядному знамени.

Скоро ли?

Тут и нетерпение и... разные беспокойные мысли.

Жизнь у третьеклассника тяжела и полна опасностей. То забудется почему-то басня, которую учил накануне, и тебе сразу отметочку — сами знаете, какую; то дежурный восьмиклассник хватает тебя за плечо: «Ты что скачешь по коридору? Ходить разучился?» — и зачем-то записывает фамилию. А сегодня Владька случайно (ну, правда же, совершенно нечаянно) зацепил плечом Лиду Васнецову, когда она чертила рамку в тетради по рисованию. Линия получилась кривая, Лида захныкала и нажаловалась. И у Владьки в дневнике, конечно, написали: «Толкается на уроках! Тов. родители, примите меры!»

Родительских мер Владька не так уж и опасается. А вот не повлияет ли запись на его вступление в пионеры?

Этот осторожный вопрос Владька задает мне. Конечно, решать будут ребята, но и от меня кое-что зависит: как-никак я вожатый отряда.

— Поживем — увидим,— рассеянно говорю я.

Но лицо у Владьки делается таким, что трудно не засмеяться. В самом деле, нельзя

Первые минуты Владька добросовестно соблюдает тишину. Сидит на стуле и почти не дышит.

же обрушивать на человека беду из-за того, что он неосторожно (ну, честное слово, нечаянно!) пошевелил плечом!

— Сиди и не мешай мне, великий грешник,— говорю я и пытаюсь вникнуть в статью.

Владька, скинув ботинки, перебирается в кресло и занимает в нем прочную позицию. Я приношу ему бутерброд с кабачковой икрой. Пока бутерброд уничтожается, я успеваю написать четыре строчки.

Владька начинает шумно возиться в кресле.

— Ты что пыхтишь?

Он вытягивает из-за пазухи пионерский галстук и разглаживает его на коленях.

— Ты что, так и таскаешь его все время с собой?

— Ага.

— Ну зачем? Смотри, помял весь. Неужели дома негде положить?

— Ну да! Мама начнет прибираться и спрячет куда-нибудь! Тогда вот пилотку спрятала, и я на три минуты на линейку опоздал. А если теперь линейку объявят, а галстука нет?

Он даже чуть бледнеет, представив такой жуткий случай.

— Выглади и положи на место,— говорю я.— Линейка будет послезавтра.

Владька взлетает в кресле.

— А как? А когда? А во сколько? А это точно? А если...

Он сейчас ни за что не успокоится, пока не выпустит в меня полную обойму вопросов. И приходится отвечать, что все уже решено, что совет дружины в общем-то не имеет ничего против его, Владькиного, вступления в пионеры, что линейка будет в семь часов вечера, со знаменем, барабанами, горнами, и что форма нужна парадная, и что Торжественное обещание Владьки будет записано на магнитофонную пленку, и пленка эта будет храниться в отряде по крайней мере до тех пор, когда Владька вступит в комсомол.

— А если я собьюсь, когда буду Торжественное обещание говорить?

— Ну, если немножко собьешься, не беда. Но лучше не сбиваться.

— А тебя, когда принимали в пионеры, записывали на магнитофон?

— Да нет, Владька. Мы про магнитофоны в то время еще и не слыхали.

— Ну уж...— говорит Владька. Он подозревает, что я просто хочу уклониться от разговора.— Как это не слыхали? Когда это было? Ты, что ли, старик?

— Не совсем старик, а все-таки в три раза тебя постарше. Даже с хвостиком.

— Это разве много? Чепуха! — решительно заявляет он.— Ну расскажи.

— Что?

— Как тебя принимали в пионеры.

Как это было? Я возвращаюсь памятью в детство и опять вижу очень хорошее утро девятого мая сорок седьмого года.

Проснулся я от тревожного толчка: «Не опоздал ли?» Но тут же увидел, что наши ходики вытянули стрелки в одну вертикальную линию: шесть часов. На медных стрелках и маятнике горели колючие солнечные звезды. Солнце хлестало в окна неудержимым потоком, и тонкие шторки не могли остановить его.

Разве уснешь!

Я потянулся за одеждой. На спинке стула висела почти новая синяя рубашка, вернее, темно-голубая. Она вкусно пахла горячим утюгом.

То, что рубашка не белая, меня слегка тревожило. Вчера Елена Ивановна сказала, что на сбор все должны прийти в белых рубашках. А у меня не было. Так уже получилось. Были две клетчатых ковбойки с пуговками на воротнике, одна зеленая футболка с заплатой на плече да вот эта синяя рубашка. Мне ее на день рождения подарила тетя Галя, у которой мы жили на квартире.

Помню, накануне я пытался объяснить Елене Ивановне, что нет у меня парадного обмундирования. Но она торопилась и сказала:

— Ну, постарайся как-нибудь...

Ничего себе, «постарайся»! Это сейчас все просто: пошел и купил пионерскую форму. А в то время жилось потруднее: не каждый день отыщешь в магазинах что нужно, да и с деньгами туго.

В общем, грызло меня беспокойство.

Но утро было такое хорошее, что долго терзаться всякими страхами я не мог. Натянул я штаны и синюю рубашку, подхватил за ремешки новые скрипучие сандалии и на цыпочках выбрался на крыльцо. На крыльце сидел Полкан. К носу его прилипли скорлупки клейких тополиных почек, и он пытался стряхнуть их лапой.

— Опять совал нос куда не надо? — спросил я.

Полкан замахал мохнатым хвостом так, что по ногам у меня прошелся ветер.

У сарая тетя Галя кормила кур. Она оглянулась на меня, заулыбалась, заговорила нараспев:

— Не спится, небось, в праздник-то? В школу-то на уроки, небось, и проспать не боялся, а нонче-то с петухами встал... Вот Колюшка мой, когда в пионеры его принимали, помню, тоже ранешенько поднялся.

Тети-Галиного Колюшку я никогда не видел, но слышал про него много. Он был военфельдшер и погиб в сорок третьем году.

Тетя Галя вздохнула, хотела что-то еще сказать про Колюшку, но решила, видно, не огорчать меня печальными рассказами. Только заметила:

— А рубашечка-то в аккурат пришлась...

В палисаднике зацветала черемуха. Я оглянулся на тетю Галю, сорвал кисточку набухших бело-зеленых бутончиков, зажал в зубах и пошел за калитку: бродить по переулку и ждать. До торжественного сбора, который начинался в девять часов, оставалась целая вечность — два с половиной часа...

Конечно, столько времени ждать я не мог. В восемь часов я прискакал в школьный двор.

Там уже были несколько мальчишек и Елена Ивановна — очень красивая, в белой кофточке с пионерским галстуком и в командирской пилотке со звездочкой. Елена Ивановна была учительницей в нашем третьем классе и в то же время старшей пионерво-

Петька вскочил на крыльцо и растянул галстук. Один конец он взял в зубы, другой натянул до отказа вниз.

жатой. Старшеклассники иногда называли ее просто Леной, хотя им за это попадало от завуча.

Ребята были заняты делом: пятиклассник Борька Соколовских по пятам ходил за Еленой Ивановной и канючил, чтобы дала примерить пилотку; еще два пятиклассника прибивали к забору кумачовый лозунг с белыми буквами: «Да здравствует День Победы!» Мой друг Саня Головкин стоял высоко на пожарной лестнице у сарая и привязывал к верхней перекладине веревку с разноцветными флажками. Он меня увидел и замахал рукой:

— Иди помогать!

Я забрался к Саньке.

С высоты был виден весь двор и наша белая двухэтажная школа-семилетка № 10, и окрестные переулки, и даже блестящий кусочек реки Туры, на берегах которой в древние времена соратники атамана Ермака построили наш город Тюмень. Над рекой из тополиной гущи поднимались купола старого монастыря, который сооружен был по приказу Петра Великого. Из пробитого купола вылетел сизый голубь и свечкой стал подниматься в небо.

Я последил за голубем и перевел взгляд вниз. Школьный двор наш был широкий и удобный — вытоптанный посередине сотня-

2

Валерий запел один. Мы не знали этой песни, и потом я ее никогда не слышал.

ми ног, а по краям заросший высокой травой и лопухами. У забора бродили дружной стайкой куры нашей уборщицы тети Даши, которая жила в школе, а в лопухах шастал молодой кот Головастик.

Елена Ивановна у школьного крыльца разговаривала с двумя семиклассниками.

— Здравствуйте, Елена Ивановна! — крикнул я.

Она глянула из-под ладони, заулыбалась и крикнула в ответ:

— Здравствуй! Тебя и не разглядишь: небо голубое, и рубашка голубая! Ты сегодня будешь, как василек среди ромашек!

Все опасения насчет рубашки окончательно оставили меня. Я привязал веревку морским узлом, который называется «рыбацкий штык», и скатился вниз. Собирались ребята.

Пришли семиклассники, которые уже вступили в комсомол и должны были сегодня повязывать нам красные галстуки. Похожий на девочку отличник Олег Гаврилюк выговаривал однокласснику Петьке Стрельцову:

— Ну, как тебе не стыдно! Будешь повязывать третьекласснику галстук, а он с дыркой.

— Третьеклассник? — ехидничал Петька.

— Пожалуйста, не остроумничай! Не третьеклассник, а галстук!

— А где дыра? Где? Это чернильная точка! Ты мне ее сам в пятом классе посадил, когда я у тебя хотел задачку списать!

— А ты бы не списывал!

— А ты бы не размахивал пером! Всю жизнь придираешься!

Петька вскочил на крыльцо и растянул галстук. Один конец он взял в зубы, другой натянул до отказа вниз, а третий угол оттянул в сторону, чтобы не трепался на ветру, и грозно спросил:

— М-м?

Это, видимо, означало: «Где тут дыра?»

Олег присел и начал придирчиво разглядывать галстук на просвет. Я тоже присел. Никакой, даже самой маленькой дырочки не было. И чернильная точка оказалась совсем незаметной. Галстук был яркий, отглаженный и очень красивый на фоне голубого неба.

Вот в этот-то момент я и подумал: «Кливер».

Удивительное сходство треугольного галстука с передним парусом фрегата поразило меня. Я тогда еще не читал «Алых парусов» Грина, но по книгам Купера, Станюковича и Стивенсона хорошо изучил оснастку парусных судов. Галстук выгибался на ветру, как настоящий парус, поднятый над бушпритом при курсе бейдевинд...

Нам сказали, что пора строиться. Тетя Даша торопливо загнала в сарай кур и хотела прогнать Головастика, но он не послушался. Сидел на крыльце и смотрел на нас завистливыми глазами.

Дружина встала буквой «П», а нас, третьеклассников, построили в середине этой буквы. На крыльцо вышел горнист Серега Великанов, очень важный, серьезный и неприступный. Никто бы сейчас не поверил, что вчера учительница таскала этого человека к директору за то, что он въехал в школьный коридор на велосипеде (правда, директор Петр Сергеевич был у нас хороший и Серегу помиловал).

Серега Великанов как-то очень красиво положил левую руку на пояс и плавно поднял белый, горящий на солнце горн. Сигнал был чистый и плавный, и сразу все притихло, только разноцветные флажки хлопали у нас над головами да Санька Головкин рядом со мной дышал коротко и часто.

— Ребята! — звонко сказала Елена Ивановна.— Пионеры! Сегодня, в день радостного праздника нашей победы, мы принимаем в свои ряды наших младших товарищей. И не только мы. Во многих школах разных городов сегодня выстроились дружины, и третьеклассники перед лицом старших друзей дают Торжественное обещание. Мы не видим этих ребят, но знаем про них и радуемся вместе с ними. Потому что пионеры — это одна семья. И нас очень много. Если все, кто носит красный галстук, встанут в одну шеренгу, этот строй протянется через всю нашу страну — от Белоруссии до Дальнего Востока...

И я отчетливо увидел этот строй: в степях и на таежных сопках, на полях и по берегам озер тянется прямая, как струна, шеренга мальчишек и девчонок в белых рубашках и красных галстуках. Они взметнули в салюте руки. И летит вдоль строя крылатый корабль с алым знаменем на мачте, с красным кливером впереди...

Потом я много раз в своей жизни видел, как ребят принимают в пионеры: на Красной площади, в торжественных залах пионерских Дворцов, на палубах военных кораблей. Я радовался за этих ребят и волновался вместе с ними. Но я ни разу им не позавидовал. Ни разу не пожалел, что меня приняли в пионеры в школьном дворе, заросшем по краям лопухами и полынью, и не было ни взволнованных зрителей, ни военного оркестра, и только одинокий барабанщик выстукивал марш, когда выносили знамя. Все равно! Радость моя была такая звонкая, флаги над головой хлопали так весело, что я этого никогда не забуду. И не забуду первое шелковистое прикосновение галстука, который мне повязал незнакомый мальчишка...

Вечером был костер. Самый настоящий, трескучий и жаркий. Прямо во дворе. Конечно, в школьных дворах не разрешается разводить костры, но Петр Сергеевич разрешил. Только сказал, чтобы место выбрали подальше от сараев и забора да приготовили на всякий случай два ведра воды.

Мы притащили и разломали несколько старых ящиков, принесли сухих веток из старого сада. Саня Головкин принес под мышками два настоящих березовых полена.

Был синий вечер но когда огонь разгорелся, сумерки сгустились вокруг костра и стало казаться, что уже настоящая ночь.

Пришли семиклассники и все ребята, которых сегодня приняли в пионеры. Елена Ивановна, конечно, пришла, а еще десятиклассник Валерий. Он раньше учился в нашей школе, а когда ушел в десятилетку, часто к нам заходил и наконец сделался вожатым у нынешних семиклассников.

Валерий принес гитару...

Сейчас никого не удивишь гитарой. И у походных костров, и в городских скверах, и во дворах каждый вечер слышен перебор струн. А мы в то время больше привыкли к гармони или баяну. Под баян учили и первые наши песни: «Мы не дрогнем в бою за столицу свою...», «Варяга», «Юного барабанщика». Но оказалось, что под гитару эти песни поются ничуть не хуже.

А потом Валерий запел один. Мы не знали этой песни. И после того вечера я ее никогда не слышал. Кто ее сочинил? Может быть, сам Валерий?

В ней говорилось о мальчишках. О тех, кто носил красные галстуки, пел, смеялся, а когда пришла война, взялся за винтовку и

гранату. И вот уже опять мирное время, только летние звезды падают, как сигнальные ракеты, а человек сидит у костра и все думает о тех, кого больше нет...

Звезды спускаются низко —
Так что достать рукою,
А над ночной рекою
Снова встают горнисты:

Мальчики в алых испанках,
В черных морских бескозырках,
В пыльных зеленых пилотках
Встали шеренгою плотной.

И барабанщик Володька,
Маленький и загорелый,
Снова зовет в дорогу —
Слышите — бьет тревогу!

Струны рывками бросали в воздух суровую мелодию, и Валерий пел негромко, но сильно. Может быть, он не умел петь как следует, но нам нравилось, и мы слушали, совсем притихнув. У меня даже в горле скребло от этой песни, и было очень хорошо, потому что есть такая песня, и товарищи, и друг Санька Головкин, и красные галстуки у нас на груди. И впереди — много хороших дней...

Я опять возвращаюсь памятью в детство, в самую лучшую пору человеческой жизни. Нет, я не из тех, кто воспевает в детстве беззаботность и веселье. Чушь это! Я знаю твердо, что у каждого десятилетнего человека могут быть и большие несчастья и большие тревоги. И трудов ему хватает и забот. И всякая боль еще сильнее, чем у взрослого. И все-таки детство прекрасно: в это время человек открывает для себя мир.

Ну, подумайте, как это здорово: в первый раз в жизни прочитать «Робинзона Крузо» и «Трех мушкетеров», первый раз приехать с родителями в незнакомый город, первый раз прокатиться на большом велосипеде и почувствовать, что он послушен! Впервые в жизни скрутить в себе страх и нырнуть с трехметрового обрыва. И однажды, тоже впервые, вдруг почувствовать, что ты не можешь и дня прожить без соседского Валерки. Вот он ушел вечером как-то очень торопливо, даже не попрощался, а ты крутишься в постели и все думаешь: «Может быть, обиделся на что-нибудь?» Это значит, тебе нужен друг, тоже первый в жизни.

И еще я думаю о красном галстуке.

Жаль мне тех, у кого в детстве его не было. Потому что красный галстук делает детство крылатым. Он учит быть верным друзьям, верным слову. Верным нашему Красному знамени. Он говорит, что ты не один: есть товарищи, есть отряд, есть много-много отрядов — и везде твои товарищи. Он зовет в страну, где разбуженные горнистами рассветы встают над палатками и походными тропами. Он говорит тебе: будь честен и тверд, смел и добр...

Стоп! Я буквально вижу сейчас направленные на меня насмешливые глаза читателей. Читателю этому одиннадцать или двенадцать лет, а в глазах у него за насмешкой прячутся недоверие и обида. «Неправда,— говорит он мне.— Все это только хорошие слова. А вот мне в третьем классе повязали галстук, поздравили — и все. Как жил, так и живу. Ну, один раз в году игра «Зарница» (да и на нее не хотели брать, потому что двойку за диктант схватил). Ну, собираем железо и макулатуру. Двоечников на сборах прорабатываем. А что еще?»

Я знаю, я встречал и это. Я видел в одной школе, как дежурные у входа проверяли учеников: «Дневник с собой? Вторая обувь есть? Галстук?» Если все на месте — проходи. Если нет дневника, тапочек или галстука — марш домой.

И так было обидно! Ну как же можно сравнивать тапочки и галстук!

В детстве у меня был товарищ, который нарочно не надевал галстук, если чувствовал себя в чем-то виноватым перед собой или перед другими. Пустили бы его в ту школу? Что он объяснил бы строгим дежурным?

И не из этой ли школы ты, скучный, обиженный читатель?

Вот что я скажу тебе: в стране тысячи боевых, дружных отрядов. Они живут весело, интересно, отважно, с пользой для нашей громадной страны. А если ты заскучал и друзья твои тоже опустили руки, вспомни, что галстук — это парус, который может унести тебя в жизнь, полную романтики, беспокойства и радости. Парус...

Но нужен капитан. Так будь же им!

Выбирай нужный курс, не прячься от ветра. Отряд, с которым ты живешь,— твой отряд. Кто ответит за него, кто ему поможет? Прежде всего ты сам.

Я всегда говорю об этом тем ребятам, которые впервые надевают красный галстук. Скажу я это и Владьке, когда в ясной тишине, чуть сбиваясь от волнения, он перед четкими шеренгами товарищей по отряду, перед строгой группой знаменосцев, барабанщиков и ассистентов, вскинувших сверкающие эспадроны, произнесет свое Торжественное обещание. Я пожелаю ему надежных друзей, хороших дел, крепких ветров. Попутного ветра желать не буду: с попутным ветром плыть не так уж хитро и не очень интересно. А кливер — это как раз тот парус, который позволяет кораблю идти против ветра.

Встречных ветров всегда хватало мальчишкам и девчонкам в красных галстуках. Во все времена. С той поры, как впервые прозвучали над нашей страной пионерские горны.

Будьте всегда готовы!

К ТЕБЕ ОБРАЩАЮТСЯ:

Ф. Э. Дзержинский

Будьте верными и достойными внуками Ильича. С врученным вам знаменем, юные пионеры, воспитывайтесь по заветам Ильича. И с этим знаменем будьте всегда готовы!

М. В. Фрунзе

Будьте верны заветам того человека, имя которого носите, и готовьтесь к тому, чтобы довести его дело, дело освобождения всех порабощенных. Вы — надежда революции и Коммунистической партии.

С. М. Киров

Приветствую дорогих пионеров в полной надежде, что они придут на смену старикам, как достойные ленинцы, и окончательно завершат величайшее дело истории, на заре которого они родились.

Серго Орджоникидзе

Учитесь великому делу служения рабочим и крестьянам, знайте, что на этом пути вас ожидает слава, счастье и победа.

Емельян Ярославский

Торжественное обещание, которое вы дали сегодня, обязывает вас и нас к очень многому. Вы не должны никогда забывать о том великом деле, которое вам предстоит завершить...

Призываю вас бороться за дело рабочего класса, за дело Ленина, за дело Коммунизма.

К. Е. Ворошилов

Куйте из себя знающих, бодрых, талантливых и преданных сынов и дочерей великой нашей Родины.

Максим Горький

...Пионеры — это люди, которые создают и вносят в жизнь новое, полезное, и люди, которые углубляют и расширяют новое, полезное.

В какой бы дом в нашей стране ты ни вошел, всюду встретишь человека, который начинал свой путь в пионерском отряде, и потому ПИОНЕРСКИЙ ЮБИЛЕЙ — наш общий, ВСЕНАРОДНЫЙ ПРАЗДНИК.

— С праздником! — скажем мы друг другу 19 МАЯ и почувствуем себя в едином строю, ПИОНЕРЫ ВСЕХ ЛЕТ, ВСЕХ ПОКОЛЕНИЙ, ВСЕХ ПЯТНАДЦАТИ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК.

С праздником поздравляет тебя заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат премии Ленинского комсомола Александра Николаевна Пахмутова.

50 ПИОНЕРСКИХ ЛЕТ

С праздником поздравляет тебя лауреат Ленинской премии Сергей Владимирович Михалков.

Дорогие мои друзья! Скоро сорок лет, как я пишу для вас стихи и сказки, песни, пьесы и сценарии к кинофильмам, и делаю это я с большой радостью, с чувством великой ответственности за вашу судьбу, судьбу героев моих книг. Все эти десятилетия моей творческой деятельности самым главным, самым верным и самым любимым моим героем был маленький советский гражданин с красным галстуком. И как же радостно бывает мне теперь встречаться с теми, перед которыми я много лет тому назад выступал со своими стихами; с теми, кто когда-то веселой ребячьей толпой обступал детских писателей на встречах в школе, а сегодня руководит народным хозяйством страны, ведет в небе воздушные лайнеры, работает в научных лабораториях, занимает партийные и государственные посты.

Книга для детей переживает многие поколения, она всегда новая для своих новых юных читателей.

Я горжусь тем, что я ваш, а вы мои. И хотя вам сегодня пятьдесят, а мне скоро шестьдесят, мы всегда останемся в строю Всесоюзной Ленинской пионерии.

Иногда я задаю себе вопрос: за что так любят в нашей стране и за ее пределами советскую песню? Думаю, за то, что в ней огонь революции слился с сердечностью и теплотой народной песни.

Наши песни умеют глубоко, человечно и нежно говорить о самых больших переживаниях, чувствах, они согреты любовью к людям, живым интересом к их делам.

Вы все знаете песни, написанные в наши дни: «На безымянной высоте», «С чего начинается Родина», «Русское поле»... Песни эти звучат мужественно и нежно, и каким ярким встает в них образ Родины! В таких песнях мы чувствуем дыхание истории, судьбу страны, ее народа.

Для чего я говорю об этом?

Мне хочется напомнить вам, ребята, что вашему поколению выпало настоящее счастье — принять в свои руки как волшебную скатерть-самобранку огромное песенное богатство народов нашей страны. Берегите его.

Сейчас у пионеров много хороших пионерских песен, значительно больше, чем тогда, когда я была пионеркой. Но в свое время мы тоже много пели. На отрядных сборах мы любили слушать рассказы о жизни комсомольцев двадцатых годов и вместе со взрослыми пели свои любимые песни «По долинам и по взгорьям», «Орленок», «Москва майская», «Марш веселых ребят».

Песню поют по-разному. Иногда и не задумываются над смыслом — просто напевают запомнившуюся мелодию. Ничего в этом плохого нет, но хочется пожелать вам, ребята, чтобы обязательно в вашу пионерскую жизнь вошла настоящая песня, когда поешь и чувствуешь, как у тебя бьется сердце в один лад с твоими товарищами. Всякому пионерскому отряду нужна своя песня. А хорошая песня приходит к тем, кто живет неравнодушно, щедро, кто умеет мечтать. Зовите в свой отряд к своим кострам песню!

Валерий АУШЕВ

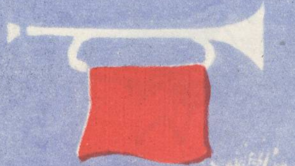
Город Спасибо

Вы когда-нибудь бывали
В городе Спасибоград,
Где на Вежливом бульваре
Вежливо благодарят?

Там в проулке Гостевом
Зазывают в каждый дом,
Даже если вас не знают
И никто вам не знаком!

Там на улице Веселья
Вас от грусти смех спасет,
А на улице Везенья
Вам на друга повезет!
На проспекте Угощенья
Вас на славу угостят.
Что вы любите?
Варенье?
Эскимо?
Халву?
Печенье
Или, может, лимонад?..

На проспекте Угощенья,
Где на славу угощенье,
И на Вежливом бульваре,
Где соскучитесь едва ли,
И на улице Веселья,
Где всеобщее веселье,
И на улице Везенья,
Где чудесное везенье,
И в проулке Гостевом —
В этом городе кругом
Люди говорят друг другу,
Незнакомому и другу,
И особенно гостям:
«Очень рады, рады вам.
Если только захотите,
Не стесняйтесь —
Заходите!»
Скажут адрес, дом, подъезд
И «спасибо» за приезд.

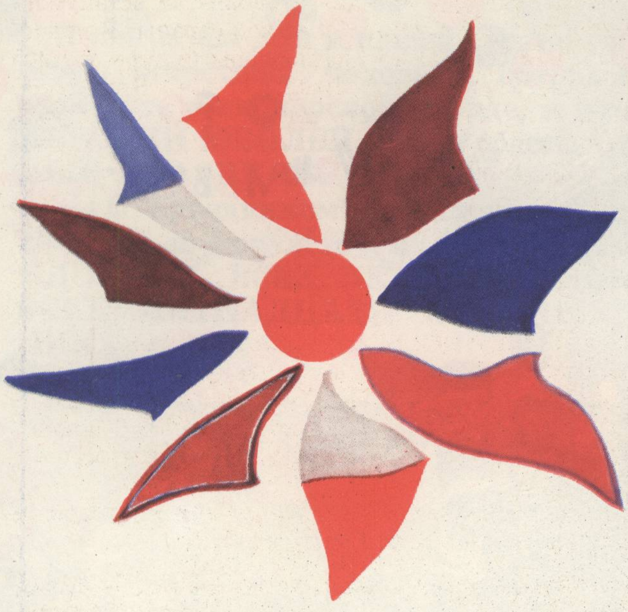
Лесной дозор

Весной в большом питомнике
Ростки на ножках тоненьких
Пробьются сквозь песок —
С рождением, лесок!
И вот во всем величии
Встает сосновый бор,
А мы его лесничие —
Сторожевой дозор!
Ударит в чаще молния,
Покажется дымок,
Летит дружина школьная
К пожару со всех ног.
Огонь, слабея, мечется,
Как будто прыгнуть метится
Через кольцо лопат,
Через кольцо ребят.
Наш лес —
Огромный хвойный дом.
Мы лес растим
И с ним растем.
Мы, школьное лесничество,
Храним ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО!

В нашем клубе «Товарищ» на день рождения пионерии собрались верные, добрые, настоящие друзья.

К борьбе за солидарность, мир и дружбу будьте готовы!

Всегда готовы!

Zawsze gotowy!

Винаги готови!

Immer bereit!

Aina valmiit!

Хэзээд бэлхэн!

Altid beredt!

Все демократы мира с гордостью празднуют пятидесятилетие пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина.

В 1917 году, штурмуя Зимний дворец, советский народ открыл путь для всех поколений строителей будущего и теперь, опираясь на свой богатый исторический опыт, ведет строительство коммунистического общества.

Вместе со всем народом организация пионеров имени В. И. Ленина внесла свой вклад в воспитание новых поколений — тех, кому нести факел надежд и чаяний всего человечества.

Сегодня мы отмечаем праздник советских пионеров. Это праздник детей всего мира.

СИМЕА — международный комитет детских и юношеских организаций — гордится вашими успехами. Как и в прошлом, наш комитет будет стремиться к тому, чтобы стали широко известны успехи СССР. Они блестящая демонстрация тех возможностей, которые обеспечивает политика мира.

Пионеры Франции верны традициям, которые объединяют наши народы. С гордостью отмечают они пионерскую годовщину.

От себя лично, от имени всех, кого представляет СИМЕА, и от имени пионеров Франции я передаю советским пионерам, советским вожатым, всем советским людям самые горячие пожелания. Пусть эта годовщина, которую мы празднуем все вместе, положит начало еще большим успехам.

Рене ВЕНСАН,
президент СИМЕА,
генеральный секретарь
«Пионеров Франции».

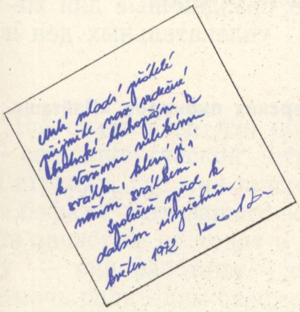
Пропоют фанфары, отобьют дробь барабаны, и встанут на торжественную линейку пионеры Советской страны. В праздничный день 19 мая все болгарские пионеры будут с вами в одном строю. Нам, ребятам из школы имени Владимира Ильича Ленина, хотелось бы, пусть только мысленно, стоять рядом с друзьями из 605-й московской школы, из 12-й школы Харькова, из 12-й ленинградской школы, из школы в селе Новгородское.

Каждый день к нам приходили письма, в которых вы рассказывали, как готовитесь к празднику. Нам тоже захотелось отметить этот юбилей. Мы изучали вашу пионерскую историю, узнавали о подвигах ваших героев, а недавно в клубе болгаро-советской дружбы собрали софийских пионеров, показали всем фильм о жизни советских ребят и рассказали о своих друзьях. После сбора, который мы назвали «Поздравляем с праздником, советские пионеры!», мы пели ваш пионерский марш «Взвейтесь кострами»... Мы все хорошо знаем эту песню и обязательно будем петь ее 19 мая.

Пусть в наших поздравлениях с праздником звучит любовь к вам и пожелание здоровья, радости и веселых игр.

Пионеры школы имени Владимира Ильича Ленина,
г. София, Болгария.

Ваш праздник — это и наш праздник. 5 октября прошлого года в Пражском Граде президент республики товарищ Людвиг Свобода дал старт экспедиции «За первыми пионерами». Первые пионерские отряды возникли в Советском Союзе. И наши ребята принялись изучать пионерскую историю, начиная с одного из первых отрядов на Красной Пресне и кончая Всесоюзным маршем «Всегда готов!». Те, кто отличился в экспедиции, скоро отправятся с поездом дружбы в Советский Союз, а ваши пионеры приедут к нам, в Чехословакию. Мы пока еще не знаем, кто поедет к вам в гости, но, кто бы ни оказался среди этих счастливцев, мы считаем, что в экспедиции победителями стали все ребята, потому что победила дружба. В дни большого праздника примите от нас сердечные поздравления, дорогие друзья. Вместе вперед к новым успехам!

Ян КОГОУТ,
председатель Центрального Совета
пионерской организации Чехословакии.

THE WOODCRAFT FOLK

Шлем вам горячие поздравления и наилучшие пожелания в связи с пятидесятилетием пионерской организации. Шестнадцать лет прошло с тех пор, как мы установили сердечные отношения с вашей организацией. За это время много раз группы ваших мальчиков и девочек приезжали к нам, а наши ездили к вам, чтобы лучше познакомиться друг с другом. Мы придаем большое значение защите прав детей. Мы готовы внести свой вклад в дело укрепления мира и братства между людьми.

Маргарет УАЙТ,
генеральный секретарь
организации «Лесной народ»,
Англия.

С праздником вас, дорогие советские пионеры! Вы наши лучшие друзья. Больше семисот учеников нашей школы переписываются с ребятами из Советского Союза. Каждое лето многие из нас отдыхают в Артеке и в других пионерских лагерях вашей страны. Когда они возвращаются домой, то рассказывают, как вы живете, поют песни и показывают танцы, которым научились. В нашей пионерской комнате есть теперь интернациональный уголок. Там мы поместили письма друзей и подарки. Все наши ребята учат русский язык, а пятые классы организовали кружок юных переводчиков и выпускают рукописный журнал.

В честь юбилея пионерской организации имени В. И. Ленина мы устраиваем встречи с теми, кто учился в Советском Союзе и получил там профессию, с теми, кто побывал в вашей стране, с пионерами советских школ в Улан-Баторе. Недавно мы провели олимпиаду по русскому языку и конкурс на лучшее исполнение советских песен.

Мы хотим, чтобы дружба наша жила вечно!

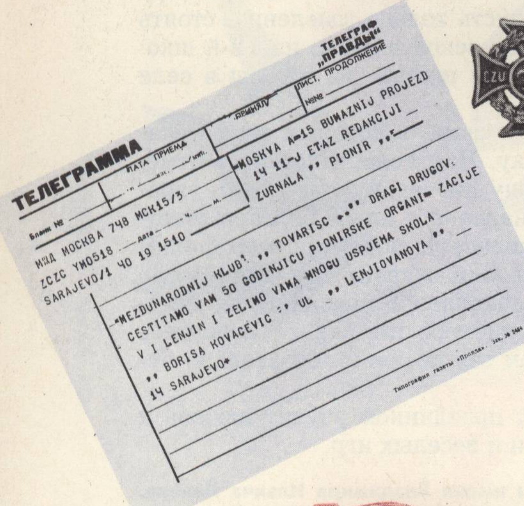
Ж. ХОРОЛЖАВ, председатель совета дружины 24-й школы,
О. ЭНХТУЯ, председатель городского пионерского штаба,
Н. ЭНХРИЙМАА, председатель интернационального уголка,
г. Улан-Батор, Монголия.

Дорогие друзья из Советского Союза! Поздравляем вас с пятидесятилетием пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина и желаем больших успехов.

Пионеры школы имени Бориса Ковача,
г. Сараево, Югославия.

ТЕЛЕГРАММА

ТЕЛЕГРАФ „ПРАВДЫ"

Бланк №

МЖД МОСКВА 748 MCK15/3
ZCZC YM0518
SARAJEVO/1 40 19 1510

MOSKVA A=15 BUMAZNIJ PROJEZD
14 11-J ETAZ REDAKCIJI
ZURNALA „ PIONIR „

„MEZDUNARODNIJ KLUB„ „ TOVARISC „„ DRAGI DRUGOV:
CESTITAMO VAM 50 GODINJICU PIONIRSKE ORGANI= ZACIJE
V I LENJIN I ZELIMO VAMA MNOGU USPJEHA SKOLA
„ BORISA KOVACEVIC :: UL „ LENJIOVANOVA „
14 SARAJEVO+

Типография газеты «Правда». Зак. № 2464

Союз польских харцеров просит журнал «Пионер» передать горячие братские поздравления с пятидесятилетием пионерской организации имени Ленина всем юным ленинцам Страны Советов.

В дни подготовки к этому празднику польские харцеры старались как можно больше узнать о жизни, учебе и успехах советских пионеров.

Пусть постоянно крепнет и развивается братская дружба и сотрудничество между нашими организациями и нашими народами!

Станислав БОГДАНОВИЧ,
председатель Союза польских харцеров.

Читатели журнала «Пайташ» просят передать сердечный привет и поздравления с праздником всем читателям журнала «Пионер». Венгерские пионеры считают советских пионеров своими самыми большими друзьями и поэтому в праздничные дни желают им больших успехов, интересных, увлекательных дел и доброго здоровья.

Редакция журнала венгерских пионеров «Пайташ».

Пионерскую организацию имени В. И. Ленина и пионерскую организацию Хо Ши Мина связывает братская дружба и боевая солидарность. Мы горды, что уважаемый дедушка Хо Ши Мин помог родиться этой дружбе. В 1926 году 22 июля он написал письмо в Центральное бюро пионерской организации имени В. И. Ленина, в котором просил принять группу вьетнамских детей в Советский Союз, чтобы они у вас учились и выросли настоящими ленинцами.

Сейчас народ Вьетнама борется с американской агрессией и строит социализм. Вьетнамские дети помогают этой борьбе. Они чувствуют постоянную помощь и поддержку советского народа и советских детей и благодарны за это.

В праздник пятидесятилетия пионерской организации имени В. И. Ленина мы шлем вам самые горячие дружеские поздравления и желаем успехов.

Да здравствует братская дружба и боевая солидарность детей Вьетнама и Советского Союза!

ЛЕ ЧАН, главный редактор газеты
«Тхиеу ниен тиен фонг» («Пионер»),
г. Ханой, ДРВ.

Дорогие друзья!

Финские пионеры и вожатые поздравляют вашу пионерскую организацию с 50-летием.

У вашей организации большой опыт, интересные традиции. Пионерские организации мира учатся у вас, берут с вас пример. Всякий раз, когда финские пионеры приезжают в ваши лагеря или встречаются с советскими пионерами на международных форумах, они убеждаются, как велик ваш вклад в борьбу за мир, дружбу и солидарность.

Мы рады вашим достижениям и победам. Они и нам указывают путь вперед.

Да здравствует мир, дружба и солидарность!

Демократический союз пионеров Финляндии.

Мы учим русский язык и переписываемся с ребятами из Советского Союза. Из писем мы узнаем, как проводить интересные сборы, как работать с малышами, как лучше устроить школьный музей. Мы тоже пишем обо всем интересном в нашей жизни.

Когда праздник приходит к нашим друзьям, мы радуемся и веселимся вместе с ними. Как хорошо, что бывают пионерские праздники!

Всех наших друзей, всех советских пионеров мы поздравляем с пятидесятилетием пионерской организации. И в эти солнечные, весенние дни желаем ребятам всей земли жить и учиться в мире!

Пионеры-тельмановцы школы
имени Кете Кольвиц,
г. Дрезден, ГДР.

Всем читателям журнала «Пионер» шлем привет от пионеров Югославии. Поздравляем советских детей с радостным праздником — пятидесятилетием пионерской организации. Югославские пионеры хорошо знают историю пионерской организации имени В. И. Ленина, восхищаются подвигами и делами советских пионеров. В удивительный праздничный день девятнадцатого мая пионеры Югославии желают советским пионерам новых успехов в их добрых делах и крепкой дружбы.

Председатель совета редакции журнала «Змай» Десанка МАКСИМОВИЧ, главный редактор журнала «Змай» Мира АЛЕЧКОВИЧ.

Вы счастливы, что живете в социалистической стране. В странах, где мне приходится бывать, дети вашего возраста зачастую не ходят в школу — они работают, чтобы помочь родителям свести концы с концами. Миллионы мальчиков и девочек ложатся спать с пустым желудком, они страдают от холода и ветра, оставаясь зимой без теплой одежды и обуви. Миллионы ваших сверстников болеют и умирают оттого, что их отцы и матери не имеют денег на лекарства и визиты врача.

Общество, в котором вы живете, дало вам привилегии. Вы должны стать сильными, умными и знающими, честными, крепкими физически, добрыми и чуткими к прекрасному, чтобы потом, когда вы будете взрослыми, ваша жизнь, отданная людям, имела для общества большую ценность.

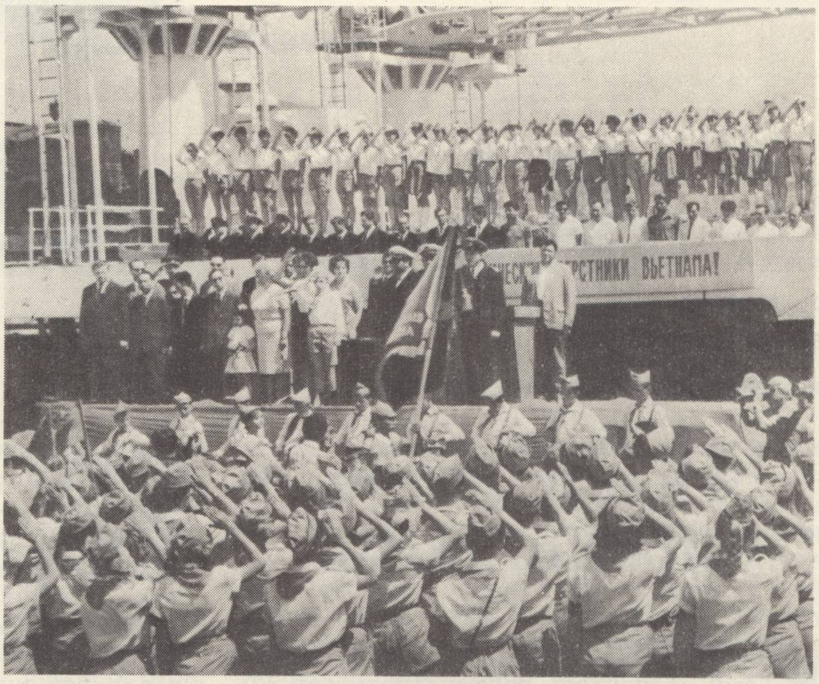
Носите с гордостью красные галстуки — символ революционной борьбы. Растите смелыми борцами за мир и свободу всех народов земного шара!

Ваш друг и товарищ Дин РИД.

ГОД 1936.

Как родных встретили пионеры нашей страны ребят республиканской Испании, потерявших своих родителей. Мальчики и девочки из Мадрида, Каталонии, с берегов Эбро отдыхали в пионерских лагерях. Их дружески встретил Артек. Советский Союз стал для многих из них второй родиной.

ГОД 1968.

Все пионерские отряды и дружины приняли участие в кампании «Пионеры СССР — Вьетнаму». Два корабля с подарками — портфелями, книгами, тетрадями — ушли к берегам сражающегося Вьетнама.

ГОД 1972.

Вместе со всеми честными людьми планеты советские пионеры выступили в защиту коммунистки Анджелы Дэвис, незаконно арестованной американскими властями. «Свободу Анджеле Дэвис!» — требуют ребята всей нашей страны.

Лидия ОБУХОВА

Звездный СЫН Земли

ПОВЕСТЬ

Продолжение

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

Новые места, новые люди.

Когда Юрий Гагарин приехал в Саратов, ему сравнялось восемнадцать лет.

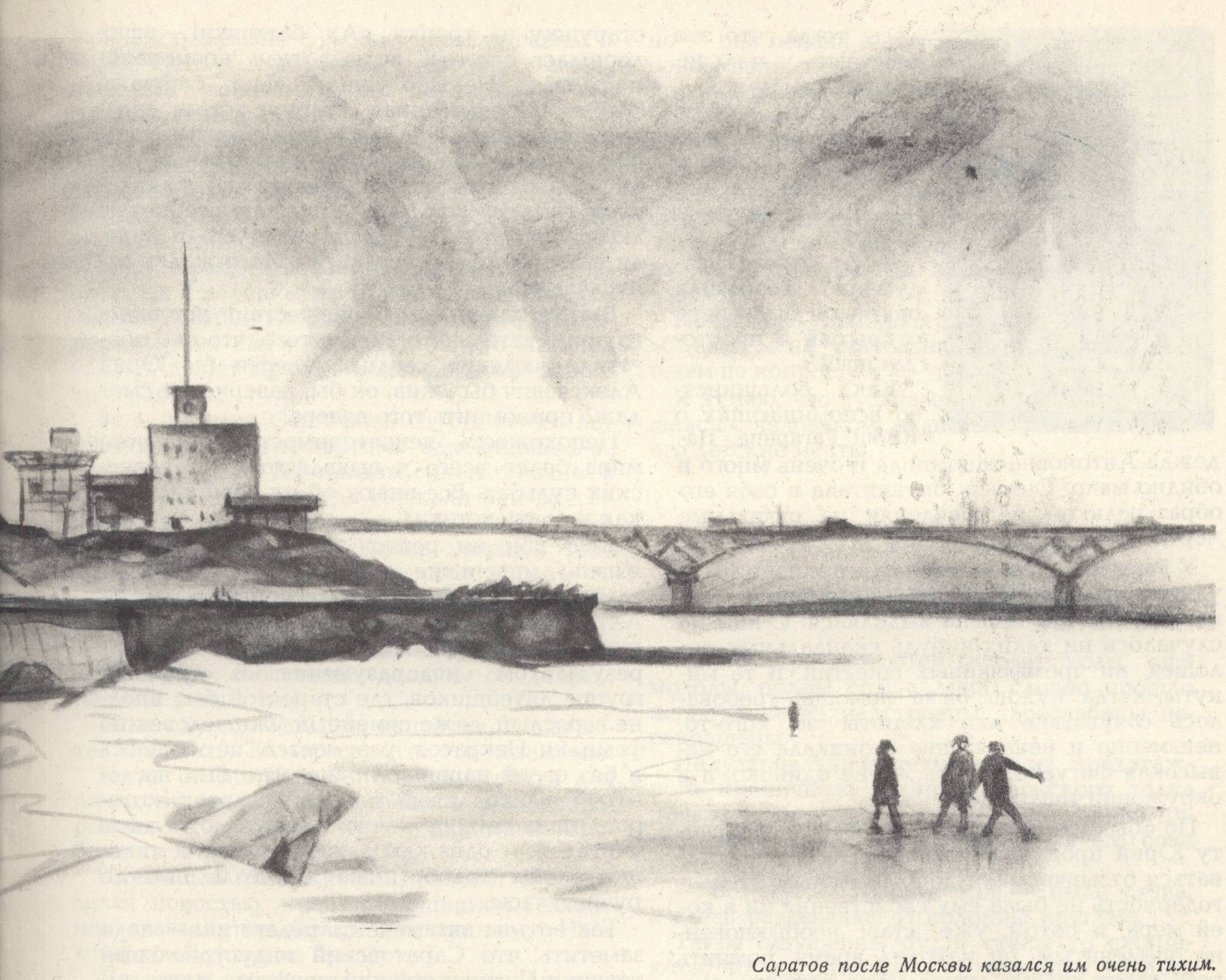
Среди поступающих в индустриальный техникум было шестеро отличников, и их должны были принимать по положению без экзаменов. Однако, как и теперь с золотыми медалистами, директор и педагог устраивали собеседования, которые отличались от экзаменов лишь тем, что поступавшие не тянули билетов.

Директором был тогда Александр Максимович Коваль, человек интеллигентный, с запоминающимся тонким лицом. А историю вела Надежда Антоновна Бренько, женщина, как мне представилось потом из личного знакомства, скорее суховатого склада, к которой, однако, ученики—и Юрий в том числе — питали многолетнюю искреннюю привязанность. И именно ее дворик в тесноте деревянных крылец, миниатюрных палисадников и кирпичных стен, сдвинутых друг с другом, как бодающиеся лбы, заставил меня ловить отблеск давних дней, когда сюда прибегал раза два или три неведомый никому будущий почетный гражданин города Саратова.

Шестую осень техникум зачислял студентов, и, хотя война кончилась тоже шесть лет назад, все еще шли учиться бывшие фронтовики с планками медалей и орденов на левой стороне гимнастерки. И вот им-то Надежда Антоновна Бренько отдавала свои симпатии, невольное предпочтение перед вчерашними школьниками. На примере собственного батрацкого детства, о котором я постараюсь найти случай рассказать, она знала, как жизнь «ворует» иногда у человека лучшие годы, и то, что у ее великовозрастных студентов отняла война, ей хотелось бы хоть отчасти возместить им.

В тот день, когда в числе отличников к директору вошел и Юрий Гагарин, такой бойкий, улыбчивый мальчишка, директор забеспокоился.

— Ну, пусть у него нет жизненного опыта,— шепнул он Надежде Антоновне.— Зато какие четкие знания!

Саратов после Москвы казался им очень тихим.

Все учителя Гагарина дружно твердят, что он всегда и всему учился одинаково хорошо. Трудно было даже уловить, существовали ли у него какие-нибудь особые пристрастия. Позже с одинаковым успехом он делал доклады и по физике и по истории.

Потом, когда прошли уже четыре учебных года и близился выпуск, то есть в то самое время, когда Юрий уже твердо знал для себя, что будет не литейщиком, а летчиком, он продолжал учиться так же ровно, увлеченно и старательно.

Признаюсь, это несколько озадачило меня. Было бы вполне естественно — и не в укор ему,— если б все силы он бросил теперь на занятия в аэроклубе, а не на ненужную в будущем технологию литейных печей!

— Как вы думаете, почему он так хорошо учился? — задала я несколько странный вопрос.— Он ведь не был тщеславным и не стремился во что бы то ни стало к первенству?

— О нет! — воскликнула Надежда Антоновна с возмущением.— Он был простодушный и жизнерадостный мальчик. Мне кажется, ему просто было все интересно. Все на свете, с чем бы он ни сталкивался. А о том, что у него свои планы, я узнала лишь месяца за три до выпуска. Мы как-то разговорились все вместе — ведь у них была маленькая группа, человек пятнадцать, и за четыре года я их всех узнала очень хорошо, потому что они приходили иногда к нам с мужем домой, особенно когда муж заболел. «Вот,— сказала я им тогда,— сейчас вы еще мои ученики, но я смотрю на вас и вижу будущих инженеров, директоров ремесленных училищ, а может быть, даже и ученых». Ребята приосанились, лишь Юра засмеялся и, приложив левую ладонь к груди — был у него такой излюбленный шутливый жест,— сказал: «А вот про меня вы не угадали. Я не буду ни инженером и ни ученым, а летчиком-испытателем, как Чкалов. Надо же кому-то и Чкалова заменить». Смерть Чкалова была тогда еще у всех в памяти, и слова эти никак не прозвучали хвастовством, а скорее трогательно. Я не отнеслась к ним серьезно. «Зачем же тебе выбирать такую хлопотливую профессию? Кочевать с места на место... Вот женишься... (а его приятель Виктор Порохня громким шепотом тотчас подсказывает имя однокурсницы)... Ну, может, и не на ней,— говорю,— все равно на ком, но жене может такая жизнь совсем не понравиться». В общем, мне каза-

УПРАВЛЕНИЕ ПО РУКОВОДСТВУ ТЕХНИКУМАМИ
МИНИСТЕРСТВА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР

ПОХВАЛЬНЫЙ ЛИСТ

Выдан Педагогическим Советом Саратовского индустриального техникума трудовых резервов учащемуся 3 курса литейного отд. Гагарину Юрию Алексеевичу

За отличные успехи и примерное поведение.

лось тогда, что это обычные мальчишеские выдумки.

— Может быть, Гагарин был замкнутым, и просто о нем никто ничего не знал по-настоящему?

— Да нет,— задумчиво возразила она,— он был очень открытый и простодушный.

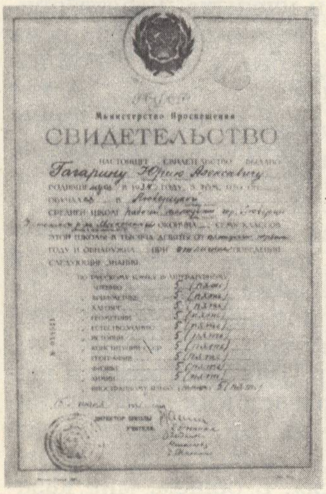
Как большинство вспоминающих о Юрии Гагарине. Надежда Антоновна запомнила и очень много и обидно мало. Она как бы впитала в себя его образ целиком, не расчленяя на отдельные черты и поступки.

У Гагарина на всех этапах его жизни была удивительная особенность: он постоянно был на виду, но никогда не выделялся. С ним не случалось ни каких-нибудь скандальных оплошек, ни чрезвычайных событий. В те минуты, когда нужна была помощь, требовалось сочувствие или хлопоты за кого-то, неизменно и ненавязчиво возникала его невысокая фигурка. Опять же не одиноко, а в окружении товарищей.

По обыкновенному же, человеческому счету Юрий продолжал, как и в детстве, оставаться отзывчивым и добрым малым. Неблагодарность не была ему свойственна ни в коей мере, и потом, уже став необыкновенно знаменитым, он находил время помнить всех своих старых учительниц, находил слова, чтобы их порадовать, и вообще был прекрасно щедр в течение всей своей короткой жизни на добрые движения души.

Так, райкомовский работник Анатолий Васильевич Медведков, человек в Гжатске недавний, пришлый, вспомнил, к слову, как ездил с Гагариным, уже кандидатом в депутаты Верховного Совета, в соседнюю Сычовку.

Стояла очень снежная зима. Усталый Гагарин вышел боковой дверью из Дома культуры, где только что окончилась его встреча с избирателями, и пробирался по узкой тропке через сквер. И вдруг заприметил поодаль старушку: она тоже спешила на митинг, да опоздала, завязла в сугробе.

Министерство Просвещения

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Гагарину Юрию Алексеевичу

Гагарин подобрал полы шинели, шагнул и, черпая ботинками снег, вынес старушку на тропку. «Ах, батюшки! — всполошилась она.— Я ведь хотела космонавта послушать. Неужто ушел?» «Нет, бабушка. Это я». Обрадованная старуха стала задавать вопросы. Пока он с ней разговаривал, подвалила толпа из Дома культуры. И так он шел, охотно останавливаясь на каждом шагу, потому что его окружали все новые люди. Они только что слышали его и видели на трибуне, и все-таки им было жалко отпускать его.

В этом маленьком происшествии нет ничего примечательного, кроме того, что оно обогатило людские сердца. А если бы Юрий Алексеевич был жив, он бы, наверно, не смог даже припомнить того вечера.

Непохожесть, неповторимость душевного мира более всего и выявляются в героических судьбах. Все знают об их вершинах, но как угадать истоки?

...Но как ни ровно текла его учебная жизнь, маленькие студенческие накладки случались, конечно, и у Гагарина. Надежда Антоновна припоминает единственную гагаринскую «четверку» по педагогике; она была результатом недоразумения. В дружной группе литейщиков, где старостой был вполне взрослый, даже семейный уже человек по фамилии Некрасов, разумеется, не обошлось и без своей паршивой овцы. Это был нагловатый и шкодливый молодой человек, которого приходилось вечно спасать от гнева учителей. А однажды даже относить в милицию якобы подобранные им возле пьяного ручные часы...

Так вот, на экзамене по педагогике — надо заметить, что Саратовский индустриальный техникум имел широкий профиль, и его выпускники могли впоследствии стать как производственниками, так и преподавателями ремесленных училищ,—на экзамене Гагарин сидел с ним за одним столом. Оба парня только что взяли по билету, и «овца», с первого взгляда поняв, что собственный билет для нее подобен голому камню без единой травинки, стрельнула глазами вбок. Прежде чем Юрий опомнился, произошло мгновенное сальто-мортале: билеты были обменены. Преподаватель заметил неладное («Сшельмовали что-то, а что именно, не могу понять!») и рассерженным голосом вызвал Гагарина к столу. Тому пришлось отвечать по чужому билету без подготовки...

Его сокурсница, белокурая Римма Мироньичева, ныне Гаврилина, сказала о своем впечатлении от Юры Гагарина, второкурсника, так:

— Юра был легкий человек...

Его постоянная неистощимая веселость, умение обернуть любую неловкость в шутливую сторону, неутомимость и добродушие привлекали всех.

Вот у кого-то оказался фотоаппарат. «Сниматься, сниматься!» — тащит Гагарин. Он же придумывает мгновенно «сюжет кадра». Вы-

тащив из кармана фуражку (стояла осень, и парни щеголяли до первого морозца с непокрытыми головами), он подкидывает ее вверх, а Римма ловит...

Никто не предполагал тогда, что любой гагаринский снимок станет со временем достоянием истории И через сто лет архивисты примутся столь же кропотливо искать крохи его биографии, как мы сейчас стараемся по темным намекам восстановить жизнь Магеллана. Да и хорошо, что не знали! В нашем сознании Гагарин не стал памятником. Мы говорим о нем как о живом. А те, кто его знал близко, любят прежде всего доброго, верного товарища.

Ведь и Римма Сергеевна, спустя много лет вместе с мужем и другими однокашниками, примостившись на продавленном диване в боковой комнатке, куда сбежали они вместе с Первым Космонавтом из-за парадного стола, не спросила его: «Какие награды тебе вручали?» — но лишь: «Устал ты, Юрка?»

Это был двадцатипятилетний юбилей техникума. Его бывшим воспитанникам разослали приглашения. От Гагарина ответа не было, и на это, собственно, даже не обиделись: мало ли у него дел!

А между тем Гагарин, напротив, очень хотел приехать. Только сделать это незаметно.

Когда он покупал билеты для себя и для жены, он взял честное слово с железнодорожного служащего, что тот никому не проболтается о поездке.

Служащий томился неимоверно! И поделился новостью лишь с помощником. Помощник оказался человеком хитроумным: «Но с меня-то он слова не брал?»

Полетели звонки по инстанциям. И когда поезд Москва — Саратов достиг места назначения,— увы! — Юрия ожидала торжественная встреча. И митинги, и длинные столы президиумов, и список «мест посещения». Как будто он не знал здесь каждого переулка! Как будто стремился не в город своей юности, где так было бы, наверно, сладко и грустно постоять одному под каким-нибудь памятным деревом или толкнуть заржавелую калитку.

Юрий Алексеевич всегда отличался тактичностью и выдержкой. Наверняка он виду не подал, что его постигло некоторое разочарование. Он только посадил на банкете поближе к себе старых друзей, которые кричали ему через стол: «А помнишь?!»

Он освободил стул для Надежды Антоновны Бренько, повторяя жене: «Валя, это ведь та самая Надежда Антоновна».

Надежда Антоновна как-то мне сказала:

— У меня мало было своего отдельного счастья. Мое счастье начиналось, когда я входила в класс.

Учительство всегда представлялось ей высшим жизненным назначением.

Когда несмышленым ребенком вместе с матерью — вдовой, беженкой из-под Гродно — она попала в астраханское село на широком волжском рукаве Ахтубе и началась жизнь нищая и тяжкая — ведь за пару башмаков, чтобы зимой пойти в школу, десятилетняя девочка изо дня в день гоняла по кругу лошадей, двигавших водяной ворот, поливное колесо,— о, какой удивительно возвышенной и прекрасной представлялась ей жизнь сельской учительницы, той самой, что из жалости однажды зазвала ее к себе и умыла!

Ночью она тихонько молилась про себя: «Сделай меня учительницей, и больше я ни о чем не попрошу!»

Я думаю, что судьба не так уж плохо обошлась с человеком, если все-таки исполнила его детские мечты.

Саратовские очевидцы

Как быстро меняются города! Люди еще молоды, полны сил, а дома, словно прошло целое столетие, надстроены, перестроены, перекрашены.

Индустриальный техникум из трехэтажного кирпичного здания губернского толка превратился в серую глыбу современной пятиэтажки. Шершавые, пупырчатые его бока похожи на наждак.

— Вот тут,— говорят мне,— была стена, а здесь раздевалка. И колонны круглые.

Такое ощущение, будто стены то сжимаются, то растягиваются. Я пытаюсь увидеть эти коридоры и лестницы.

Там, где сейчас библиотека — по коридору налево, первая дверь направо,—был раньше класс; там на последней парте сидел Гагарин.

За несколько месяцев до полета старшим лейтенантом он приехал в Саратов и пришел сюда... «Хочу посидеть за своей партой».

Константин Павлович Турецков, мастер фрезерного дела, сухопарый, уже с обильной проседью, хлопнул его по плечу. «Кто же ты, Юрий, теперь?» «Летчик-испытатель». «А зачем такую трудную и беспокойную профессию выбрал?» Гагарин улыбнулся: «Так другие ведь могут? И я могу».

Турецков отомкнул мне бывшую литейку, где настилают кафельный пол, приспосабливая ее совсем для других целей. Здесь от новеньких станков пахнет свежей масляной краской. Здесь тоже все изменилось, кроме разве квадратных переплетов стеклянной крыши. Турецков раскидывает руки и начинает свой рассказ.

— Вот тут была литейная печь, по-нашему, вагранка.

Я смотрю во все глаза... и начинаю видеть.

Я вижу зимний день с промельком снеговых туч, мохнатое небо над стеклянной

Юра хоть и слыл отличным литейщиком, но за любую самую черную работу брался.

крышей. Слышу скрип песка под подошвами Юриных башмаков. («Они у него вот такие были, навырост. Какие завхоз выдаст. Сам не покупал, из дому денег не просил. Если совсем туго приходилось, пойдут с ребятами на железную дорогу, что-нибудь погрузят, разгрузят. Подработают».)

В тот зимний день, который темнел на глазах, превращаясь в инистые сумерки, директор техникума расстроился, что вот, мол, остался невыполненным срочный заказ, надо бы отлить одну деталь. «Уплатить я вам не могу,— сказал он,— но уж очень надо, ребята!»

— Мы, мастера, каких учеников запоминали? — журчит за моей спиной голос.— Или лодырей отчаянных, или выскочек. А Юра стоит себе скромно, спорить не будет. Хоть и был отличным литейщиком, но за любую самую черную работу брался.

— Может, он просто относился ко всему этому равнодушно? — спрашиваю, не оборачиваясь.

— Нет, он был не равнодушным, а старательным. Или, если по-старинному сказать, прилежным. На хорошее дело первый закоперщик. Вот и тогда. «Ну, надо»,— говорит. Остались ребята, разожгли вагранку, чтоб работать допоздна...

Так зимний день в моих глазах стал ранним вечером. На рабочих комбинезонах ярко вспыхивал румянец литейной печи...

— А вот эта лестница старая! — сказал мне кто-то с радостью.

Перила в самом деле были шатки и скрипучи.

Черноволосый курчавый Анатолий Иванович Ракчеев, нынешний заместитель директора по производству, возносится по крутым ступеням, не касаясь перил.

— Героем быть просто! — хохочет он.— Летчику приказано стать космонавтом, вот он и летит. Такая же работа, как у вас или у меня.

«Ну прямо как в песне,— беззлобно думаю я.— «Когда страна прикажет быть героем...»

Я, разумеется, спорю с Ракчеевым, но не очень. Чем-то молодым, озорным пахнуло от его голоса, лица. Словно только вчера он, недавний выпускник этого самого техникума, вместе с Гагариным и его товарищами, все двенадцать или четырнадцать парней, набиваются в лодку.

Перевозчик собирает рублевки, мотор стучит все быстрее, и Волга уже прошита пенным следом, как белой ниткой.

— Тихий? Прилежный? В сторонке стоит?

Какая ерунда! Балагур, озорной парень, как и все мы были тогда.

Юра Гагарин... Юра Гагарин... Каким теплым пятнышком остался ты в груди многих самых разных людей!

— А вы знаете, что он был капитаном баскетбольной команды?— даже как-то строго вопрошает меня седой Семен Николаевич Романцев.

Семен Николаевич уже на пенсии, сейчас, в обеденный перерыв, пришел поиграть с бывшими сослуживцами в шахматы.

— А ведь Юра был невысокого роста. Самый маленький — и капитан! Почему?

Я этого не знаю.

— Потому, что ребята ему доверяли. Где Юра Гагарин, там порядок.

Но истинным воплощением порядка мне показался Александр Гаврилович Шикин, приехавший на следующий день из Балакова — города, стремительно обрастающего заводами. По населению Балаково нынче третий город в области, после Саратова и Энгельса.

— Живем, как в Венеции,— говорит обстоятельный Шикин.— По шлюзу ходим.

Его коттедж, построенный методом народной стройки, когда будущие домовладельцы с помощью завода, навалившись, как говорится, миром, возвели целый поселок, теперь отрезан и рекой и каналом от нового города.

Конечно, когда заводской парень Саша Шикин, проработав уже восемь лет модельщиком, решил поступать в Саратовский индустриальный, Балаково, из которого он уплывал на пароходе, было совсем другим.

А вот Шикин, мне кажется, всегда одинаков! Словно он так и появился на свет рассудительным, все обдумывающим впрок и знающим главную мерку вещам: сколько и на что потрачено усилий.

Он отвечал на том первом собеседовании зычно, по-солдатски, хотя в армии не служил. Отвечал в рамках своего седьмого класса, а если директор случайным вопросом пытался вывести его за эти рамки, он возражал, что такого в программе не было, и директор отступал перед его правотой. Он обещал стать надежным, крепким производственником. Александра Шикина приняли охотно.

Гагарина Александр запомнил сразу. Директор хвалил пятерых москвичей — вот Шикин и приглядывался к ним на обязательной для всех литейной пробе.

Опять я мысленно населила бывшую литейку с ее стеклянным скатом потолка озабоченной гурьбой новичков. Мне помогал подробный рассказ Шикина. Сам он должен был отлить часть садовой решетки, и пока на плацу — так называется часть литейного цеха, где готовят землю для формовки,— все с одинаковым усердием лопатами таскали песок, мешали его с глиной, увлажняли и просеивали через большое решето грохота, чтоб земля стала мягкой и лепкой, Александр особенно ревниво следил за хваленой пятеркой. Нет, не всех запомнил. Князев и Перегудов как-то выпали из памяти. Но трое остальных — шкетов (разница в шесть лет ставила Шикина на недосягаемую черту взрослости) — привлекли его внимание. Хорошо, споро, толково действовали ремесленники. Шикин отдавал им должное.

И вся его дальнейшая оценка четырех гагаринских лет так и шла под знаком признания: да, умел распределить время, да, сил хватало на все, да, старался. А как же иначе? Государство взяло нас на полное обеспечение, кормило, одевало, обувало, давало профессию да еще платило стипендию. Что же оставалось еще делать, как не учиться?

В их группе литейщиков из пятнадцати человек девятеро окончили техникум с отличием. С моей точки зрения, это просто великолепно. С его — нормально. Поэтому лично он, Шикин, не так уж чрезмерно восхищался гагаринскими успехами: сам учился хорошо.

Однажды преподаватель физики, въедливый старичок, ныне покойный Николай Иванович Москвин, на каком-то показательном уроке все сорок пять минут спрашивал их вперемежку двоих. Шикин и посейчас чувствует удовлетворение от того, как ладно, без запинок они оба отвечали.

Гагарина он уважал...

— После обеда мы отдыхаем час, два, а Юра бежит на спортплощадку, готовится к соревнованиям, собирает ребят. Потом прибавился аэроклуб. Мы садимся за подготовку уроков — он уходит на другие занятия. Принесет уже поздно вечером чертежи крыла самолета, показывает нам. Он знал, что никто его сразу на самолет не посадит: нужна теория и теория. Другим это скучным казалось, в аэроклуб у нас поступали многие, да кончил он один. Вот и выходит, что в десять вечера мы уже спать ложимся, отдыхаем, а Юрий только за подготовку уроков на следующий день берется. Память у него была колоссальная, конечно. Но дело не в одной памяти.

Шикин—человек, не способный восторгаться и умиляться. У него что заслужил, то и получи. Ближних он склонен скорее подвергать критическому анализу, чем переоценке. Да, Гагарину нравилось, когда учителя его вызывали и он мог показать свои знания. Выскочкой не был (Шикин добросовестно морщит лоб, сверяясь с воспоминаниями), но встать перед классом и ответить четко, ясно, весело любил. Разве это плохо?

После приема в техникум Шикин на полтора месяца уплыл к себе в Балаково, а приезжие москвичи до начала занятий остались в Саратове.

Смоленская троица — Чугунов, Гагарин, Петушков — сначала праздно шаталась по городу со своим люберецким преподавате-

лем Владимиром Александровичем Никифоровым, которому вряд ли тогда было тоже больше двадцати двух лет. Саратов после Москвы казался им очень тихим и зеленым.

— Не улицы, а сплошной парк,— обронил как-то Юрий, когда они вчетвером шли в густой тени.

Беззаботная жизнь выпала им поначалу.

Они побывали во всех местных музеях. Заходили в дом Чернышевского — крыльцо во дворе, над ним ветхий балкончик со свежепобеленными балясинами, а в душных комнатах, среди экспонатов под стеклом, лежали прописи маленького Николеньки. Одна повторяющаяся фраза, овеянная особо грустной и трогательной интонацией: «Честный человек всеми любим. Честный человек всеми любим. Честный человек всеми любим...»

В Саратове любые маршруты начинаются от Крытого рынка. Он расположен в центре, на перекрестке пяти улиц. Протяженное двухъярусное здание с куполом и полукруглыми окнами во всю стену по фасаду.

Ночами пустой Крытый рынок тихо светится изнутри, как сонный корабль...

А оканчиваются саратовские маршруты неизменно у Волги, на зеленом крутом косогоре; он еще не скоро станет Набережной космонавтов, красой города; пока Юра Гагарин сигает с него в воду.

Непередаваемо радостно ощущение тела, слившегося с волной! Теплые и прохладные струи попеременно ласкают кожу; мышцы напрягаются, вздрагивают от наслаждения; зеркальные искры обдают глаза и рот; запах рыбьих затонов, сладких корневищ, водяных трав вливается в ноздри.

Равнинные реки полны величавым покоем. Человек на миг как бы впитывает в себя их задумчивое величие, становясь тоже добрым и огромным.

— Вот что, ребятки,— сказал через неделю директор техникума Коваль, приметив, что москвичи повесили носы и затомились бездельем.— Поезжайте-ка в колхоз, на уборку. Разомните косточки.

Они с радостью согласились.

Луна, Рахметов и дневник Гагарина

Саратов плавился в тридцатиградусной жаре. Стены домов и крыши излучали тусклое сияние, сквозь которое резко, как клинок, вдруг взблескивало далекое окно. Небо, Волга, горы одинаково тонули в пепельной мгле. Густые деревья вдоль улиц хранили в радиусе своих крон уже не прохладу, но лишь спасительное для глаз затенение.

На колхозном току наши смоленские парни, едва отчихавшись от дорожной пыли, окунались в крупную метель летящей половы. Горячие завихрения воздуха охватывали обручем потные лбы: колючие ости прилипали к губам и царапали.

— Давай, давай! — кричали им полуголые, возбужденные работой мужики, от которых шел запах хмельного кваса.

— Давай! — с готовностью подхватывала неразлучная троица, вскидывая лопаты с зерном.

Лишь нагрузив кузов, они припадали к ведру. Вода текла мутными ручейками по запыленным подбородкам. Они плескали друг дружке горстями в лицо, лили на загривки, хотя и знали, что знойный ветер тотчас высушит, а плотная пыль вновь облепит с головы до ног, едва они выведут груженую машину на знакомый шлях до Екатериновки.

Так, день за днем солнце прожаривало их. Они уже и сами себе казались ржаными сухарями, которые знай ворочаются на противне. Дни текли бездумные, веселые. Ночь подстилала под бок мягкие пшеничные снопы. Сон приходил мгновенный, без сновидений.

Однажды, возвращаясь после третьей за сутки поездки на элеватор, они притормозили на обочине. Пройдя в сторону шагов сто, вступили босыми ногами в черную теплую речку, почти невидимую в темноте.

И тотчас вспомнилась мигающая у Саратова Волга в береговых причальных и корабельных огнях. Здесь, в степи, темь была мохнатой, густой, хотя уже выкатывалась из-за ближнего пригорка луна. Дымная от неостудившегося дневного жара, от дрожащей над полями пелены, желтая, как копна мякины, она тяжко отдувалась круглыми щеками и золотила надвинутый козырек тучи.

Они ушли под воду до подбородков: луна осветила их.

Вода снимает с человека обузу веса. Соседняя планета не казалась уже недосягаемой...

Но миг прозрения быстро потух, незаметно сменившись другими впечатлениями.

Под босыми ногами осыпался мелкими комьями бережок. Свежесть безымянной речки. Устойчивый степной запах полыни. Ленивый ветер едва переползал от холма к холму.

Они лежали навзничь в кузове своей машины, дышали душистым ночным воздухом, подставив запрокинутые лица оранжевому сиянию, расслабив блаженно мускулы, раскинув руки и ноги, и прежде, чем веки окончательно слиплись, ощущали каждой клеточкой тела беспредельное молодое счастье

Юра знал, что никто его сразу на самолет не посадит: нужна теория и теория.

Жизнь велика и обещала им многое! Рассудительному Тиме, мечтательному, кроткому Сане, компанейскому Юрию — всем троим сквозь сон кивали утвердительно их большие надежды.

...Шикин вернулся в Саратов в последних числах августа, и первое, что запомнилось ему,— это совместная поездка всей группы литейщиков за шихтой на станцию Уляши.

А дальше потекло учебное время в простой рамке дней: утренний завтрак в восемь часов — тарелка каши и стакан чая — и поздние вечерние занятия в комнате общежития за длинным столом, когда большинство сокурсников уже спит под разноцветными байковыми одеялами, прикрыв лицо простыней от света лампочки на длинном шнуре. В этом незамысловатом обрамлении рядом с другими, заодно с ними жил юноша Гагарин, ничем не отличавшийся, кроме целеустремленности. Как ни странно, эта целеустремленность была направлена не в одну-единственную сторону, как случилось у большинства выдающихся людей, знавших «одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть».

Жадность его мозга была удивительна. А, впрочем, почему удивительна? Не являлся ли он просто примером здоровой гармоничной натуры, которая не может богатства мира воспринимать лишь мимоходом?

Упорство, оптимизм и работоспособность — главные его черты.

Мне не удалось ни от кого получить ни малейшего намека на то, что Гагарин в детстве или юности был безудержным фантазером. Нет, он стоял на земле так же крепко, как и его однокашник Шикин.

— Да у него романтикой была набита голова! — воскликнул, качая головой, многолетний приятель Юрия Виктор Порохня.

— Мальчик он был,— сказала умудренная жизнью женщина. — Долго оставался мальчиком, а это удел избранных.

Нина Васильевна Рузанова сейчас сильно больна; пожатие руки ее вяло, в выражении крупного лица слабость борется с былой энергией.

Гагарина она запомнила в первый же день занятий. Щуплый подросток — ему уже было восемнадцать, но выглядел он скорее пятнадцатилетним,— легко краснеющий, улыбчивый: ощущение постоянной улыбки создавалось приподнятыми вверх уголками губ.

Он отрапортовал, как положено, четким голосом, что класс к занятиям готов и что докладывает об этом дежурный Гагарин. Так она узнала его фамилию.

Он не вернулся на место без разрешения. «Садитесь, Гагарин»,— сказала она. (В техникуме студентов называли только на «вы». «Ты» появлялось лишь вне занятий, оно носило дружеский оттенок.)

За четыре года Нина Васильевна, как ей казалось, узнала Юрия очень хорошо. Ему нравились уроки литературы, он много читал по программе, но всегда, забегая несколько вперед, и частенько с обычным милым своим выражением скромной внимательности останавливал учительницу в коридоре или просовывал голову в приоткрытую дверь:

— Нужно поговорить.

Вот он только что прочел «Войну и мир» и не мог дождаться, когда роман будут раз-

бирать на уроке. Ему очень понравился Болконский!

На одном из первых уроков зашел разговор о счастье.

— Счастливым человек может быть только вместе со своей страной,— убежденно сказал Гагарин.

Отличная память тотчас подсказала строки из поэмы Алигер: «Нам счастья надо очень много. Маленького счастья не возьмем». Подвиг Зои представлялся ему верхом человеческого благородства и уже тем самым мог почитаться счастьем.

— Если бы я попал в такое положение, я хотел бы вести себя так же.

— Струсил бы,— шутливо ввернул кто-то из однокурсников.

— Нет!

Разумеется, это был обычный разговор обычных советских учащихся на рядовом уроке литературы. Значительным он становится лишь теперь, когда каждая мелочь биографии Гагарина приобретает особый смысл.

Хотела бы я знать, кто не спорил, прочитав «Что делать?», о резкой, мрачноватой, волнующе-привлекательной фигуре. Рахметова?

Юрий остановил Нину Васильевну в коридоре:

— Целую ночь проспорил в общежитии из-за Рахметова. Вот бестолочи! Говорят, что нечего ему было спать на гвоздях: героизм, мол, не в этом.

— А что отвечал ты?

— Дело не в гвоздях, а в испытании. Революционер должен знать, на что он способен, где граница его сил. Проверить это можно по-разному. В том числе и так, как Рахметов.

— Чем же кончился ваш спор?

— Я их убедил. Уже под утро.

Кроме литературы, Нина Васильевна вела уроки русского языка. У Юры Гагарина тетради были чистенькие, аккуратные, а почерк скорее девичий (с годами он менялся). Но был случай, когда домашнее задание оказалось выполненным неряшливо, с кляксами, ошибками.

— Ребята, разве это похоже на работу Юры Гагарина? — спросила она, показывая листок со злосчастными деепричастиями.

Гагарин молчал. Опустил глаза — и ни слова в оправдание.

На перемене ученики догнали Рузанову в коридоре.

— Вы знаете, почему так получилось у Гагарина? Он вчера поздно вернулся с тренировки, а во всем общежитии выключили свет, заниматься было нельзя. Юрка проснулся на рассвете и готовил уроки наспех.

К следующему уроку Юрий подал тетрадку с двумя упражнениями: тем, которое было задано на сегодня, и с прежним, на деепричастия, переписанным заново.

— Больше это не повторится, Нина Васильевна,— сказал он.

И действительно, не повторилось.

— Был ли Юра фантазером? — переспрашивает она меня. И некоторое время находится в затруднении: — То есть мечтателем? Конечно, у него была мечта стать летчиком. «Я хочу летать»,— говорил он мне не раз.

Я знаю, человеческая память не самое надежное свидетельство. Иногда нам кажется, было так, потому что именно это наиболее логично.

Нина Васильевна слегка горячится:

— Но он в самом деле мечтал об этом! Он мне рассказывал, как в детстве смотрел на летящие самолеты...

Да, я знаю. В Клушине опустился подбитый советский самолет. Все клушинские мальчишки бегали смотреть, когда немцы сняли охрану.

Но вот я спрашиваю летчика Юрия Гундарева:

— А почему вы и ваш тезка пошли в аэроклуб? Послужило ли что-нибудь толчком? Не может быть, чтобы вы ни разу не вспомнили потом об этом между собою.

Он добросовестно думает.

— Знаете,— говорит он с облегчением, просияв улыбкой,— скорее всего нам обоим понравился фильм «Истребители».

— А как вы думаете, если б Гагарин не поступил в летную школу, как бы сложилась его судьба?

— Он бы учился в институте. Уж это я точно знаю.

Я вспомнила, что и Шикин рассказывал: когда получали направления, Юрий говорил: «Вы, ребята, выбирайте, что получше, а я возьму, куда останется. Все равно ехать не придется».

Интересно, а когда он это говорил? Уже окончив курсы аэроклуба и готовясь к поездке в Оренбург или до этого?

Звоню Римме Гаврилиной. Она вспоминает:

— Направления мы получили в апреле. А дипломы защищали в июне.

— Не в мае?

— Нет, в июне. Даже, кажется, и июль захватывали.

— Ну, июль не может быть.

Я знаю, что в июле Юрий уже жил на аэродроме в Саратове и трудно, так мучительно трудно отрабатывал посадку.

Нина Васильевна Рузанова позвонила мне на следующее утро.

— А вы знаете,— торопливо сказала она,— Юрий вел дневник. Вот бы разыскать его!

Я жадно спрашиваю: как она об этом узнала?

— Мы остались с ним как-то вдвоем после занятий литературного кружка. Только что разбиралось его сочинение.

«Юра,— сказала я.— Ты же хорошо выучил деепричастия, а у тебя попадаются обороты вроде: «Сидя у окна, прошел трамвай». Он сердито хлопнул ладонью по лбу: «Вот пешка! Неужели я так написал?!» Потом застенчиво проговорил: «Давно хотел сказать: я веду дневничок. Только там, наверно, полно ошибок, да и пишу я безалаберно: только о том, что меня взволновало». Он мне показал тогда некоторые страницы. Правда, кое-что неуклюже загораживал ладонью.

— Вспомните, пожалуйста, вспомните хоть приблизительно: какого рода были записи!

В трубке задумчивое молчание. И мое напряженное ожидание по эту сторону провода.

— Как-то весной мы всем техникумом ездили на маевку, в дачное место, на Девятую остановку. И вот Юра описал этот день примерно так: «Как дышится легко! Неплохо было бы здесь и уроки готовить. Но далеко ездить. Ничего, рядом Липки». (Липки — сквер в центре Саратова, в двух шагах от техникума.)

— Иногда он записывал впечатление от урока,— продолжает Нина Васильевна. — Например, о физике: «Сегодня Николай Иванович начал урок с того, с чего и всегда,— с Жуковского. Имя это меня заинтересовало, хочется знать побольше».

С небольшой запинкой Нина Васильевна добавляет:

— Была запись и о моем уроке по «Грозе» Островского. Всего он мне не показал: наверное, там дальше шли его собственные рассуждения о любви. Но такую фразу помню: «Нина Васильевна вся ушла в урок».

Она молчит, растроганная воспоминанием. Потом добавляет:

— Его приятель Петрунин в одной статье написал, что «...Нина Васильевна всегда была без ума от Гагарина». Это и так и не так: Юра Гагарин был моим любимцем, но не любимчиком!

— Нина Васильевна! Не оправдывайтесь. Мы все его любим. Я ведь тоже его люблю!

— Спасибо вам за это,— неожиданно говорит она.

В этот день мне не хотелось больше ни с кем говорить, ничего не хотелось записывать. Я приняла приглашение знакомых поехать с ними на моторном катерке за Волгу.

Тугая, плотная волна и мелкие зеркалышки, плывущие навстречу; Саратов в пепельной дымке, придвинутый к подножию круговых плоских гор,— весь-весь необыкновенный солнечный мир поворачивался ко мне, как некогда и к Юрию, то одним боком — с городскими трубами, то другим, лесистым, где тихая Сазанка вливается в Волгу, где рыбьи заводи и песчаные отмели, атласные под ногой; зыбкие острова в камышах...

Пора весны, пора юности подходила к концу. Гагарин готовился вступить в лето своей жизни.

Первые крылья

Юношеские увлечения очень важны. В юности определяется: далеко ли человек пойдет и на чем остановится?

Юрий был небольшого роста, но он захотел стать баскетболистом.

— Если бы вы видели,— сказал бывший военный летчик, наставник Юрия в аэроклубе, Сергей Иванович Сафронов,— если бы вы видели, как он посылал мяч из середины круга прямо в корзинку!

Я пытаюсь представить это единоборство с мячом: ожидающие глаза; руки, готовые вскинуться в неотразимом броске.

Юрий увлекался спортом упоенно и в то же время методически. А вместе с тем легко, без болезненного самолюбия и стремления добиться первенства любой ценой.

В натуру этого юноши самой природой был вложен прочный, долговременный механизм, как бы точные часы, которые размещали по своим рубрикам и «делу время» и «потехе час». Он готовился к жизни плодотворной, долголетней. Он накапливал и накапливал, чтобы потом отдавать.

Вот что рассказал Владимир Павлович Каштанов, методист-инструктор аэроклуба, загорелый, подвижной пятидесятилетний крепыш:

— Я Гагарина помню еще до аэроклуба. Каждый вечер ходил в детский парк играть в волейбол. Я и сейчас люблю с молодежью мяч покидать, а тогда дня не пропускал. Он тоже спортсмен заядлый; мы друг друга сразу приметили. Слышу, он спрашивает: откуда, мол, этот загорелый дядька? Я подхожу и отвечаю: «Из аэроклуба». Ребята меня окружили: «Где тут аэроклуб? Кого туда принимают?»

Владимир Павлович из тех немногих боевых летчиков, которые работали с самого основания Саратовского аэроклуба. В двадцать восемь лет Каштанов уже вышел в отставку. Но войну прослужил в гвардейском летном полку. Главное его дело было связь с партизанами: снабжение их, вывоз на Большую землю.

Однажды в темноте просигналили ему посадку на лесную просеку — он снижает самолет и каким-то шестым чувством чует: что-то не так, не партизанская обстановка. Что-то его насторожило. Он с ходу и рванул свой самолет обратно в воздух. Позднее узнал: в самом деле немцы захватили у партизан код и тут, на лесном потаенном аэродроме, собирались взять советского летчика.

Чуть смущены и необычайно горды победители пионерской спартакиады. На трибуне рядом такой дорогой гость! Юрий Алексеевич отдает честь Гимну и флагу. Он стоит по стойке «смирно». А в глазах и в улыбке столько тепла.

Каштанов закончил войну в Берлине и еще два года, уже на мирном положении, оставался там, возил почту, пассажиров, выполнял хозяйственные работы. Потом осел окончательно в Саратове, на учебном аэродроме.

За аэродромом начиналась дубрава. Дуб растет медленно, живет долго. Нынешняя дубрава поднялась от старых спиленных стволов, она молода, невысока, но тениста.

В благодатной тени под дубами беспорядочно теснят друг друга гигантские лопухи величиною со слоновьи уши; дикая конопля со своим пьяным, терпким запахом; крапива, подстерегающая у тропинок; сумрачный чертополох и горько-сладостная полынь.

Посреди поднятого метров на полтораста над Саратовом плато, где пыльные придорожные травы так жестки, вдруг возникает уголок тени и птичьего щебета. Колодец со сладкой леденистой водой, несколько домов из серого кирпича да отара брезентовых палаток. На летном поле в полуденном зное присевшие ненадолго зеленые вертолеты, как всегда, до смешного похожие на больших стрекоз. И учебные самолеты с крупными, уже несколько выцветшими под солнцем звездами.

«Методический городок», ранее примыкавший к летному полю, так что самолеты были тут же, на виду, теперь перекочевал на другую сторону, ближе к проезжей дороге. Выросло каменное двухэтажное здание штаба.

Он окружен низким палисадом в две поперечные досочки. Круговая скамейка человек на шесть, семь вокруг стола с фанерной покатой крышкой; на нем нацарапаны фамилии и имена, красуются чернильные рожицы. В нескольких шагах, на дубе,— грифельная доска с нестертой схемой. Перед доской такой же фанерный, с чурбаком-подставкой стол инструктора величиною в развернутую газету. Это — место одной группы. У соседнего дуба — другая доска и другие скамейки.

Но все группы занимаются у «взлетного поля» — прямоугольника, засыпанного песком и ограниченного рамкой из кирпичей: шесть кирпичей в длину и пять в ширину.

Владимир Павлович Каштанов кладет окурок на землю, прикладывает к нему ветку — получается посадочное «Т». Самолет — зеленый лист — огибает окурок против часовой стрелки, взлетает, поднятый его рукой, и делает круг... Полет занимает шесть минут. На сто две минуты меньше того круга, которым впоследствии Гагарин опоясал планету.

Пока же он вместе со всеми стоит перед жестяным щитом, где большими желтыми пятнами обозначены зоны полетов. На этом плане можно было увидеть и черные палочки дубков и синий лоскут Волги с косичками впадающих в нее малых рек...

Видимо, техника не привлекала Гагарина с самого начала. Он учился хорошо, потому что все делал хорошо, но нравилось ему другое. Что именно? Как было узнать, не испытав? Его тянули к себе порядок, четкость и возможность более убыстренного движения по жизни. А его страсть к нагрузкам, каждый раз чуть превышающим силы, оставалась неизменной во все времена.

Об этой страсти впервые рассказал мне летчик Мартьянов.

У Мартьянова спокойные глаза, присоленные ранней сединой гладкие волосы (сорок ему еще только исполнится), твердый рот со

слегка извилистой верхней губой, что придает лицу выражение и легкой ироничности и какого-то особого доброжелательного внимания. Он вдумчив, прямолинеен в суждениях и, должно быть, где-то в глубине души мягок и горд.

Из своих первых курсантов двадцатидвухлетний инструктор запомнил тогда больше всех некоего Лобикова: этот Лобиков тяжело ему достался! Правда, и Лобиков стал в конце концов пилотом Гражданского Воздушного Флота (летчики говорят просто ГВФ), но страх перед перегрузками у него остался надолго. И в этом была вина неопытного инструктора.

Быть как можно дольше в воздухе мыслилось ему всегда наслаждением. Подняв новичка в воздух, он и его продержал там не двенадцать минут, как положено, а все пятьдесят. Беднягу Лобикова укачало так, что он почти потерял сознание...

Лобиков и Гагарин остались в памяти Дмитрия Павловича, как две полярные курсантские личности.

Гагарин появился в группе уже четвертого мартьяновского набора, хотя по возрасту их с Юрием разделяло всего три года. Осенью, в дни начала занятий Мартьянов, как это было положено в аэроклубе, обошел дома своих курсантов. Юрия он застал в большой комнате общежития: сидел на кровати, читал. Курсант показался инструктору щуплым и малокровным. Впоследствии Мартьянов понял, что впечатление это обманчиво: Гагарин был очень выносливым юношей как в воздухе, так и на земле. (Волейбольная команда под его капитанством выступала против сборной всего аэроклуба.)

В классах Мартьянов отметил про себя особую сообразительность Юрия. Юрий был аккуратен, никогда не опаздывал, не пропускал ни одного занятия; в общем, инструктор решил, что это самый подходящий староста для группы.

Однако сам он бывал суров и даже резок с Юрием: «Ты не угадывай, чего я хочу, а сам соображай!»

Летчик должен воспитывать в себе самостоятельность: наедине с небом ни авторитетов, ни шпаргалок не будет. Это Мартьянов знал твердо.

Понравился ему Гагарин по-настоящему весною, в апреле, когда у самого Дмитрия начались тренировки и — что скрывать! — лучшее для него время. В один из полетов он взял с собою старосту группы: пусть, мол, приглядится, покачается... Но гагаринская жадность к воздуху, к полетам не уступала мартьяновской! Никакие виражи не утомляли его. Напротив, Юрий как будто находил особое удовольствие в растущих перегрузках, ему было все мало и мало...

Они сговорились о маленькой хитрости: зная, что Юрий опоздает к аэродромной практике, потому что в это время у него будет защита диплома, Дмитрий уже сейчас иногда передавал ему управление самолетом.

На рассвете воздух совершенно тих, это — лучшее время для полетов. Чтобы попасть на аэродром вовремя, Юрий спал с вечера не более двух часов, а после полуночи уже дежурил на пустой улице возле ограды массивного особняка аэроклуба, чтоб не пропустить служебный автобус.

Немногословный Мартьянов замечал все, хотя и не хвалил за рвение; ему казалось естественным, что для будущего летчика нет ничего важнее неба...

Не верьте тому, что великие события происходят в обыденные дни! Счастливые дни бывают особенными от восхода и до заката. Они преображены нашим ускоренным сердцебиением. А что значит, когда шибче бьется сердце? Это означает, что быстрее крутится весь земной шар.

И такой день выпал Юрию Гагарину. Впервые оторвавшись от земли — уже в одиночку, а не с инструктором,— сменив свой извечный человеческий, горизонтальный, путь на внезапный птичий, вертикальный, Гагарин ощутил захвативший его целиком восторг. Несмотря на всю свою собранность, он жил несколько секунд как во сне, когда многоликость обычных чувств смывается каким-то одним и оно полностью овладевает человеком.

О, эти первые сотни метров, такие же удивительные, как впоследствии его рывок в космос! С лихвой окупились долгие зимние вечера в аэроклубе, когда он терпеливо повторял про себя правила самолетовождения, чертил схемы крыла, подходил к мотору (настоящему авиационному мотору, но только водруженному на стол в учебной комнате) или же в кабине тренажера десятки раз переживал миг взлета как бы вчерне, в воображении: ручку потянуть на себя, нос самолета приподымается, отрываясь от взлетной полосы...

И на исходе этих фантастически прекрасных шести минут Юрия подстерегала столь крупная неудача, что она чуть было не изменила весь его дальнейший жизненный путь.

Сейчас придется отступить несколько назад в Юриной биографии и забежать немного вперед в моих собственных впечатлениях.

Я стою на балконе восьмого этажа гостиницы в Саратове и жду летчика Гундарева. Сверху люди несколько коротковаты; они катятся, будто резиновые игрушки на роликах. Ловлю себя на том, что высматриваю курсанта аэроклуба (может быть, он вон в той полосатой майке), забыв, что время идет так быстро и надо, вероятно, останавливать взгляд на макушках, тронутых плешивинкой...

И все-таки я великолепно ошиблась! Вошел человек молодой, с гладкой осмугленной кожей, черноволосый, легкий на ногу, в голубой рубашке с накладными погончика-

ми и с темно-зелеными шальными смеющимися глазами.

Совсем немного нужно было, чтобы протянуть ниточку от него, сегодняшнего летчика, налетавшего девять тысяч часов, до былого курсанта, впрочем, и тогда отличавшегося от остальных своими знаниями: он уже отслужил в летной части и, когда другие начинали с азов, вполне прилично держался в воздухе.

Он так же, как и Гагарин, опоздал к аэродромной практике: один защищал диплом в техникуме, другой кончал вечернюю школу и работал на заводе. Но путь Гундарева был выбран, завод лишь перевалочный пункт — он поедет в летную школу! Что о том же мечтает тезка Юра Гагарин, он, естественно, не знал. Он вообще тогда знал Юру только в лицо: теоретические занятия новичков Гундарев посещал редко, он налегал на десятилетку — без среднего образования в летную школу не примут.

В Саратове его назначили старшиною отряда. Это был лихой и не всегда выдержанный старшина, сила и озорство кипели в нем вперемешку. Однако на Гагарина он «положил глаз» безошибочно. И, пользуясь своей властью — пользуясь ею опять же с обычным шутливым и откровенным удовольствием,— собрал парней на лужайке, а Гагарину сказал: «Ты будешь комсоргом».

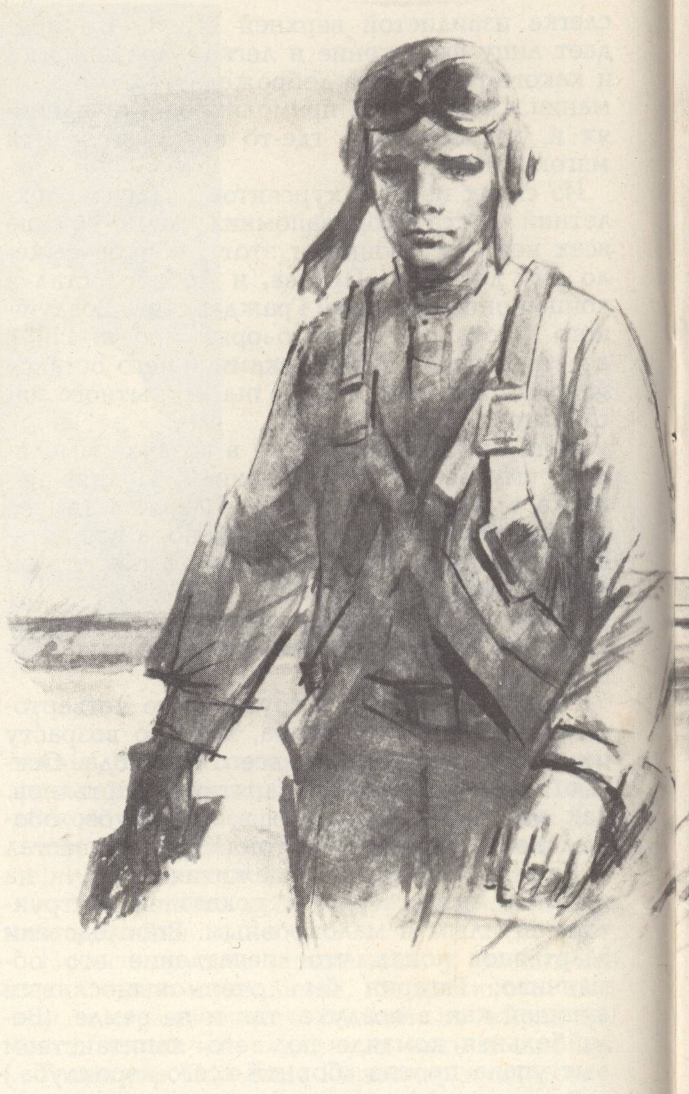
Тот не стал спорить: да я, да у меня... Ответил: «Хорошо». «А раз так,— сказал Гундарев,— то и веди собрание».

Собственно, и комсорг и собрание были «дикими»: официально в райкоме такой организации совсем и не значилось. Курсанты состояли на учете при своих заводах, в своих школах: там платили взносы, там получали поручения и нахлобучки. Но, коль скоро собралось шестьдесят парней, шестьдесят комсомольцев, нужно было ввести какой-то порядок. Так Юрий стал комсоргом.

Летать они начинали очень рано — в пять утра, а иногда и в четыре. Засыпали и просыпались все в разное время. В восемь вечера, когда летом, в июле, солнце еще светит вовсю, часть палаток затихала: молодые не знают бессонницы, сон одолевает их одинаково и при луне и при солнце.

Но два Юрия — старшина и комсорг — позволяли себе задерживаться после отбоя — они забирались в беседку и говорили о будущем. Оба хотели стать летчиками-испытателями. Путь лежал через Оренбургское летное училище. Вот они раздумывали, как окончат аэроклуб здесь, как выдержат экзамены там...

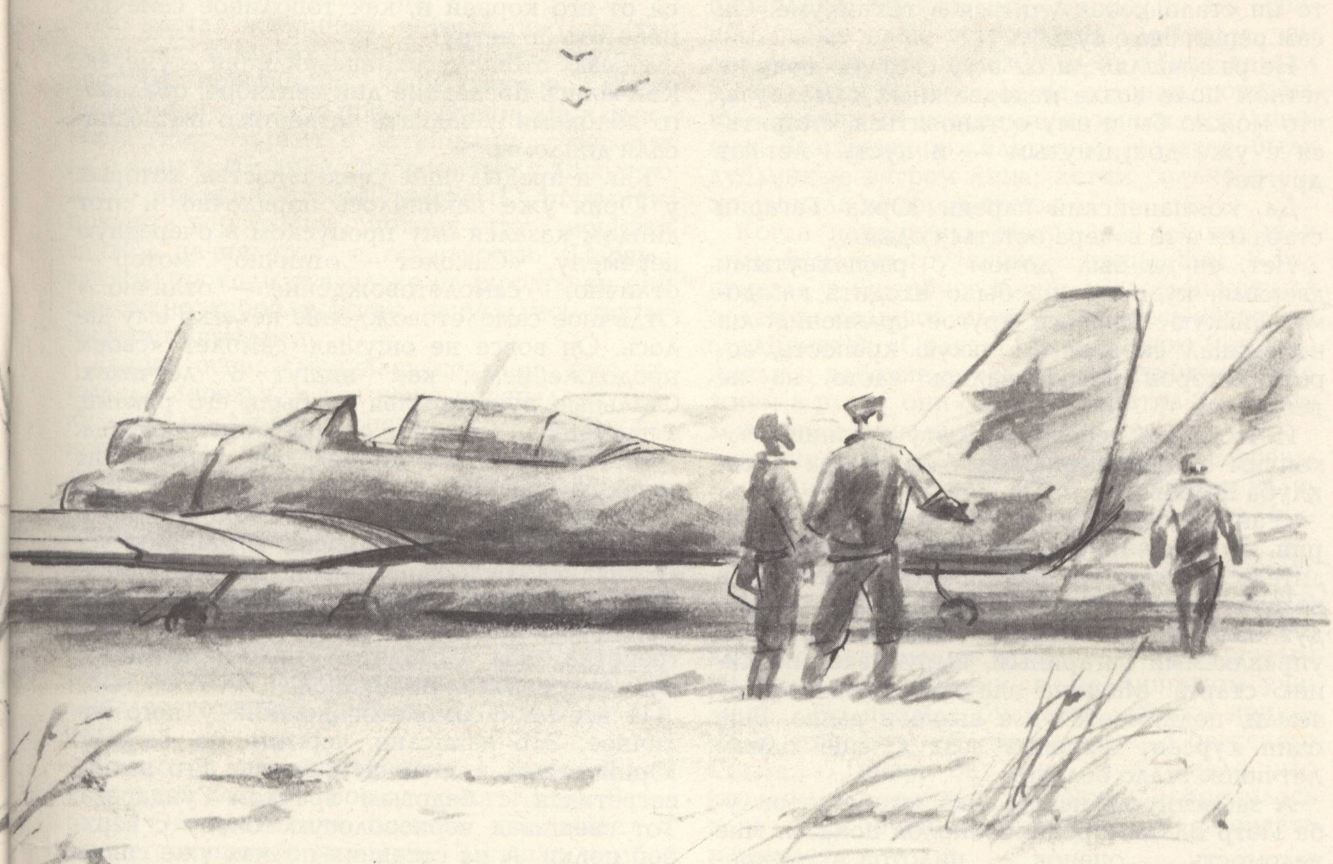
Курсанты перебазировались на аэродром в двадцатых числах июня. Гагарин задержался в городе не по своей вине — его не отпускал техникум: там настаивали, чтоб он ехал на место своей будущей работы не мешкая. Только через военкомат удалось вырваться и Юрию, когда его товарищи уже начали летать. Каждый день полетов стоил больше, чем месяц в учебной комнате. Поэтому, все зная в теории, отставший Юрий никак поначалу не мог освоить посадку. Дело повернулось так скверно, что и командир звена Герой Советского Союза Сергей Иванович Сафронов и командир отряда Анатолий Васильевич Великанов, тоже бывший боевой летчик, пришли к негласному мнению отчислить Гагарина. Времени для дополнительных занятий с ним просто не было. Правда, это еще не скрепила рука начальника аэроклуба Денисенко, хотя шло к тому.

И тут как не вспомнить добрым словом начальника летной части Константина Филимоновича Пучика!

— Анатолий Васильевич,— сказал Великанову Пучик. — Сколько лет мы с тобой уже сажаем парнишек на самолеты! И разве был хоть один случай отчисления? Что же мы будем с этого-то начинать? Ведь, говоришь, он толковый. Ну так и полетай с ним сам. Мартьянов у нас лихач, не всем его тактика прививается. Попробуй иначе, а?

— Попробую,— ответил Великанов со вздохом.

В июле Юрий жил на аэродроме в Саратове и мучительно трудно отрабатывал посадку.

И случилось небывалое: на следующий день с курсантом Гагариным в воздух поднялся не инструктор Мартьянов, даже не командир звена Сафронов, а сам командир отряда. Это не могло не вызвать тревогу, но внешне Юрий был, как всегда, собран и внимателен.

Теперь, в воздухе, ему слышался не командный, а по-домашнему успокаивающий тягучий голос Великанова:

— Начнем тренировку с определения высоты. Сейчас мы находимся на высоте двенадцати метров. Как считаешь: пора выравнивать?

Юрий рискнул возразить:

— Это высоко.

— Тогда подведи самолет чуть ниже, на семь метров, и производи посадку.

Потом уже, узнав Великанова хорошо, я особенно оценила, как этот опытный, тонкий, проницательный человек не постыдился сознаться, что в случае с Гагариным его интуиция дала промашку.

Потом я спрашивала нетерпеливо и Анатолия Васильевича и Юрия Гундарева:

— Каким он был в эти дни? Неужели не нервничал? Не чертыхнулся хотя бы...

Гундарев отрицательно мотал головой. Среди курсантов не были в моде душевные излияния; они говорили только о необходимом или о второстепенном.

Великанов, обладающий большим психологическим опытом, надолго задумался.

— Вечерами...— неуверенно сказал он.

Вечерами, когда все шли спать, Юрий старался остаться один. Надо же было уяснить себе, почему не получается посадка! А понять можно только наедине. Опять — в который уже раз! — ставилось на карту его будущее.

Вечером, в прозрачной темноте, на пустом поле, где странными птицами виделись безмолвные самолеты, когда даже бугор стал прохладным и влажным от росы, Юрий тихо шел без цели, упрямо сжимая зубы. Он обязан побороть в себе это проклятое напряжение, эту скованность мускулов, иначе рушилась мечта... Впрочем, нет, он не только мечтал, он также непоколебимо хотел стать

летчиком, как четыре года назад во что бы то ни стало хотел учиться в техникуме. Он сам решал свою судьбу.

Не размышлял ли он в ту светлую ночь на летном поле возле неподвижных самолетов, что можно бы и ему остановиться, смириться с уже достигнутым — и пусть летают другие?

Да, компанейский парень Юрка Гагарин старался в те вечера остаться один...

Нет, он не был домом с распахнутыми дверями, куда можно было входить каждому. Рискую привести другое сравнение: он напоминал скорее маленькую крепость, ворота которой распахивались часто, но не всегда.

И чтоб уже перевернуть эту страницу, закончим ее воспоминанием инженера аэроклуба Егорова:

«Раннее утро. В самолете № 06 сидит Гагарин. Он ждет, когда А. В. Великанов, руководитель полетов, разрешит ему подняться в воздух. «Добро» получено. На сиденье кладут балласт — мешок с песком. Самолет, управляемый Гагариным, выруливает на линию старта. Машина плавно отрывается от земли, поднимается все выше и выше. Еще один курсант пошел в воздух, еще одним летчиком стало больше».

А заместитель начальника штаба аэроклуба Петр Владимирович Соколов показал мне ведомость оценок пилотов, окончивших 24 сентября 1955 года, где тридцать четвертый в списке Гагарин аттестовался так:

Самолет «ЯК-18Т» — отл.
Мотор М-11 ФР — отл.
Самолетовождение — отл.
Общая оценка выпускной комиссии — отл.

Оренбургские ландыши

И вот настал тот день, когда им, выпускникам аэроклуба, вручили железнодорожные билеты до Оренбурга. Кроме нескольких человек, получивших направление в Сасовское училище ГУГВФ, все они были тут и заняли чуть ли не целиком плацкартный вагон.

Бывалые путешественники — вроде Юрия Гагарина, который с пятнадцати лет на колесах, да Юрия Гундарева, побывавшего на действительной службе в далеком городке,— устраивались на полках, как полагается: по ходу поезда. Но были и новички, впервые оставлявшие родительский кров. Им не хотелось признаваться, что вокзальный шум и терпкий специфический запах вагона одурманивали, вызывая попеременно то робость, то бурный прилив надежд. Скорей бы покинуть знакомый город, оторваться от его корней и, как тополиное семечко, полететь по ветру!

Поезд отошел до наступления сумерек. Кончались последние дни сентября, обильного яблоками. Двадцать четвертого им подписали дипломы.

Как и предыдущие свидетельства, которых у Юрия уже накопилось порядочно, и этот диплом казался ему пропуском в очередную перемену. «Самолет — отлично; мотор — отлично; самолетовождение — отлично...» Отличное самолетовождение нелегко ему далось. Он вовсе не ощущал самолет «своим продолжением», как пишут о летчиках. Стальные руки-крылья не были его руками, а пламенный мотор не стучал в ритме сердца.

Вместе со всеми он пел эту вызывающе звонкую песню в строю, когда курсанты спокойно шли от палаток к столовой, но в воздухе отношения человека и машины усложнялись. Они напоминали скорее единоборство коня и всадника. Скакун послушен человеческой руке, но только если она бестрепетна. «За самолетом надо следить в оба»,— говаривал Великанов.

И все-таки самолетовождение у него отличное. Это написано черным по белому. Юрий лежал в затихшем вагоне. Его взгляд встретился с бедовым зрачком Гундарева. Тот свешивал черноволосую голову с верхней полки. А на соседних полках уже спят...

— Едем? — прошелестел одними губами Гагарин.

— Едем! — так же беззвучно отозвался второй Юрий.

Они понимали без слов: мечты начинают сбываться!

Но в Оренбурге, где их никто не встретил на шумном вокзале, они не то чтобы растерялись, но малость притихли. Надо было найти сначала дорогу к Чкаловскому военному авиационному училищу летчиков. Название выучено давно.

Гурьбой, с чемоданчиками на весу, они переходили от улицы к улице, читали таблички незнакомых переулков, пока не очутились перед большим старинным домом из красного кирпича, расположенным буквой «П». Совсем рядом, через сквер, под обрывом, текла речка Урал. Разве они не наслышаны о ней с детства?

Урал, Урал-река.
Шумлива и глубока!

На этой стороне — Европа, на другом берегу — Азия.

Но глазеть недосуг, они еще насмотрятся. В своих штатских пиджаках и брюках навыпуск — хотя и налетавшие по двенадцать часов, сдавшие и мотор и аэродинамику — они почувствовали себя неуютно в длинном коридоре, по которому деловито пробегали подтянутые юноши в зеленом. Пока сдава-

ли экзамены, новички мужественно старались не замечать этого различия.

Но настал желанный, нетерпеливо ожидаемый час, когда их чубчики и шевелюры были срезаны ножницами цирюльников, когда после бани они шли преображенными в сапогах и гимнастерках с латунными птичками на погонах. Им дали попервоначалу довольно много времени, чтобы намотать портянки, пришить воротничок, потому что военная служба начинается с опрятности. Первые месяцы проходили вдалеке от аэродрома: они прилежно зубрили устав, занимались тактическими учениями.

Ранняя осень сменилась поздней. Уже отпылали деревья, и все чаще перепадали зябкие дожди. Мокрые листья прилипали к сапогам, когда учлеты шли строем по деревянному мосту через Урал. И хотя раздавалась предостерегающая команда: «Не в ногу!» — им было трудно сдержать ликующее чувство единства, когда подошвы так крепко отщелкивают шаг, а руки ладно взлетают в такт движению.

Строй рассыпался лишь на том берегу. Тогда жидкий лесок зауральной рощи оглашался гомоном: кричали «ура!», бегали в атаку.

Несмотря на повторяемость, каждый из этих дней был по-своему дорог Юрию Гагарину. Он постоянно помнил, что живет в осуществившемся желании. Засыпал и просыпался с отчетливым ощущением удовольствия: и от серебряно-туманных на позднем рассвете высоких окон и от первых белых мух над крышами.

Город нашей любви так же значителен в памяти, как и тот, в котором мы родились. От него начинается иной отсчет времени. Хлебный, мукомольный степной Оренбург запал в память Юрия своим не обыденным, а поэтическим обличьем. В тот первый день на яру возле училища его глаза будто утонули в голубоватой протяженности степи, реки, зауральной рощи. Он еще не знал, что в иные весны рощу затапливало: вешние воды подымались тогда до самых чердаков. Он еще не видел, как летом вокруг города штопором закручивались внезапные смерчи и пыль вытягивалась узким столбом. И даже яростная короткая весна еще ни разу не обрушивалась при нем на степь и палисады. Сначала разноцветными мелкими тюльпанами, желтыми, красными, белыми — казашки продавали их корзинками по всему городу,— а затем сиренью, которая и расцветала и успевала отцвести, казалось, за одни сутки. Так же коротко, но прекрасно цвели ландыши, крупные, с ноготь, в полнокровных прохладных листьях. Им все приезжие удивлялись: откуда бы взяться таким гигантским бубенцам в редких перелесках на топких полянах?..

Многое в Оренбурге было непривычно для Юриного глаза. Тюльпаны называли здесь подснежниками; дворы мели жесткими, как проволока, чилиговыми вениками. На сенном рынке чаще встречались верблюды, чем лошади; на них приезжали из степи казахи с меховыми малахаями на головах, повязанные цветными платками казашки в плюшевых безрукавках-жилетах. У казахов были дубленные ветром лица; летом сильно и сухо дышала на город степь.

Когда начиналась жатва, по улицам шли днем и ночью грузовики с прицепами. В год приезда в Оренбург Юрия область получила орден за большой хлеб. Было здесь огромное предприятие «Орлес». Свою давнюю историю имели и рабочие-паровозоремонтники: с оружием в руках они боролись против белогвардейского генерала Дутова.

А училище, куда попал Гагарин, встречало новичков прежде всего портретом великого летчика нашего времени Валерия Чкалова — его имя носил тогда город.

...Первая оренбургская зима, на радость лыжникам, легла сразу глубоким снегом. Начались азартные кроссы. Уже замаячила невдалеке новогодняя елка с ее праздничным увольнением, танцами в медицинском училище... Но прежде будущие летчики принимали присягу: «Я, гражданин Советского Союза...» Теперь они уже точно знали, что невидимая «военная косточка» вкоренилась в их позвоночнике и будет только твердеть и твердеть.

1956 год прошел в полетах. Сначала на том же «ЯК-18Т», а потом и на реактивных «МИГах».

Гагарин и его друзья полностью узнали упоение полетом. Небо поворачивалось во всех ракурсах. Как далеко ушел Юрий от наивной «коробочки» над учебным аэродромом в Саратове. Теперь он безбоязненно бросал машину в штопор, в вихревое крутящееся падение, когда скорость — которая одна лишь и поддерживает крылья — становится критически низкой, зыбкий воздух проваливается под тобой, словно летишь в открытый люк. А потом острое чувство освобождения и победы, чувство абсолютной устойчивости в упругом небе на крепких воздушных слоях, надежных, как земная кора.

В работе летчика есть одна особенность, иной отсчет времени. Мы живем часами, реже минутами, в меньшее время нам просто не уложиться. Для летчика осязаемо существуют секунды и доли секунд. За этот кратчайший отрезок он обдумывает ситуацию, принимает решение, работает. Летчик живет в сжатом времени. Он выжимает все возможное не только из машины, но и из себя. Полная нагруженность, может быть, более всего и привлекла Юрия в летчицком ремесле.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В
СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

С. МАРШАК

* * *

В Москве на мирном торжестве
Как будто море пенится.
Проходят с песней по Москве
Дружины юных ленинцев.

Вот русских школьников отряд
С друзьями белорусами.
Знамена золотом горят
Над головами русыми.

Идут украинцы в ряду
С грузинами, армянами,
Играет ветер на ходу
Их галстуками рдяными.

Проходят у Кремлевских стен
Узбек, латыш с эстонцем.
Вот молдаванин и туркмен,
Таджик, любимый солнцем.

Киргиз, литовец и казах,
Карел с азербайджанцем...
И лес знамен у них в руках
Слепит глаза багрянцем.

Проходят дети Октября.
Их детство светом залито.
В леса, на взморье — в лагеря
Они умчатся на лето.

*

Елена БЛАГИНИНА

* * *

Мы вышили сами
дружинное знамя,
Работали ночью и днем.
Высокое, чистое,
жаркое пламя
Совсем как живое на нем.

Его ветерок на линейке
колышет.
Он к солнышку рвется за ним.
И каждый стежок,
что на знамени вышит,
Сверкает клинком золотым.

Бескрайний раскинулся путь
перед нами,
Он труден, прекрасен, широк...
Простое дружинное
красное знамя,
Ты верности нашей залог!

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

50 ПИОНЕРСКИХ ЛЕТ

С праздником поздравляет тебя доктор биологических наук, руководитель лаборатории Института эпидемиологии и микробиологии имени Н. Ф. Гамалеи Юрий Васильевич ЕЗЕПЧУК.

Когда я думаю о своем детстве, почему-то вспоминаю васильки. Они росли возле школы, их было много и все разные — белые, голубые, розовые. Меня мучила загадка: почему они такие разные, почему из семян голубых вырастают и голубые, и белые, и розовые? Я не знал, конечно, тогда законов генетики, но это мое наблюдение не давало мне покоя. Может быть, поэтому я и стал потом биологом.

Тот, кто хочет заняться всерьез наукой, должен развивать в себе наблюдательность и искать объяснение всему увиденному и прочитанному. Конечно, наблюдательность нужна не только ученому. Кем бы ты ни стал, она тебе в жизни пригодится.

И еще. Сейчас ни одно научное исследование нельзя провести в одиночку. Обязательно понадобится помощь других. Я уверен, что в пионерском отряде ты уже сейчас можешь учиться дружной общей работе, умению критически оценить то, что сделал сам, и уважать дело других.

★

С праздником поздравляет тебя рабочий завода имени Лихачева, делегат XVI съезда комсомола Виктор Степанович АБАШИН.

— Вот я думаю: а что, если б не было у меня в детстве алого пионерского галстука на груди, не было бы дальних походных дорог и солнца, которое первым своим лучом будит тебя в палатке, не было бы костров у реки и песен, которые в темноте звучат негромко, а ты чувствуешь, голос срывается от волнения. Что, если б не было у меня этого прекрасного чувства — оно возникает, когда тебе трудно: «Я не просто так мальчишка, я пионер. И мне нельзя хныкать, трусить, малодушничать. И я не сдаюсь!»...

В пионерские годы мы просто радовались каждому дню. Помню, мне хотелось быть всюду, попытать всего. Соревнования по легкой атлетике? — Здорово! Я бегу на 400! Опыты на пришкольном участке? — Можно и мне попробовать? Выпускаем газету? — Может, и я чем-нибудь помогу? В поход? — Конечно! На сбор семян? — Конечно! Радиокружок? — Еще бы!

Тогда, в пятидесятые годы, все пионеры страны участвовали в операции «Украсим Родину садами!». И мы тоже. Вели экспедицию «По родному краю». И мы тоже. Радиофицировали свои и сельские школы. И мы со всеми.

В детстве мы просто радовались множеству самых разных дел. А потом я начал понимать, что они нас учили, эти дела. Они учили верности слову, дружбе, единству. Они помогали найти себя. Именно в пионерском отряде я «заболел» техникой. В те поздние вечера, когда мы засиживались в школе, мудруя над схемой радиофикации и потом своими руками создавая всю аппаратуру, я и понял: «Это мое, это для меня!»

В детстве мы просто радовались счастью быть с друзьями заодно, а потом я понял, что старший пионерский вожатый всех пионеров — наш Ленинский комсомол готовит в пионерских отрядах свою смену — людей надежных, сильных, смелых, умеющих, знающих, людей настоящих.

Когда с трибуны XVI съезда ВЛКСМ мне поручили обратиться ко всем пионерам Советского Союза со словом комсомола, словом съезда, я, разумеется, очень волновался. Вся огромная пионерская дружина страны слушала голос комсомольского форума.

Мне в эти минуты очень хотелось, чтобы ребята, которые пришли в пионеры за нами, хорошо поняли самое главное: пионерские годы — нескончаемый круговорот дел, событий, радостей, волнений и побед, это замечательная, поистине прекрасная школа, в которой ты можешь научиться быть борцом и созидателем.

СЧАСТЛИВОГО ПУТИ!

Переверни страницу. Видишь карту? **ЭТО КАРТА ПИОНЕРСКАЯ.** На ней отмечены дела пионеров разных поколений, важные события истории пионерской организации. Давай же совершим путешествие по этой карте.

Откуда мы начнем свое путешествие? **Ну, конечно же, из Москвы.** Здесь впервые родились пионерские отряды. Здесь был в 1924 году первый пионерский парад на Красной площади, а в 1929 году — первый Всесоюзный слет пионеров. На карте ты найдешь еще три даты: 1962, 1967, 1970. В эти годы в Артеке и Ленинграде проходили Всесоюзные пионерские слеты.

ВОТ ТЕБЕ ПЕРВОЕ ЗАДАНИЕ: напиши, каким важным событиям в жизни страны и пионерской организации были посвящены эти слеты?

А теперь наш путь лежит в **уральское село Герасимовку и в город Остров, Псковской области.** В Герасимовке жил Павлик Морозов, пионер-герой, погибший в борьбе за новую жизнь на селе.

В городе Острове все знали комсомолку, пионервожатую Клаву Назарову. Когда в город пришли фашисты, Клава стала подпольщицей. Комсомольцы Острова совершили немало диверсий. Они расклеивали листовки, собирали важные сведения о вражеских войсках. Клава погибла. В память о вожатой-героине, о ее подвиге в Острове стоит памятник. А в Герасимовке — памятник Павлику Морозову, чье имя первым занесено в Книгу почета пионерской организации.

ВТОРОЕ ЗАДАНИЕ: узнай, в каких еще городах и селах сооружены памятники пионерам-героям, какие подвиги совершили они?

Путешествие по карте продолжается. Мы **в Артеке.** Первые брезентовые палатки появились у Медведь-горы летом 1925 года. Сто мальчишек и девчонок салютовали флагу, который впервые поднялся на мачте. А сегодня Артек — это большая пионерская республика. Здесь сразу в одну смену отдыхает четыре с половиной тысячи ребят. Сколько памятных событий, незабываемых слетов и встреч проходило в Артеке! Здесь собирались командиры юнармейских отрядов, юные друзья пограничников, победители «Турнира смекалистых», юные корреспонденты, участники четырехборья «Дружба». Здесь отдыхали ребята из всех наших республик, из семидесяти стран мира. Летом этого года здесь соберутся делегаты V Всесоюзного слета, посвященного 50-летию твоей организации.

У Артека есть младшие братья и сестры — республиканские пионерские лагеря: **«Орленок» под Новороссийском, «Молодая гвардия» в Одессе, белорусский «Зубренок».** Эти лагеря тоже есть на нашей карте.

...Найди Арзамас. Видишь красную тимуровскую звезду? Здесь прошла комсомольская юность Аркадия Петровича Гайдара, погибшего в боях за Родину. Украинские комсомольцы и пионеры построили **в Каневе,** где похоронен писатель, библиотеку-музей имени А. П. Гайдара.

По всей стране сегодня действуют тимуровские отряды.

ТРЕТЬЕ ЗАДАНИЕ: узнай и отметь на карте места, связанные с жизнью А. П. Гайдара. Напиши нам, как работают тимуровцы в вашей школе.

Пионеры всех поколений помогали старшим. Пионерские отряды шли с букварями в крестьянские избы, в рабочие поселки и обучали неграмотных, защищали батрачат, помогали беспризорным.

Пионеры 30-х годов собирали книги для изб-читален, мастерили детекторные приемники, собирали средства на строительство тракторов для колхозов, которые создавались в то время, охраняли урожай.

В грозные годы войны на фронте сражались танковые колонны «Московский пионер», «Горьковский пионер», «Пионер Ташкента»...

Посмотри на карту, и ты увидишь трубы **нефтепровода «Дружба», железную дорогу Абакан — Тайшет.** Строить их помогали пионеры. Они помогали сажать сады в Молдавии, собирали хлопок в республиках Средней Азии. «Зеленые патрули» охраняют леса, «голубые патрули» спасают рыбу. Ленинградские пионеры придумали хорошее название этим делам — «Пионерстрой».

Дальше наш путь лежит через всю страну, **на Чукотку, в Анадырь,** столицу этого сурового края. Ты знаешь, операция «Чукотка», начатая московскими пионерами, продолжается. Больше двух миллионов рублей заработали пионерские отряды и дружины, чтобы построить для детей оленеводов, геологов, рыбаков Дворец пионеров. В этом году в холодный, ветреный, февральский день строители заложили фундамент будущего Дворца. На стройплощадке собрались пионеры. Они написали письмо ребятам двухтысячного года. Мы не знаем, что написано в этом письме, но нам кажется, что чукотские пионеры обязательно сказали большое спасибо всем советским ребятам за дружбу, за чудесный подарок.

ЧЕТВЕРТОЕ ЗАДАНИЕ: напиши нам, какие трудовые дела были у твоего отряда, в вашей дружине во время всесоюзного марша «Всегда готов!».

Эти письма мы повезем на V Всесоюзный слет в Артек, и все узнают о ваших делах.

Теперь взгляни на моря и океаны, омывающие наши границы. **Видишь, флотилию кораблей?** В нее входят: суда, названные в честь пионеров-героев: «Леня Голиков», «Марат Казей», «Валя Котик», «Зина Портнова», корабль «Пионерская правда». Флагман флотилии — судно «Пионер». Корабли эти построили для нас корабелы Германской Демократической Республики в городе Ростоке. Каждое новое судно провожают в нашу страну твои друзья — пионеры-тельмановцы.

По всем морям и океанам плавает пионерская флотилия. Недавно корабль «Пионерская правда» доставил во Вьетнам очень важный груз — лекарства для детского госпиталя в Ханое, который строят юноши и девушки всего мира.

В СТРАНЕ ПИОНЕРИИ живет смелый, веселый, неунывающий народ. Он любит играть, участвовать в соревнованиях, турнирах, конкурсах. Тут всегда звенит футбольный мяч на стадионе, стремительно скользит по льду шайба, уходят в горы отважные туристы, миллионы лыжников борются за быстрые секунды, шахматисты учатся стратегии и технике шахматных баталий...

На карте ты найдешь пионерские погранзаставы, школы космонавтов, добровольные дружины пожарных, клубы моряков, юнкоровские посты, юнармейские батальоны, клубы интернациональной дружбы.

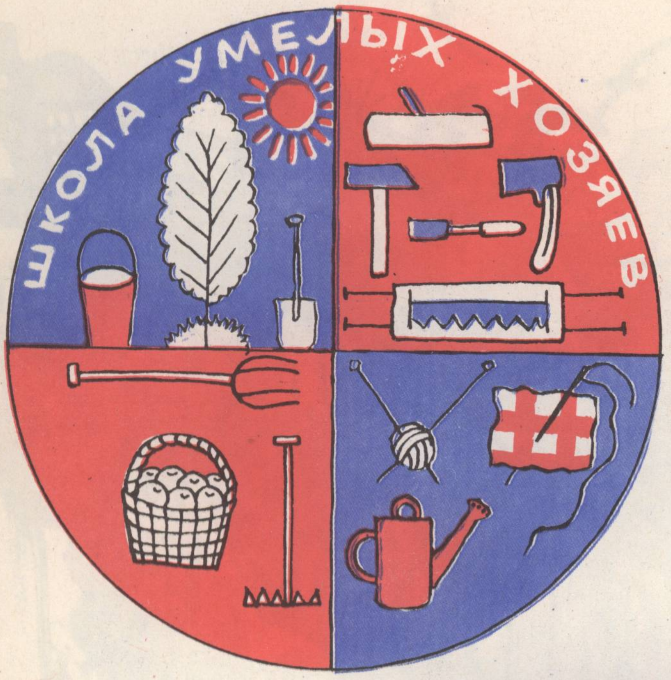
НАПИШИ НАМ, В КАКИХ ДЕЛАХ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ УЧАСТВУЕШЬ ТЫ САМ.

У нашего путешествия нет конца... «Почему?» — спросишь ты. Потому что в твоем отряде, в дружине, у пионеров всей страны всегда находятся новые интересные дела, происходят важные события, и на нашей карте все время будут появляться новые условные значки.

МУРМАНСК
ПИОНЕР
МАРАТ КАЗЕЙ
ЛЕНИНГРАД
1970
БРЕСТ
«ЗУБРЕНОК»
НЕФТЕПРОВОД «ДРУЖБА»
ОСТРОВ
Ю.К.
КАНЕВ
МОСКВА
1929
АРЗАМАС
С. ГЕРАСИМОВКА
ЧЕЛЯБИНСК
СВЕРДЛОВСК
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
В АРТЕК!
ИЗГОТОВЛЕН ИЗ ПИОНЕРСКОГО МЕТАЛЛА
АРТЕК
Ю.К.
«ОРЛЕНОК»
АСТРАХАНЬ
ТАШКЕНТУ!!!
ЧАЙ

о. «ПИОНЕР»
ВАЛЯ КОТИК
ЛАРИСА МИХЕЕНКО
ВОЛОДЯ ДУБИНИН
АНАДЫРЬ
ПИОНЕРСКАЯ ПРАВДА
ЗАРНИЦА
АБАКАН – ТАЙШЕТ
Ю.К.
ВЛАДИВОСТОК
ЛЕНЯ ГОЛИКОВ
Всесоюзные Слеты пионеров
Гайдаровские места
Самые большие пионерские лагеря
Памятники героям - вожатым и пионерам
Финалы игры „Зарница"
Отряды ЮДП
Корабль пионерской флотилии
„Пионерстрой"
„Голубой патруль"
„Зеленый патруль"
„Кожаный мяч"
„Золотая шайба"
Приз „Белая ладья"

ШКОЛА

ШКОЛА УМЕЛЫХ ХОЗЯЕВ

ШКОЛА
УМЕЛЫХ ХОЗЯЕВ

ШКОЛА
УМЕЛЫХ
ХОЗЯЕВ

ШКОЛА
УМЕЛЫХ
ХОЗЯЕВ

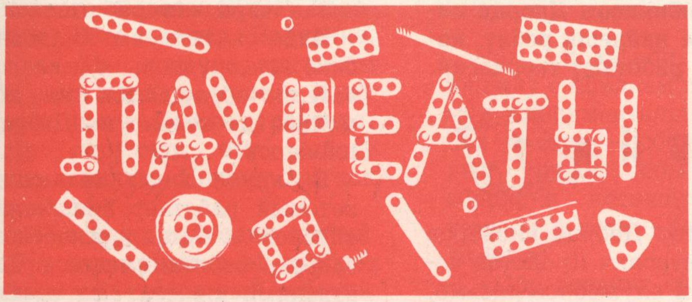

ШКОЛА УМЕЛЫХ ХОЗЯЕВ

ШКОЛА УМЕЛЫХ
ХОЗЯЕВ

ШКОЛА УМЕЛЫХ
ХОЗЯЕВ

ШКОЛА
УМЕЛЫХ
ХОЗЯЕВ

УМЕЛЫХ ХОЗЯЕВ

Челябинский Дворец пионеров и школьников имени Н. К. Крупской получил премию Ленинского комсомола.
За что комсомол присудил Дворцу эту награду?
За большие успехи в научном и техническом творчестве ребят.
Почему наградили именно челябинцев? Об этом — наш разговор в ШКОЛЕ УМЕЛЫХ ХОЗЯЕВ.

Запуск ракеты

Ракета была готова к старту. Наблюдатели отошли на безопасное расстояние от места запуска. У стартовой площадки остались лишь конструктор и его опытный консультант.

Пламя вырвалось из сопла, белая ракета с красными стабилизаторами, словно поколебавшись, взлететь или нет, медленно поползла вверх и внезапно рванула в небо... Неожиданно она резко накренилась и сбилась с курса. У самой земли она зависла на парашюте. Что ж, на то и испытания...

Мы, корреспонденты «Пионера», наблюдали этот запуск на заснеженном сквере перед Челябинским Дворцом пионеров. Конструктор ракеты шестиклассник Саша Глушко, видимо, чуть-чуть ошибся в расчетах. А консультант-девятиклассник, который был приставлен к конструктору, поскольку запуск ракеты — дело небезопасное, этой ошибки не заметил: погрешность пустяковая, на глаз не определишь. Неточно склеишь корпус, чуть сдвинешь стабилизатор — и неудача.

В тот день, кроме запуска ракеты, ребята из Челябинского Дворца пионеров

испытывали автомобили-карты, которые сами сконструировали,

собирали из деталей конструктора экскаваторы,

проектировали крыло спортивного самолета,

подбирали образцы минералов для музея,

паяли радиосхемы,

готовили к испытаниям модель трактора,

ремонтировали приемники и телевизоры в красных уголках и рабочих общежитиях.

В Челябинском Дворце пионеров любой человек может выбрать для себя занятие, которое ему нравится.

Ребята прислали много эмблем для ШКОЛЫ УМЕЛЫХ ХОЗЯЕВ. Мы выбрали девять, которые нам показались самыми интересными. Вот они, на соседней странице. Придумали и нарисовали их Таня и Витя Омельченко из с. Беленькое, Запорожской обл., Толя Закарян из г. Кировабада, Алик Домницер из г. Киева, Светлана Сухоносова из г. Клайпеды, Лена Макановицкая из г. Киева, Илона Подковщикова из пос. Сафоново-1, Мурманской обл., Надя Романцева из пос. Першотравневое, Донецкой обл., Люба Воронина из д. Красное, Вологодской обл., и Марина Филиппова из г. Ярославля.
Какая из этих эмблем станет эмблемой ШКОЛЫ УМЕЛЫХ ХОЗЯЕВ? Решение БОЛЬШОГО ОБЩЕГО СОВЕТА мы сообщим в следующем номере журнала.

Автомобильные гонки

Взревели моторы. А если сказать по правде, то не взревели, а взжужжали. Потому что моторы эти маленькие и работают от батареек. Начались автомобильные гонки.

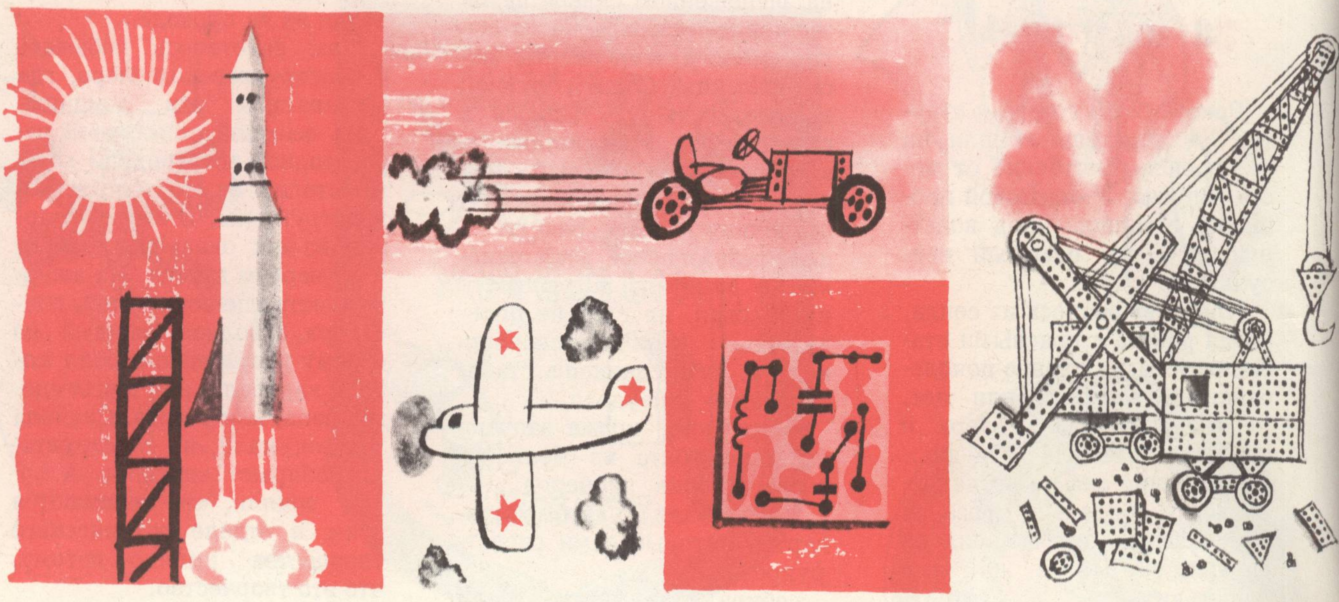
Как и на всех автомобильных соревнованиях, машины разделили на четыре класса в зависимости от мощности двигателя. Как и на всех таких соревнованиях, мчались по асфальту автомобили, кричали и размахивали руками зрители. Только водители не сидели за рулем, а шли вслед за своими автомобилями. От автомобилей тянулись провода к пультам управления, которые водители держали в руках. По этим проводам шел в моторы ток.

А судьи следили за тем, чтобы водители не подталкивали машины ногами, не тащили их на проводе...

Нам захотелось побывать в конструкторском бюро, где создавались эти машины.

За высокой стеклянной перегородкой мы увидели десяток столов. За столами сидели конструкторы, и самый старший из них, оказалось, учится в четвертом классе. Из ажурных металлических реек, пластинок, уголков каждый по своему разумению строил модели карусели, или подъемного крана, или робота. Сначала мы подумали: из конструктора собирают игрушки. А потом поняли, что занимаются этим в отделе технического творчества именно потому, что это творчество.

Первокласснику не по силам выпилить металлическую рейку или выточить на станке вал. В детском конструкторе готовые детали, но пользоваться ими можно по-разному. Можно, не ломая голову, собрать игрушку точно по приложенной схеме. А можно создавать что-то свое собственное. И ничего нет зазорного в том, что детали готовые. В конце концов архитекторы из типовых панелей и блоков создают непохожие друг на друга здания, а конструкторы телевизоров не придумывают для каждой новой модели новые заклепки, лампы, транзисторы, конденсаторы.

Модель прокатного стана, которую придумал и собрал из готовых деталей конструктора Павлик Бесалицын, побывала на Всемирной выставке в японском городе Осака. Заинтересовала там многих посетителей и получила высокую оценку.

Вот и выходит: все дело в том, как придумать, как сконструировать.

Когда мы были в конструкторском бюро, второклассник Алеша Зайцев приволок в мешке собранный им дома железнодорожный кран, который нагружает и разгружает товарные вагоны. Алеша рассказал, что ходил на железнодорожную станцию, смотрел чертежи разных существующих уже кранов, а потом создал свою конструкцию. Руководительница Валентина Ивановна Петрова похвалила работу: «Хорошо. Почти хорошо...». Хорошо, потому что кран работает, может поворачиваться, переносить грузы. Почти хорошо, потому что некоторые тросы заедает, запутываются тросы-бечевки. Если конструкция получилась не совсем удачной, ее обязательно обсуждают. Конструкцию, бывает, разбирают на составные части. Зато следующие работы получаются лучше. И, наконец, оказывается, что человек уже не может жить, ничего не создавая, не конструируя.

В Челябинском Дворце пионеров не найдешь ребят, которые не работают творчески.

Особый заказ

Директор Дворца пионеров Юрий Петрович Кропотов показал нам служебное письмо, отпечатанное на бланке Института по добыче полезных ископаемых открытым способом и подписанное директором:

«Прошу Вас оказать помощь сектору автомобильного транспорта нашего института: принять участие в создании действующей модели перспективного колесного тягача...»

Ученые просят у ребят помощи! И не сомневаются, что работа будет выполнена, потому что хорошо знают, какую отличную школу проходят ребята из Челябинского Дворца пионеров.

Мы видели, как выполнялся этот особый заказ. Собирали раму тягача. Подле остова возились старшеклассники Дима Морозов и Сережа Дробиз — размечали места сварки. Ребята помладше опиливали кронштейны, вытачивали на токарном станке детали крепления, сверлили отверстия под болты. Шла кропотливая черновая работа.

Надо сказать, что челябинские конструкторы и исследователи обращаются за помощью не только во Дворец пионеров.

В клубе юных техников, который работает при Челябинском металлургическом заводе, ребята вместе с заводскими инженерами сделали модель контейнера для огнеупоров. По ней сейчас создают настоящие большие контейнеры совершенно новой, оригинальной конструкции.

А в клубе юных техников Челябинского тракторного завода школьники создают модель ходовой части нового трактора. Такого трактора еще нет, заводу предстоит освоить его выпуск. Есть только чертежи, и по ним юные конструкторы готовят модель для испытаний.

Челябинские пионеры — настоящие, умелые помощники взрослых.

Слово — директору завода

Мы на время прерываем наш рассказ и даем слово ди-

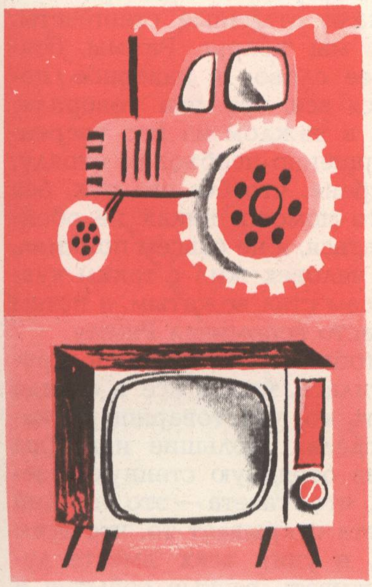
ректору Челябинского тракторного завода имени В. И. Ленина, депутату Верховного Совета СССР Георгию Васильевичу Зайченко.

— Мы, конечно, могли бы и сами сделать модель ходовой части нового трактора. Но поручили эту работу школьникам. Почему мы так сделали?

Расскажу вам один случай. Пришел к нам в электроцех молодой, неопытный рабочий. Поставили новичка на узкий участок, который всегда тормозил работу. И он в первый же месяц выполнил программу. Мастер спрашивает: «Где работал раньше?» Парень отвечает: «Нигде. Занимался в авиамодельном кружке».

Видите, он электротехникой не занимался, но уже хорошо умел разбираться в чертежах, у него появился вкус к технике.

Каждый год мы принимаем полторы тысячи молодых рабочих. Кто поступит на завод — случайные люди или те, кто осознанно выбрал профессию, — нам небезразлично. Все, кто занимается техническим творчеством, легко осваивают рабочие профессии. В техникумах и в институтах им тоже легче учиться, и специалисты из них получаются более квалифицированные.

ПУТЬ В НАУКУ

ЮНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

Нам показали толстую книжку с обилием цифр, формул, документальных снимков и схем — сборник научных трудов: обычно такие сборники посвящены одной теме, а в этом — темы статей разные:

«Образование социал-демократической организации в Челябинске»;

«Расчет параметров конического масс-спектрографа»;

«Компаративная фразеология немецкого языка»;

«Окисление аммиака на ванадиевом катализаторе»;

«М-арифметика»;

«Исследование бабочек окрестностей г. Челябинска».

Солидный сборник «ученых» трудов носит название «Юный исследователь». Выходит он каждый год после научной конференции.

НОУ — научному обществу учащихся — десятый год, полторы тысячи челябинских школьников-«ученых» участвуют в его работе. Ребята ставят физические и химические опыты, разыскивают исторические документы, ведут археологические раскопки, решают математические задачи, экспериментируют и вместе отдыхают в лагере «Юный курчатовец» на родине знаменитого ученого И. В. Курчатова в городе Симе.

Вместо тех ребят, которые окончили школу, в научное общество приходит новое поколение — четвероклассники, пятиклассники. Они уже бывали на лекциях и докладах старших товарищей, ходили в кружки, где вели занятия члены НОУ, теперь и они займутся наукой.

Складываешь кубики... и вдруг задумываешься о новых, светлых городах.

Челябинские школьники не боятся браться за серьезные научные исследования. Помогают им ученые. Награду с Дворцом пионеров по праву разделил Челябинский государственный педагогический институт.

О. ЛЕОНИДОВ,
М. ЮЛИН

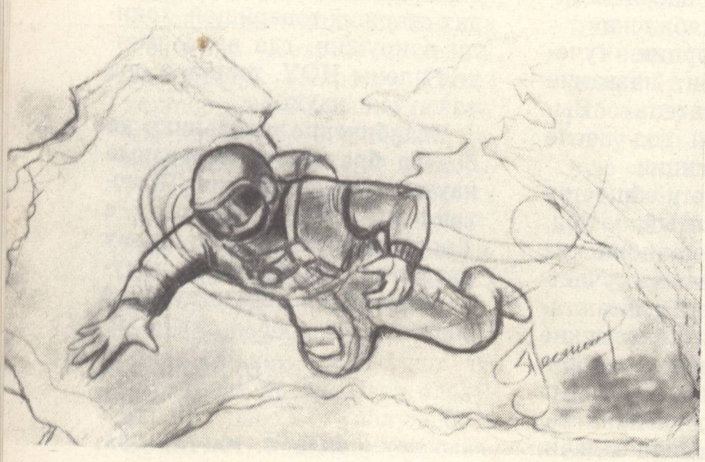
Фото С. КАРТАШОВА.

50 ПИОНЕРСКИХ ЛЕТ

С праздником поздравляет тебя Герой Советского Союза, летчик-космонавт Алексей Архипович Леонов.

Когда пришло мое время вступать в пионеры, война еще не кончилась. О пионерской форме никто и не мечтал. Наша вожатая Римма сказала: «Постарайтесь (я хорошо помню это «постарайтесь») прийти в белых рубашках и темных брюках». Я помчался домой совершенно счастливый: недавно мне подарили белую рубашку, а мои единственные брюки, хотя и не имели уже определенного цвета, были все-таки темные. Я немедленно забросил их в корыто и тер, сколько хватило сил. Всю ночь я бегал смотреть: не высохли? Утром долго сушил их под утюгом, но они оставались еще немного влажными. Как только я вышел на мороз (в ту пору мы жили в Сибири, в Кемерове), они растопырились, как говорят, встали колом. Я чуть не плакал, но вошел в школу и сразу успокоился. Все улыбались мне. Вообще все друг другу улыбались. Все были такие веселые, праздничные, и мне передалось это праздничное настроение. Я забыл обо всем и понесся в зал, где уже начали собираться старшие пионеры.

Проходит все больше и больше лет с тех пор, как мне впервые повязали красный галстук, но не забывается то настроение необычайной приподнятости, то радостное волнение и ощущение полного счастья, что старшие приняли тебя в свой строй как равного.

У нас была очень хорошая пионервожатая, Римма Леонтьева. Мы, мальчишки, все поголовно были в нее влюблены. Она носила кожаный летный шлем, на белоснежной кофточке просто сверкали красный галстук, комсомольский значок и значок аэроклуба — голубенький парашютист — мечта всех мальчишек. Римма рассказывала о самолетах, о смелых людях — летчиках, о том, как она сама прыгала с парашютом, и мы все мечтали стать летчиками и парашютистами.

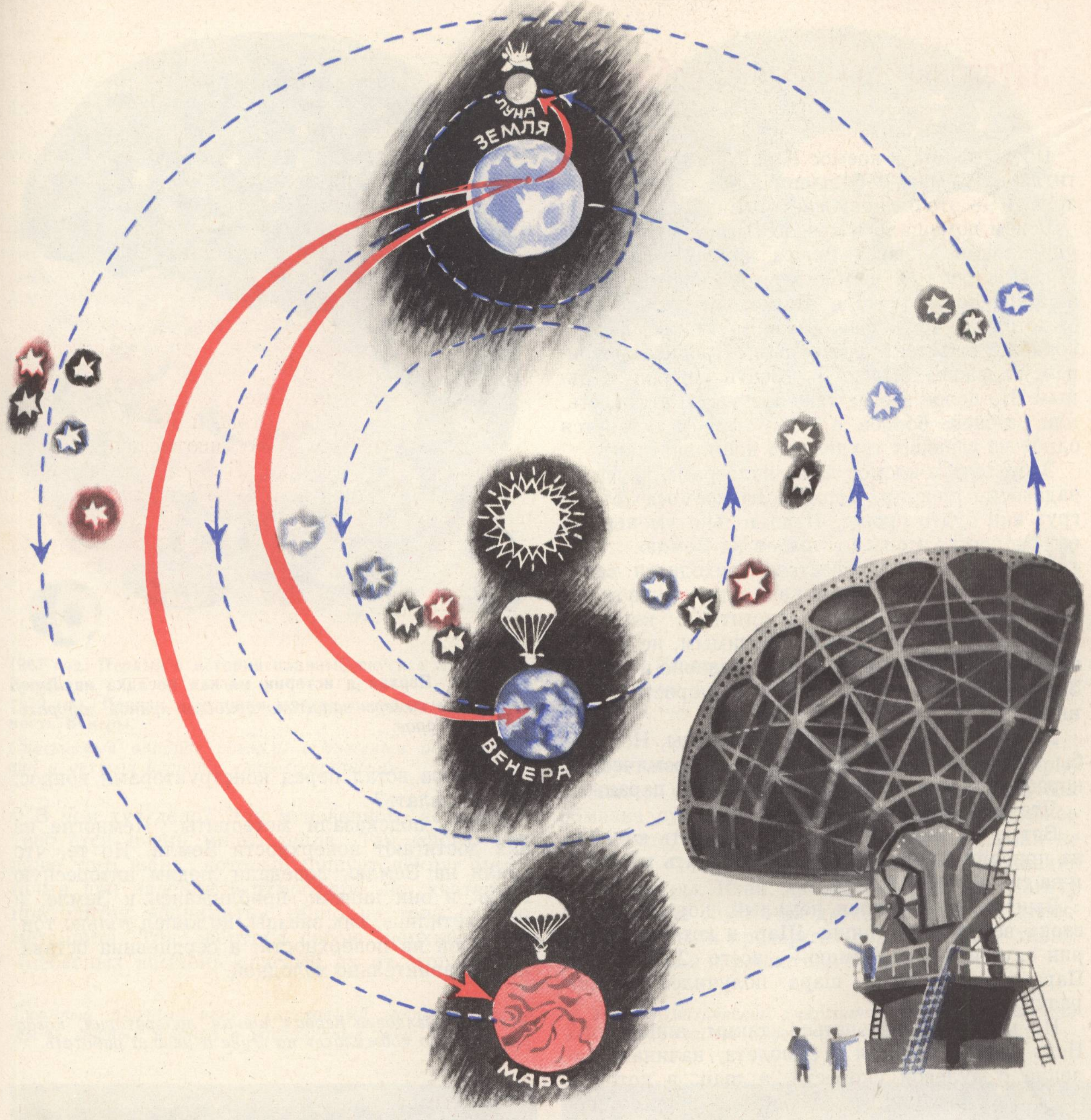
Все, чему Римма учила нас, она сама хорошо умела делать и делала все весело, с удовольствием. Она умела петь, танцевать, шить, она знала много увлекательнейших историй, разных игр, и она прыгала с парашютом! Мы ходили в походы, выступали с концертами в госпитале, выпускали отличные стенгазеты. Стайкой кружили мы вокруг Риммы, боялись пропустить ее слово, и, наверное, поэтому так помнится все, что она говорила.

Римма поселила в каждом из нас уверенность, что он совершенно необходим отряду, дружине, даже стране, что без его рук, без его головы, без его помощи никак не обойтись. Тогда, признаться, я не совсем понимал, как важно, чтобы человек жил с таким чувством. Но когда я сам стал вожатым, а потом и командиром, я часто вспоминал Римму.

Ей хотелось, чтобы мы научились дружить, и она заботилась, чтобы все в отряде привыкали уважать то, что товарищ высказал, предложил, сделал. Большие надежды Римма возлагала на отрядную стенную газету. Она говорила, что газета — это всякий раз открытие. Газета открывает то, что всем необходимо знать, и учит всех вместе думать, вместе переживать разные события и вместе принимать решения. Я тоже так думаю и стараюсь всех увлечь стенгазетой: и своих товарищей по работе и ребят из пионерского отряда моей старшей дочки, Вики. Многому научился я у Риммы, и все, что мне было дорого, старался передавать другим.

Я желаю вам всем, ребята, хороших пионерских вожатых. Но знайте, что всегда многое, очень многое зависит от вас самих. Если вы сейчас не поймете дробей и махнете на них рукой, потом вам будет очень трудно понять другие, более сложные вещи. Если вы сейчас не закалите свое здоровье, будете хворать, когда вырастете. Если вы сейчас не научитесь дружить, вам всегда будет жить трудно.

Пионерские годы — это фундамент всей человеческой жизни, и если фундамент никуда не годится, то и здание будет никудышным. А мне хочется, чтобы у каждого из вас жизнь сложилась счастливо!

ПОСЛАНЦЫ ЗЕМЛИ НА ПЛАНЕТАХ

Д. ПИПКО

Рисунки А. БОРИСОВА

Координационно-вычислительный центр — это штаб космических полетов. Как всякий большой штаб, КВЦ никогда не пустует. Но в тот декабрьский день здесь было особенно людно.

Собравшиеся волновались, и им было отчего волноваться: к далекому Марсу приближался его отважный тезка. Несколько часов назад отсюда была отдана последняя команда этому разведчику, ушедшему в далекий поиск. Длинная серия радиосигналов помчалась в эфир. Но смысл сигналов сводился всего к двум словам: «Действуйте самостоятельно!..»

Сумеет ли разведчик справиться со своими обязанностями? Сделает ли нужные выводы? Достигнет ли цели?

Об этом думали в КВЦ. И, наверное, многие вспоминали самые первые спуски на планеты.

Посмотри, каким гигантским веером расходятся трассы наших космических автоматов по Солнечной системе,— все дальше и дальше от родной планеты.

Затяжной прыжок с орбиты

После полета в космос Юрий Гагарин возвратился на Землю в большом шаре с иллюминаторами — это был спускаемый аппарат.

В нем помещалось кресло Гагарина, приборы управления, связи и масса других устройств. А весь корабль «Восток» состоял из этого шара и приборного отсека с тормозной установкой.

Не случайно, конечно, конструкторы сделали корабль «Восток» составным. Проще, спокойнее, надежнее было бы строить корабль цельным. Но целое всегда тяжелее части, а тяжесть, или, точнее, борьба с нею, была и останется одной из главных трудностей космонавтики.

Забросить в космос даже килограмм груза — задача не простая. Вернуть из космоса тот же груз как будто проще. Надо только уменьшить его скорость, и он сам упадет на Землю.

Но и здесь, оказывается, приходится вести борьбу с тяжестью. Ведь речь идет о живом человеке, которого нужно спустить с космической орбиты здоровым и невредимым, не просто швырнуть на Землю, а опустить плавно и мягко. Значит, нужно как-то погасить скорость падения.

Для этого обычно служат парашюты. Но, чтобы мягко спустить многотонный космический корабль, понадобился бы огромный парашют.

Что же делать?

Вот тут и возникла мысль разделить корабль на приборный отсек, который **спускать не надо,** и на **спускаемый** аппарат.

Выигрыш получился немалый: корабль «Восток» весил 4,73 тонны. Шар, в котором Гагарин спустился на Землю, — всего 2,4 тонны. Парашют для такого шара получился вполне разумных размеров.

Но как воспользоваться таким аппаратом? Ведь летчик, прыгая с самолета, начинает падение с нулевой скорости, а шар, в котором спускался Гагарин, входил в атмосферу со скоростью лишь чуть меньше первой космической. Такой скорости не выдержит, конечно, никакой самый прочный парашют, никакие самые прочные стропы. Как же быть?

Оказывается, сама природа помогает аппарату сбросить эту бешеную скорость. Любое тело при движении в атмосфере наталкивается на частички воздуха. Ударяясь об это тело, каждая частичка отнимает у него крошечную долю энергии. А поскольку частиц этих множество, все вместе они могут заметно затормозить наш спускаемый аппарат.

Казалось бы, все хорошо? Увы, только отчасти. Беда в том, что при каждом таком соударении выделяется тепло. А на скорости, близкой к первой космической, столько тепла, что температура на поверхности аппарата поднимается до десяти тысяч градусов и даже больше! Нет пока ни одного материала, который бы выдержал такой жар. Сталь мгновенно сгорает камень кипит и испаряется…

1966 год. Первая в истории мягкая посадка на Луну. *Надувные камеры защитили приборы лунной лаборатории от ударов.*

И снова встал перед конструкторами вопрос: что же делать?

Ответ подсказали метеориты. Немногие из них достигают поверхности Земли. Но те, что упали на Землю, поведали людям интересную вещь: и они кипели, приближаясь к Земле, и они светились, как звезды, но кипел только тонкий слой на поверхности, а сердцевина оставалась сравнительно холодной.

Вот так выглядела первая лунная лаборатория, когда она немного «обжилась» на Луне и начала работать.

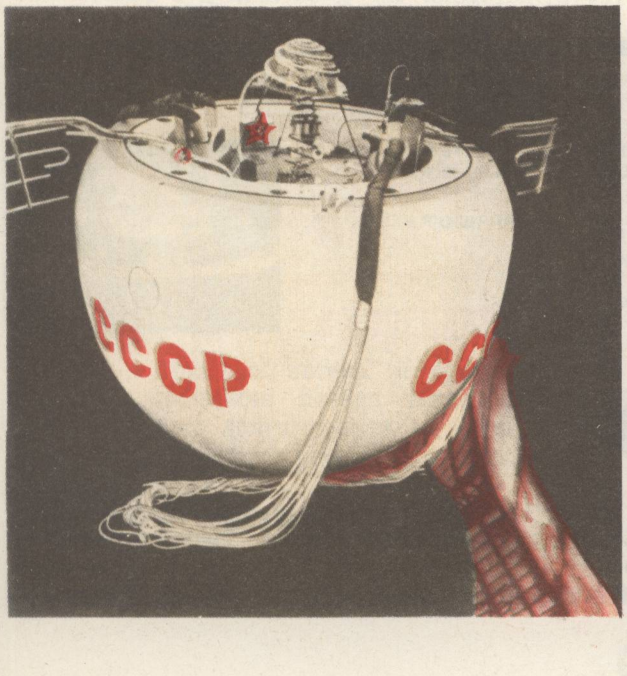

1967 год. Первый в истории плавный спуск в атмосфере Венеры.
1970 год. Первая в истории мягкая посадка на поверхность Венеры.
Спускаемый аппарат сделали с тяжелым основанием, как у детской игрушки «ванька-встанька».

В чем тут дело? Для мгновенного вскипания требуется очень много тепла. Так много, что даже того жара, который бушует вокруг метеорита при падении в атмосфере, не хватает и приходится «занимать» тепло из тела самого метеорита. Так, жертвуя собою, верхние слои «небесных камней» спасают их от сгорания.

Тяжелый, прочный шар — спускаемый аппарат «Венеры-4», первым нырнул в раскаленные тучи Венеры.

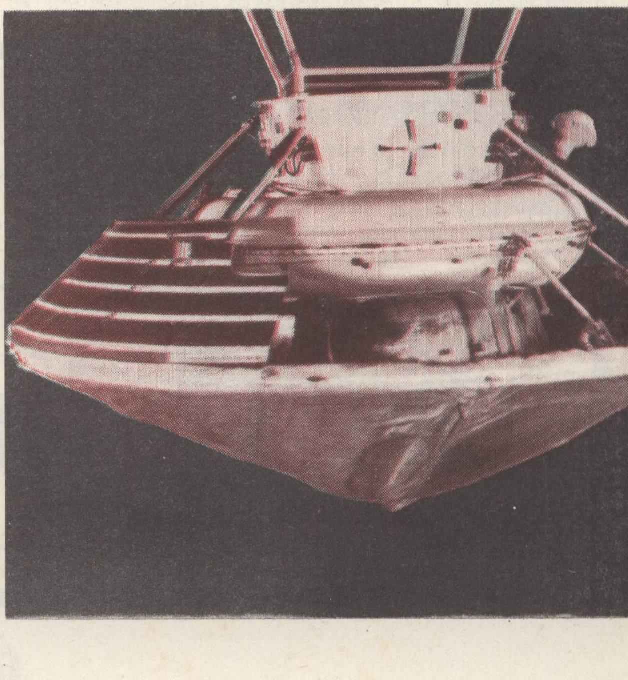

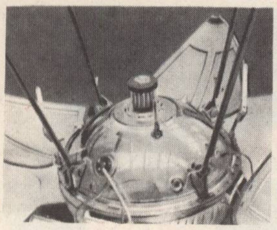

1971 год. Первая в истории мягкая посадка на Марс.
Специальный экран защищал спускаемый аппарат от перегрева при спуске на сверхзвуковых скоростях.

Спускаемый аппарат «Востока» тоже покрыли слоем специальной обмазки. Сработала эта обмазка отлично. Поверхность шара светилась и «таяла», как сухой лед, а Юрий Гагарин не ощутил сколько-нибудь опасного повышения температуры. Итак, посадка на родную планету подготовила спуски на другие планеты с атмосферой — были проверены два способа — тепловая защита и парашютная система.

А это автоматический «марсианин», действительно совсем непохожий на другие спускаемые аппараты.

Первая внеземная посадка

...Голая, не прикрытая ни единым облачком, вся изрытая круглыми ямами кратеров и вулканов — такой встретила Луна первого посланца с Земли. Миллионы лет бомбардировали ее поверхность «небесные камни», и ничто не мешало им ударяться о мертвую поверхность, ничто не смягчало этих ударов...

А теперь на эту поверхность надо было опустить автомат-разведчик с Земли. Но как? При спуске на Луну, у которой нет атмосферы, обмазка не нужна. И парашют бесполезен. Надо было найти другой способ торможения, чтобы станция не ударилась о мертвую поверхность так, как это происходит с метеоритами.

Конструкторы сделали «очень просто»: поставили на межпланетной станции «Луна-9» ракету. Когда станция приближалась к поверхности Луны, ракета включилась, струя раскаленных газов вырвалась по направлению к Луне и затормозила полет.

Сколько же пришлось проделать сложных расчетов, сколько сделать и испытать моделей, чтобы добиться этой «простоты»!

Спускаемого аппарата на «Луне-9» не было. Мягко садилась вся станция,— это хорошо видно на рисунке. На станции находился «важный пассажир» — автоматическая лаборатория. В герметическом корпусе были запрятаны приборы, которые нужно было уберечь от толчков и резких ударов. Приборы-автоматы могли ошибиться и включить тормозную систему чуть раньше.

Вот тут и придумали нехитрое устройство: обложили лунную лабораторию мягкими надувными мешками вроде футбольных камер. Когда до Луны осталось совсем немного, мешки наполнились газом, хранившимся в баллонах. Лаборатория «спрыгнула» с основного блока, мягко опустилась на поверхность Луны и тут же начала работать: распустила лепестки створок, выставила штыри антенн. Семь часов спустя Земля увидела на экранах телевизоров, как выглядит холодная лунная поверхность.

Так советские ученые освоили еще один способ мягкой посадки — на двигателях. Это было шесть лет назад. Совсем недавно «Луна-20» опустилась в горном районе Луны и снова тем же способом — на двигателях.

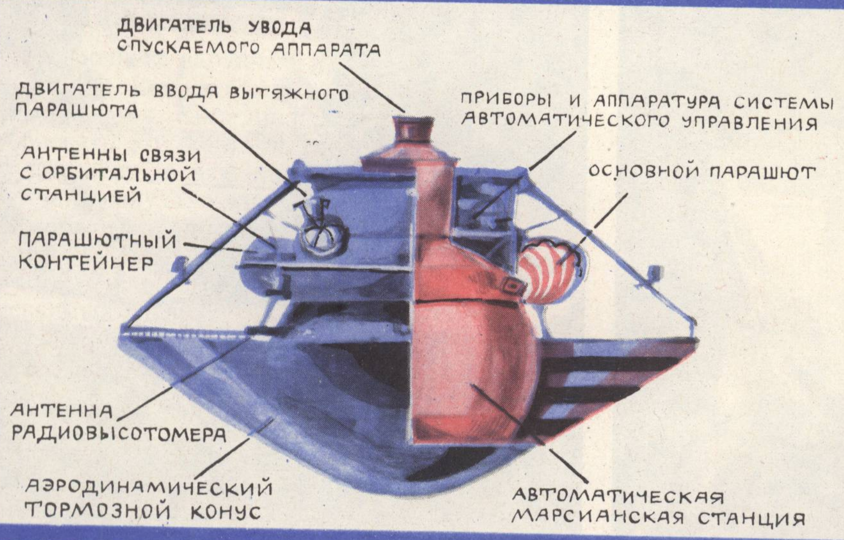
Венера разочаровывает людей

Издали Венера казалась очень похожей на Землю: размеры почти одинаковые, масса только на одну пятую меньше, есть атмосфера... Орбита Венеры ближе к Солнцу, чем орбита Земли. Значит, там теплее. Можно было предполагать, что на Венере — вечные тропики, пышная растительность, невиданные животные.

Но одно дело — предположение, другое дело — факты. А фактов почти не было. Та самая атмосфера, которая позволяла предполагать жизнь на Венере, непроницаемой пеленой скрывала планету от глаз человека.

Все было неясно: температура, плотность, состав атмосферы...

«Величины давления у поверхности планеты назывались от единицы до ста атмосфер,— рассказывал главный конструктор станции «Венера», вспоминая о том времени, когда начиналась подготовка к первой посадке на планету. — Естественно, мы рассчитали парашют на худший случай — на одну атмосферу. Сделали

Посмотри, как надежно спрятаны антенны, парашюты и приборы под защитным экраном автоматического «марсианина».

его большим, чтобы обеспечить надежный спуск. Но оказалось, что станция спускается слишком медленно».

Конечно, конструкторам помог опыт посадки космических кораблей на нашу Землю. Спускаемый аппарат сделали шарообразным, снабдили его парашютом, покрыли защитной обмазкой.

Но ко всему этому уже знакомому прибавились и новые трудности.

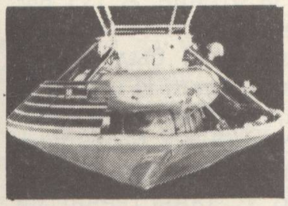
Гагарин спускался на Землю в герметически закрытом шаре. А автоматический разведчик Венеры должен был еще на лету брать пробы атмосферы и измерять ее давление и температуру. Поэтому пришлось часть приборов поместить под крышку люка, которая сбрасывалась в атмосфере.

Дальше. Все сведения, полученные станцией, нужно было тут же передавать на Землю — за 75 миллионов километров. Для этого антенна аппарата должна все время «смотреть» строго в зенит. Пока аппарат спускается на парашюте, все так и будет. Но как поведет себя шар, когда ляжет на грунт Венеры? Вдруг он ляжет боком? Тогда и антенна изменит положение. Вспомнили игрушку «ванька-встанька». Все, что потяжелее, разместили в аппарате так, чтобы центр тяжести при посадке оказался как можно ниже. Теперь, как бы ни лег шар, антенна будет смотреть кверху.

Нырнув в атмосферу Венеры, спускаемый аппарат «Венеры-4» передал безотрадные сведения: вокруг почти сплошной углекислый газ, температура под триста градусов, давление — двадцать атмосфер.

Потом снова и снова атаковали Венеру разведчики-автоматы, и, наконец, аппарат «Венеры-7» передал сведения с поверхности планеты. Оказалось, что давление — как в глубине океана, жара — как в печке да еще и полная темнота. За время спуска только один раз приборы отметили какую-то вспышку света.

Никакой жизни нет, видимо, на Венере, и в ближайшем будущем вряд ли найдется герой, который отважится отправиться туда. А вот разведчик-автомат выдержал все и в этой чудовищной темной печке сумел собрать все нужные сведения да еще и передать их на Землю.

Автоматический «марсианин»

Марс... Полгода летела к нему станция «Марс-3», оставляя позади миллионы километров. Такого долгого пути не приходилось еще преодолевать ни одному космическому аппарату.

Даже радиосигналу нужны были уже не секунды, а минуты, чтобы пробежать до Земли и вернуться обратно. Все операции посадки были рассчитаны на три минуты, а радиосигнал за это время прошел бы только полдороги до Земли. Как же управлять приборами?

Вот тут и пришлось подумать об электронном мозге для «Марса-3». Чуткие приборы сами, в пути, собирали все нужные сведения, сами сделали нужные пересчеты и произвели — без команд с Земли! — мягкую посадку.

Казалось бы, спуск на Марс после всего, что было сделано, не составит особенных трудностей. Но это не так. Посмотрите на автоматического «марсианина», и вы увидите, как он непохож на другие спускаемые аппараты.

Марс люди знают лучше, чем знали Венеру. Знают, в частности, и то, что атмосфера там в 150—200 раз менее плотная, чем на Земле.

Может быть, стоило вовсе забыть о ней и садиться на Марс, как на Луну, — на двигателях?

Но сила тяжести на Марсе только в два с половиной раза меньше, чем на Земле. Для спуска на двигателях понадобилось бы намного больше горючего, и приборам просто не хватило бы места.

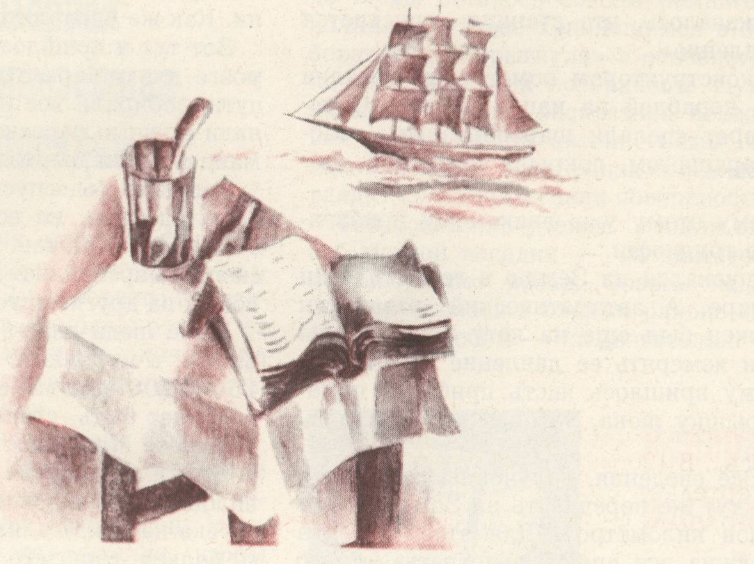
Для торможения конструкторы решили использовать атмосферу Марса, и только у самой поверхности включить тормозной двигатель.

Просто? Но это снова обманчивая простота. Раскрыть парашют при входе в атмосферу Марса нельзя: он сгорит, еще не успев полностью раскрыться. Подождать, пока скорость снизится? Тоже не годится: в разреженной атмосфере Марса спускаемый аппарат попросту не успеет затормозиться.

И все-таки ученые нашли выход: они пустили аппарат под очень небольшим углом, чуть ли не по касательной к атмосфере Марса. Это очень сложно. Понадобился точнейший расчет. Вспомните, как пущенный над озером камушек прыгает по поверхности воды, оставляя круги — «блинчики». Малейшая ошибка — и спускаемый аппарат, как камешек, отскочит от атмосферы и уйдет в космос.

Теперь путь аппарата в атмосфере удлинился, и встречный поток успевал затормозить его. А конструкторы придумали еще и дополнительный тормоз — конический экран, похожий на гриб или зонтик. На него легла самая тяжелая работа — принять ударную волну на скорости, в двадцать раз превышающей скорость звука!

2 декабря 1971 года в 16 часов 44 минуты по московскому времени спускаемый аппарат «Марс-3» начал торможение в атмосфере Марса. А дальше все пошло, как и ожидалось: в конце участка торможения был выведен сначала вытяжной, а затем частично основной парашют. В двадцати — тридцати метрах от поверхности планеты был включен тормозной двигатель. На этот раз не ракета, а пушка. Выстрел был холостой, и отдача от него затормозила спускаемый аппарат, парашют был отброшен в сторону, и «Марс-3» мягко опустился на поверхность планеты. Полторы минуты спустя с антенны первого «марсианина» пошли сигналы на Землю. Электронный мозг земного разведчика выдержал испытание. Выдержали его и люди, решившие столько сложных задач.

Анна МАСС

ДИК СЭНД

Рисунки С. НЕРСЕСОВА

Юля сообщила нам: скоро выйдет фильм «Пятнадцатилетний капитан», по Жюлю Верну. Она прочитала об этом в журнале «Огонек».

Юля сказала, что у нее есть книжка «Пятнадцатилетний капитан», с картинками, но она ее как раз сейчас читает, а когда прочтет, отдаст Мишке, она ему уже обещала. Мы с Наташкой и Аней Горчаковой встали на очередь. Мне не терпелось поскорее прочитать книжку. Но, как назло, Мишка читал очень медленно: он уверял, что не пропускает даже описания природы.

Я вся извелась, пока дождалась своей очереди. Я и заболела, как мне показалось, от нетерпения. Конечно, на самом деле это не так, потому что скарлатиной заболевают по каким-то другим причинам. Но именно в тот день, когда долгожданная книжка попала, наконец, ко мне в руки, у меня поднялась температура, и врач сказал маме, что у меня самая типичная скарлатина и меня нужно срочно изолировать, не давать в руки никаких книг и игрушек, кроме тех, которые уже побывали у меня в руках. Их все равно потом, когда я выздоровлю, обязательно придется сжечь, чтобы кто-нибудь другой от меня не заразился.

И вот я слегла на четыре недели с единственным предметом — с книжкой Жюля Верна «Пятнадцатилетний капитан».

Первые дни я чувствовала себя неважно, и было не до чтения. Но вскоре температура спала, и я бы, наверно, сошла с ума от скуки, если бы не книга.

Это была растрепанная, зачитанная книга, такая старая, что некоторые буквы даже писались не так, как обычно: например, вместо «Е» часто стояла буква, чем-то похожая на твердый знак, а буква «И» писалась то как «И», то как в английском языке «i». Вначале мне даже трудно было читать, но очень скоро я к этому привыкла и уже не обращала внимания.

Обычно вначале я рассматриваю картинки, а уж потом принимаюсь за чтение. А тут нарочно не заглядывала вперед, чтобы продлить удовольствие. Зато как приятно было перевернуть страницу, а там картинка! И под картинкой — фраза из текста, которая объясняет, что нарисовано. Как я восхищалась бесстрашным юношей Диком Сэндом! А негр Геркулес! А умный пес Динго с таинственными буквами «С. В.» на ошейнике!

Я пробираюсь вместе с путешественниками по африканским дебрям. Мне хочется собственными руками убить злодея Нэгоро, который вверг этих благородных людей в пучину опасностей.

Мама приносила мне в постель завтрак, обед и ужин, и я ела, не отрываясь от книги. Мама говорила:

— Хоть во время еды не читай!

Я откладывала книгу в сторону, но все равно, скосив глаза, читала. Не могла оторваться!

— Если бы ты с такой охотой уроки готовила! — вздыхала мама.

Она очень беспокоилась, что я за месяц сильно отстану. А меня волновало совсем другое: доберутся ли путешественники до побережья? Неужели, избегнув стольких опасностей, они станут жертвами жестоких туземцев? Какие новые злодейства замышляет Нэгоро?

Но вот верный Динго привел их в пещеру. Сейчас откроется тайна двух букв. Так и есть! Человеческий скелет на полу пещеры. Записка: «Здесь... В 120 милях от берега океана... Меня смертельно ранил и ограбил мой проводник Нэгоро... Динго! Ко мне...

Самюэль Вернон».

Слезы мешали мне читать. Я утирала их пододеяльником.

— Вот отберу у тебя книгу! — пригрозила мама, войдя в комнату.— Тебе нельзя волноваться, а ты так рыдаешь! У тебя начнется осложнение!

Я решительно засунула книгу под спину и легла на нее.

— Много хоть тебе осталось?

— Совсем немножко,— с сожалением сказала я.

— Слава богу, успокоишься наконец, — сказала мама.

Но как только я дочитала книгу, тут же начала ее сначала. Дик Сэнд — вот кто стал моим героем! Я играла в него, придумывала новые приключения. Я словно переставала быть самой собой, когда играла. Для мамы и для всех остальных я продолжала оставаться девочкой Валей, ученицей четвертого класса. А для самой себя я стала смелым юношей, Диком Сэндом. Это было какое-то странное ощущение, я бы, пожалуй, не решилась рассказать о нем никому, даже своей лучшей подруге Наташке. Боялась, что она будет смеяться.

Мама несколько раз напоминала, что книжку, когда я выздоровлю, придется уничтожить. Ни за что! Не дам! Так спрячу, что никто не найдет.

Четыре недели прошли почти незаметно. Когда мама разрешила мне одеться и встать и я прошлась по комнате, меня шатало от слабости. Я подумала, Дик Сэнд тоже шатался от слабости после пыток.

Только на третий день мама разрешила мне выйти погулять. Во дворе меня сразу все окружили, стали рассматривать. Аня Горчакова сказала:

— Какая ты бледная стала!

Это меня огорчило. Конечно, побледнеешь, если целый месяц лежишь почти без движения.

Вскоре все занялись своими делами, и я почувствовала, что, пока болела, от меня отвыкли. Наташка с Аней Горчаковой отошли в угол двора и стали шептаться. Я подумала, что у них с Аней какие-то свои секреты появились. После мне Юля рассказала про их секрет: они вырезали из «Огонька» фотографию киноартиста Севы Ларионова в роли Дика Сэнда и по очереди целовали ее. Я обиделась и решила с Наташкой не водиться.

Выздоровела я как раз во́время: на экраны наконец-то вышел фильм «Пятнадцатилетний капитан». Мишка ходил к кинотеатру «Художественный» и сказал, что там такое творится, что и к кассе не подберешься.

Я готова была стоять в очереди хоть до самого вечера, так мне хотелось скорее посмотреть фильм. Еле дождалась воскресенья. В варежке у меня лежали деньги — выпросила у мамы побольше на случай, если вдруг удастся купить билет с рук. Некоторые мальчишки покупали в кассе билет и продавали за двойную цену.

Пошла я не в «Художественный», а в клуб имени Горького — он недалеко от нашего дома, возле Зубовской, в переулке. Я рассчитывала, что там скорее удастся достать билет: кинотеатр маленький, может, и народу поменьше. Но не тут-то было! Народ запрудил весь переулок перед клубом. С трудом отыскала конец очереди. Простояла с полчаса и почувствовала, что надежды достать билет мало. Однако все стояла и стояла, ноги у меня стали мерзнуть, а очередь не продвинулась ни на шаг.

И вдруг случилось чудо: рядом со мной остановилась женщина в вязаном платке и сказала:

— Кому два билета?

Она так тихо это сказала, что на нее даже не сразу обратили внимание. Если бы чуть погромче, уплыли бы от меня билеты.

— Мне! — сказала я и сразу протянула деньги, которые сжимала в варежке. Она взяла деньги, а мне дала два голубеньких билета. И ушла. А я даже не сразу вышла из очереди: привыкала к своему счастью.

Сеанс начинался в два часа, а сейчас еще двенадцати не было. Я шла домой, сжимая в кулаке билеты и медленно осознавая свою удачу. Подходя к нашему дому, я вдруг подумала: билетов-то два! Значит, можно когонибудь осчастливить! Но кого? Наташку — не стану. Чтобы знала! Аню? Юля обидится. Юлю? Аня обидится...

Свернула в подворотню нашего дома и едва не столкнулась с Сережей.

— Привет! — сказал он.— Выздоровела?

Я просияла от счастья. Ведь он уже в седьмом классе учится, а вот запомнил, что я болела.

Как-то так получилось, что в нашем дворе у Сережи не оказалось сверстников и он иногда играл с нами в ножички. Но куда бы-

ло нам до него: он обставлял нас в одну минуту.

Юля сказала про Сережу, что он самый красивый и самый вежливый мальчишка из всех, кого она знает, и что, если бы она не была уже влюблена в киноартиста Дружникова, она бы влюбилась в Сережу. Я не обладала такой цельностью натуры. Мне нравился Дружников, но и Сережа мне нравился.

— Выздоровела! — ответила я и предложила: — Пошли на «Пятнадцатилетнего капитана»? У меня лишний билет.

— Да-а? — обрадовался Сережа.— А на когда?

— На два.

— Ладно!

Подумал и добавил:

— Спасибо!

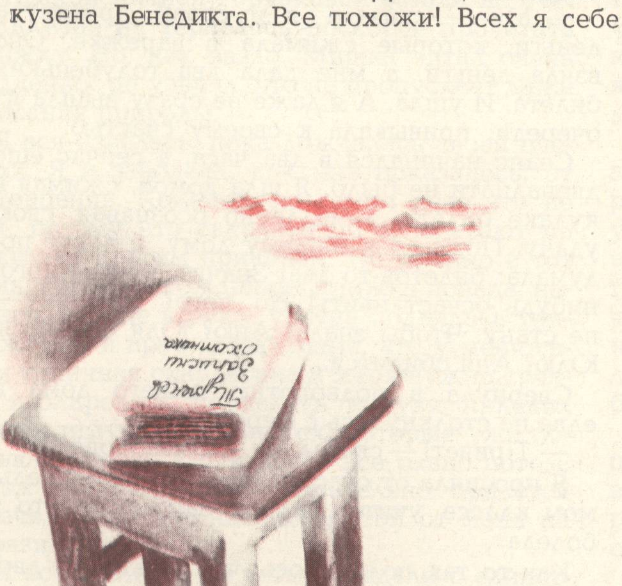
Как долго тянется время, когда нужно, чтобы оно, наоборот, шло побыстрее! Нет никакой возможности терпеть!

В половине второго я зашла за Сережей, но он обедал. Минут пятнадцать я переминалась с ноги на ногу в передней и слушала, как Сережина мама кричит:

— Опять все раскидал! Почему ботинок на стуле? А где второй? Пока не уберешь за собой, никуда не пойдешь! Опоздаешь — так тебе и надо!

Наконец Сережа выскочил из кухни, натянул пальто на одну руку и ушанку задом наперед, и мы помчались. В самый раз успели. Только отыскали свои места в одиннадцатом ряду, свет погас, и начался кинофильм.

Пасмурное вечернее море. Волны, ударяясь о берег, вздымают брызги. На берегу стоит чернобородый человек и прячет лицо в поднятый воротник куртки. Нэгоро! Я сразу его узнала. А вот и корабль «Пилигрим». Старый капитан Гуль встречает гостей: миссис Уэлдон, маленького Джека, смешного кузена Бенедикта. Все похожи! Всех я себе

представляла именно такими. Но Дик Сэнд! В книжке на картинках он мне, по правде говоря, не очень нравился. А в фильме он был как раз такой, каким мне и хотелось его видеть.

Схватка с китом! Видение Летучего Голландца! Негодяй Нэгоро, крадучись, пробирается в рубку и кладет топор под компас. Корабль меняет направление.

— Ничего, они потом все равно победят! — успокоила я.

— Отстань, я знаю!

Я не обиделась: не до того! Ух, какой фильм! Когда он кончился, у меня болели пальцы, так я сжимала ручки кресла. Мы вместе с толпой двигались к выходу и делились впечатлениями:

— Сильная сцена, как он у столба стоял привязанный!

— Ага! А как Геркулес того — по башке! Тот сразу — бенц!

— Ага! А как Альвец загорелся! Помнишь?

— А руки отрубленные — правда, жуть?

Мы шли к переходу и продолжали вспоминать. Это было так здорово — идти рядом с мальчиком, который учится уже в седьмом классе, почти взрослым! Я то и дело поднимала голову, чтобы видеть его лицо, и оно казалось мне все больше и больше похожим на лицо Дика Сэнда из кинофильма. Сережа и Дик Сэнд в моем воображении как бы слились воедино.

Уже предо мной не Садовое кольцо, а саванна. Я зорко вглядываюсь в даль: не туземцы ли притаились за тем углом?

Навстречу нам и правда двигались два туземца в расстегнутых пальто.

Я уже знала мальчишек этого типа. Сколько раз они стреляли в меня из рогаток гнутыми проволочками! Они шлялись по улицам словно специально для того, чтобы не давать жить девчонкам. Я их очень боялась. Но только не сегодня. Сегодня рядом со мной шел Сережа!

Когда они поравнялись с нами, один посмотрел на нас, ухмыльнулся и произнес:

— Жених и невеста, тили-тили-тесто!

Другой ловко подставил Сереже ногу. Сережа споткнулся.

— Хулиганы! Дураки! — крикнула я.

— Штё-ё? — тонким, противным голосом протянул парень. Он был приземистый, ниже Сережи, но, видно, не слабый.

— Это штё за писк?

— Отстаньте, мы же вас не трогаем! — сказал Сережа.

— Слышь, кореш, он еще тявкает,— обратился парень к своему приятелю. Тот стоял молча, со скучающим видом. И вдруг схватил Сережу за отворот пальто.

— А ну пошли! — произнес он сипло.

Сережа старался освободиться, отпихивал от себя парня, но тот словно прилип к нему, стараясь прижать к стене.

Дик Сэнд в руках пиратов! С неожиданным для себя чувством ликующего бесстрашия я бросилась на парня и лягнула его ногой.

— Ты смотри! — произнес он удивленно.— Вошь недодавленная, а тоже туда же!

Он быстрым движением завернул за спину мою руку. От боли я согнулась.

— Отпусти!

Он еще сильнее вывернул мою руку.

В тот же момент он отлетел от меня и шлепнулся на четвереньки.

— Получил? — спросил Сережа.

— А, ты так! — сдавленно произнес другой парень и кинулся на Сережу. Сережа шагнул к нему и вдруг мгновенным движением вывернул его руку назад да еще рванул вверх.

Парень вскрикнул. Сережа не отпускал его руку.

— Перестань, Сережа, хватит!

Сережа мельком взглянул на меня — какое жестокое у него было лицо! — и продолжал тянуть руку парня вверх.

Тот заплакал.

— А ну, отпусти его! — услышала я рассерженный женский голос.

Перед нами стояла женщина с хозяйственной сумкой в руке. Из сумки выглядывали батоны и пучки зеленого лука.

Сережа, не торопясь, отошел от мальчишки. Тот, всхлипывая и бормоча какие-то угрозы, направился в сторону Зубовской. Второй поплелся следом.

— Бессовестный! — сказала женщина.

Мы снова шли рядом.

— Ты чего молчишь? — спросил Сережа.

— Ничего.

— Ну и дура. За тебя же...

Мне хотелось поскорее домой, остаться одной со своими мыслями, потому что непонятно: что же произошло? Ведь Сережа, правда, за меня вступился. Почему же мне стыдно идти с ним рядом? Ну, почему? Он сильный, красивый... И смелый! Или смелость бывает разная? У добрых людей одна, а у жестоких другая?

Дома я спокойно разделась и пошла мыть руки, словно ничего особенного не произошло. А на самом деле произошло: Дик Сэнд исчез!

Когда я легла в постель, перед сном мне хотелось все же еще поиграть в Дика Сэнда, но не игралось, и все!

А книжку я все-таки спасла, запихнула ее глубоко под ванну, откуда иногда по вечерам выползали черные тараканы. Может быть, некоторые тараканы и заболели скарлатиной. Но мне их не жалко. Примерно через месяц я книжку вынула, обернула ее в белую бумагу. Хотела вернуть ее Юле, но Юля от нее отказалась: боялась заразы. И книжка осталась у меня. Я ее до сих пор храню.

50 ПИОНЕРСКИХ ЛЕТ

С праздником поздравляет тебя пионер одного из первых пионерских отрядов Борис Федосеевич Кудинов.

В тот давний февраль 1922 года нас, ребят из рабочих семей, собрали в цехе бывшей типографии Машистова. Холодно там было, и горела всего одна лампа: электричество в Москве экономили. Мальчишки шумели, но как только на середину вышел человек в длинной шинели и островерхой буденовке, все смолкло.

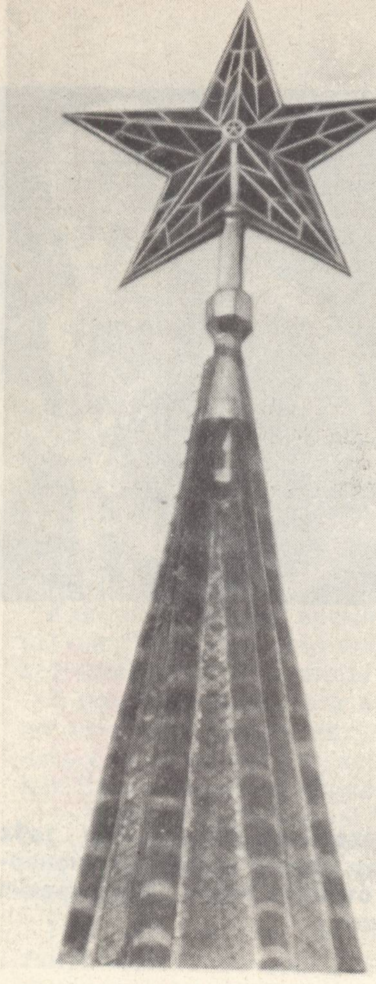
При свете лампы алеет на буденовке пятиконечная звездочка. Человек говорит с нами о том, о чем раньше никогда с нами не говорили: стране трудно, и мы можем и должны помочь взрослым.

Это — Миша Стремяков, наш будущий пионерский вожатый. Его прислал к нам Московский городской комитет комсомола. Он говорил горячо, увлеченно, слушали его затаив дыхание. Жизнь, о которой он нам рассказывал, жизнь боевая, радостная, яркая, была нам по вкусу.

Сбор мы закончили песней «Вперед, заре навстречу...».

Я до сих пор помню этот цех, и Мишу Стремякова, и как я сидел, сжатый с двух сторон плечами товарищей, и пел.

Кем я только с тех пор не был! Пионервожатым, кинооператором, начальником первого альпинистского лагеря в Приэльбрусье. Бывало мне трудно, не всегда все ладилось, но я помнил закон, который мы приняли в детстве: «Пионер смел, честен и правдив, пионер вынослив и никогда не падает духом». Он стал моим законом на всю жизнь.

КРАСНЫЕ ЗВЕЗДЫ И КУРАНТЫ КРЕМЛЯ

Юрий КРУТОГОРОВ

Фото В. ПОСТНИКОВА

РУБИНОВЫЙ СВЕТ

Я пришел в Кремль и здесь встретился с Александром Тимофеевичем Бряевым и Митрофаном Николаевичем Матюшкиным. Это, наверное, единственные люди в Москве, профессия которых — доставать руками до звезд. Не подумайте, что они космонавты. Бряев и Матюшкин зажигают звезды Кремля.

И этот свет и сами эти звезды знакомы всем нам с детских лет. Их горячее сияние на звездочке октябренка и на пилотке солдата. Пять красных лучей несут на фюзеляжах самолеты, алая звездочка между колосьями — на гербе Советского Союза. Кремлевские башни вознесли рубиновые лучи над советской столицей. И над всей нашей страной.

И вот сейчас я разговариваю с людьми, которые их зажигают.

Я прошу Бряева и Матюшкина рассказать немного о себе. Они улыбаются: «Да что там, у нас самая обычная биография!»

Матюшкин родился на Смоленщине. В деревне Маклаки до революции все мужчины уходили в город верхолазить. И Митрофан Николаевич ушел. А Бряев вырос под Москвой, недалеко от той деревни, где в двадцатых годах зажглась первая лампочка Ильича. «И меня к электричеству потянуло», — рассказывал Александр Тимофеевич.

В середине тридцатых годов один уже был отчаянным верхолазом, а другой, поработав на заводе «Динамо», стал

специалистом по электричеству. Они встретились на установке звезд в Кремле. Тогда, в 1935 году, к Октябрьским праздникам решили поставить на кремлевских башнях цельнометаллические звезды, украшенные уральскими самоцветами.

Матюшкин сразу оказался в родной, привычной стихии. Он монтировал краны, ладил лебедки и спокойно влезал на шатры. Говорят, на высоте он будто парит. Такая в нем легкость движений, воздушность — качества, которые, по-видимому, присущи только птицам и верхолазам.

Цельнометаллические звезды снизу подсвечивались прожекторами.

Я очень хорошо помню, как в детстве отец водил меня на Красную площадь. Казалось, звезды неторопливо плывут в вечернем небе, марево над ними дрожало от ветра.

Однако немного позже было решено: пусть звезды светят сами! Без прожекторов. Днем и ночью.

Сняли цельнометаллические звезды (одну из них потом поставили на шпиле Химкинского речного вокзала в Москве). А над Спасской, Боровицкой, Никольской, Троицкой, Водовзводной башнями вспыхнул рубиновый свет.

Мы идем в электрощитовую, центральный пункт освещения. Моим новым знакомым надо снять показания приборов.

Матюшин и Бряев что-то записывают, негромко переговариваются между собой, а я тем временем разглядываю комнату. Все очень обыкновенно. Я подхожу к щиту Спасской башни. Даже не верится. Подумать только, вот здесь зажигается главная звезда страны! Рубильник. Чуть выше амперметр и вольтметр. Ниже — реостат. С обратной стороны гранитной доски — реле. Горят сигнальные лампочки. Если что-нибудь случится, они мигом сообщат о неполадках.

Впрочем, этого почти никогда не случается. Каждый прибор что-то просматривает, измеряет, ведет свою точную, неслышную работу. Кажется, что вся электрощитовая, словно докторский стетоскоп, прислушивается к рубиновым звездам. А верхолазы-электрики Бряев и Матюшкин всегда наготове. Надо — стремглав взберутся на самую верхушку шпиля, чтобы выполнить необходимый ремонт. Бряев мне сказал: «Видите ладони. Они должны все чувствовать, словно аптекарские весы...».

А как же? Ведь имеешь дело с кремлевской звездой!

Я вам сейчас расскажу об ее устройстве. Пятилучевой каркас покрыт особым трехслойным стеклом. Внутри — хрусталь, внешняя оболочка — красное и молочное стекло. Такой искусственно созданный сплав прочнее природного рубина. Кроме того, он ярче и ровнее рассеивает свет, излучаемый лампами накаливания. Это сильные лампы: на Спасской, Никольской, Троицкой башнях — пять тысяч ватт, на Водовзводной и Боровицкой — три тысячи семьсот.

Мне разрешили подержать такую лампу. Запасную. Я бережно взял ее двумя руками. Это был прозрачный цилиндр величиной с добрый бочонок. Внутри едва слышно позванивали вольфрамовые нити, а на донышке перекатывалась горстка угольного порошка.

Я положил лампу в коробку и спросил, как ее «вкручивают» в звезду.

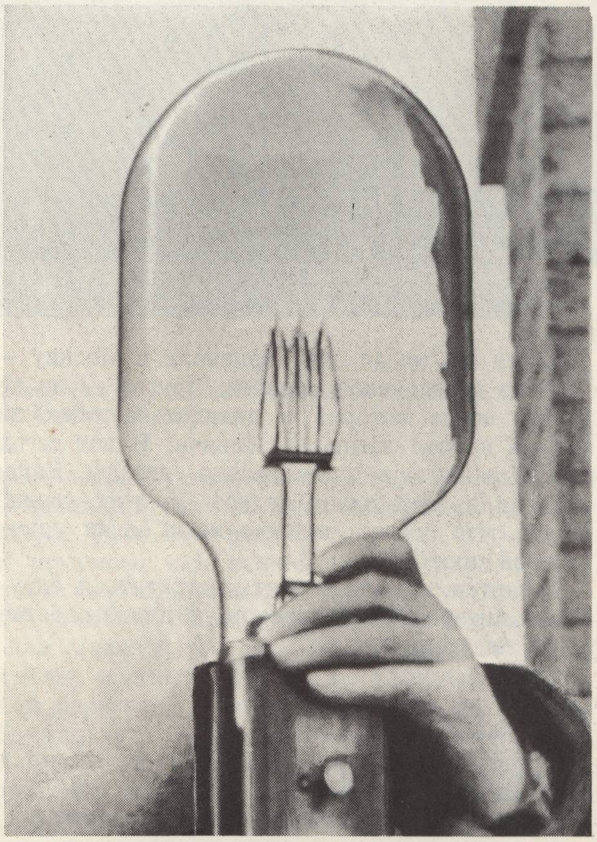
— Пошли в шатер Троицкой башни, — сказал мне Бряев. — Там все поймешь.

Мы поднялись на башню. И там, на верхней площадке, я увидел полую металлическую штангу, которая тянется внутри шпиля до самой звезды. На верхнем конце штанги — специальный стакан-держатель. Когда требуется, штангу опускают, устанавливают в держателе лампу, и пожалуйста: все готово, яркий стеклянный баллон вводится в сердцевину звезды. Через полость штанги пропущены токоприемные провода. Остальное сделает рубильник в электрощитовой.

В уголке шатра я увидел вентиляторы.

— Лампы здорово нагреваются, — сказал Бряев. — И мы подаем наверх холодный, чисто отфильтрованный воздух.

Один раз в два-три года Александр Тимофеевич и Митрофан Николаевич поднимаются на звезды. Специальным составом, словно стекольщики, они промазывают пазы лучей, протирают фетром и замшей рубиновые плоскости. Это работа смельчаков: кремлевские звезды так устроены, что они еще и постоянно вращаются от ветра.

Мне разрешили подержать такую лампу. Это был прозрачный цилиндр величиной с добрый бочонок.

Каждую четверть часа переливчатым звоном бьют куранты на Спасской башне. Мелодичные удары разносятся над Москвой.

— Мы привыкли, — улыбаются мои знакомые.

Много лет назад они приехали в Москву — один из Смоленской области, другой — из деревни, возле которой в двадцатых годах зажглась первая лампочка Ильича. И вот сегодня они зажигают кремлевские звезды. Какая славная и заманчивая судьба у этих людей! Я рад, что познакомился с ними, с их удивительной службой!

А завтра мне предстоит встретиться еще с одним интересным человеком, который работает здесь же, в Кремле.

ГОЛОС ВРЕМЕНИ

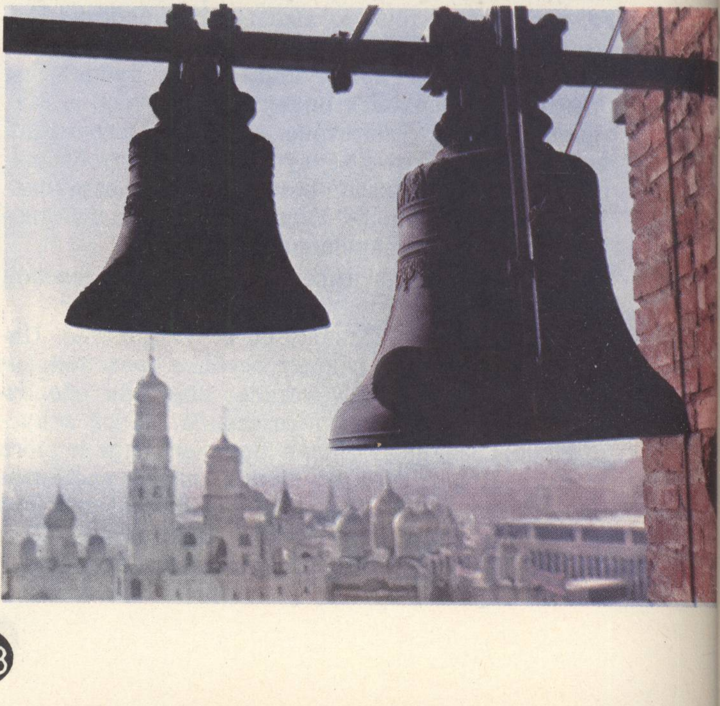
Было без пятнадцати восемь — точно по кремлевским часам. Куранты с переливчатым звоном — так знакомо и каждый раз по-новому — пробили четверть. На Красной площади было безлюдно, и я издали увидел Александра Степановича Салтыкова, смотрителя часов Спасской башни. Он держал связку ключей, улыбался:

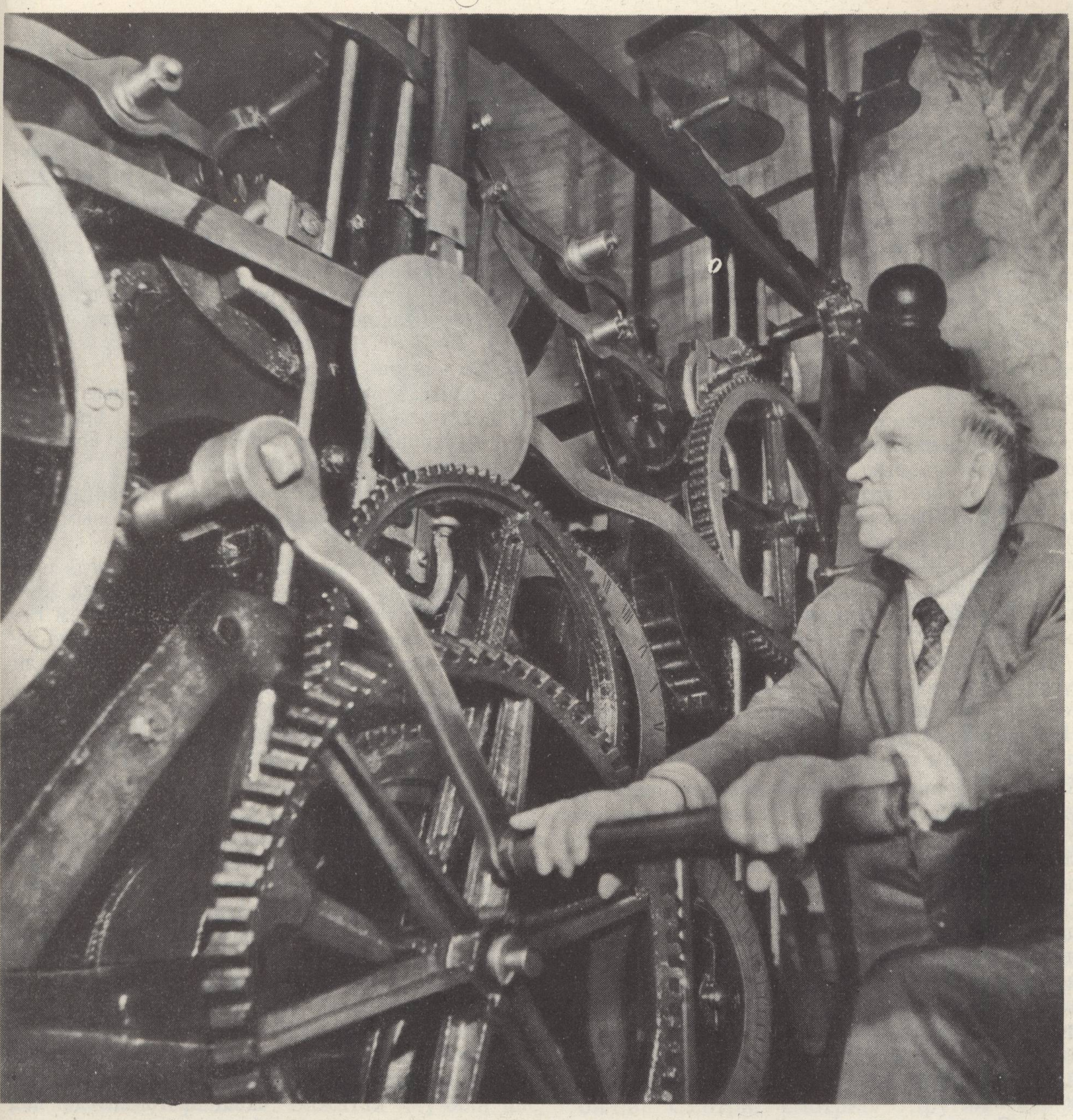
— Под этими часами нельзя опаздывать.

Мы прошагали по брусчатой мостовой к воротам. Вошли в них. Слева виднелась деревянная дверь. Салтыков повернул несколько раз ключом — спокойно, как будто открывал дверь собственной квартиры, — и из кирпичной темноты на нас подуло застоявшимся холодком. Электрические лампочки осветили нижний этаж башни — сводчатый потолок, узкие окошки, плитчатый пол.

— Пора, — сказал Александр Степанович. — Самое время.

Колокола висят на самой верхней, открытой площадке Спасской башни.

Без пяти восемь. Александр Степанович приступает к своей обычной работе.

Ровно в восемь ему предстояло завести куранты.

Вверх вели белокаменные ступени (сто двадцать пять насчитал я), и вскоре мы оказались на площадке. В стене была широкая прорезь. Я увидел висящие на тросах гири, спускающиеся в глубокий каменный колодец. Тросы тянулись почти до самого шпиля.

— Сейчас подтянем гирьки, — сказал Салтыков.

И мы опять начали подниматься вверх по винтовой лестнице, похожей на штопор. Лестница ввинчивалась в высоту круто, легко и дразняще, и она забрала нас в свою головокружительную спираль. Я испытывал такое ощущение, точно это был путь не к курантам, к «перечасью», как их называли в древности, а в саму древность, в глубь веков, в год 1491, когда на башне впервые установили «снаряд, показывающий делянки суток». Это им, едва ли не первым часам на Руси, посвятил свои строки изумленный летописец: «На всякий же час ударяет молотом в колокол, размеряя и считая часы нощные и дневные». Колокола громкого боя звучали над Москвой то тревожно, то призывно, то ликующе, и отныне это был не обычный, малиновый перезвон, а голос в р е м е н и.

Вот они, эти часы. Мы входим в высокую восьмигранную комнату на макушке башни, и первое, что видишь, — огромные шестерни, валы, цилиндры, почти двухметровый маятник. Он стучит гулко, равномерно, а в коротеньких, в доли секунды, промежутках — чуть слышное

придыхание. Это не уютное тиканье домашних ходиков, а звенящий перезвон литавр, и в эти минуты очень хорошо понимаешь слова старого и мудрого философа, который обозначал время как ход, как само течение жизни.

Александр Степанович по узкому проходу ведет меня в противоположный угол восьмигранника, и мы останавливаемся возле небольшой металлической дверки. Он отворяет ее. За ней, словно в уголке музыкальной шкатулки, сам механизм завода. От него вниз тянутся прочные тросы, держащие гири. Когда-то они висели на пеньковых канатах, подтягивались вручную с помощью лебедки. Теперь эту работу выполняет электромотор.

Без пяти восемь. Салтыков включает двигатель. Удары маятника угасают, их перекрывает шум подтягиваемых гирь. Они медленно тянутся вверх, и трос, виток за витком, наматывается на барабан. Секунда, вторая, третья... Стоп! Электромотор затихает. Все валы заводного механизма — вал, передвигающий стрелки, вал боя четвертей, вал боя часового колокола — получили энергию впрок, заряжены работой на весь день.

Из просторного восьмигранника, из самой середки музыкальной шкатулки, идут ввысь металлические тяги, напоминающие спицы рояля. Нижние концы тяг прикреплены к специальным педалям. Тяги тянутся к колоколам.

Колокола висят на самой верхней, открытой площадке Спасской башни. Их целое семейство: один, самый большой, посередине, девять — мал мала меньше — по бокам. Папа-колокол и дети-колоколята. И у каждого свой голос. От густого, окающего баса до тоненького детского дисканта. Большой колокол отбивает часы, колоколята — четверти, каждые пятнадцать минут включаются они в перезвон. Роль звонарей выполняют молоточки. К их рукояткам прикреплены те самые металлические тяги-спицы, что тянутся от педалей. У часового механизма самая прямая, непосредственная связь с семейством колоколов.

— Смотри внимательнее, сейчас самое интересное начнется, — говорит Александр Степанович.

Уж куда внимательнее! Я стараюсь ничего не упустить.

Т-у-у-к! Т-у-у-к! Т-у-у-к! Рядом с маятником по левую руку счетное колесо, размеченное римскими цифрами. И цилиндр, густо усеянный стерженьками, — игральный вал. Он, как дирижер, руководит звонкими молоточками курантов. Тут все связано одной ниточкой, подчинено движению часовой и минутной стрелок на циферблате.

Внимание! Часовая стрелка приближается к восьми, а минутная — к двенадцати. Игральный вал со своими стерженьками медленно совершает свой оборот. Стерженьки по пути нажимают на педали, те чуть-чуть оттягивают тросы, тянущиеся к молоточкам. И молоточки приступают к своему звонкому делу. Я слышу, как рядом со мной бьют четверти. Небольшая, в несколько секунд переменка, и словно кто-то подтолкнул счетное колесо. Оно поворачивается на одно деление, уже другая педаль оттягивается. Б-а-а-м! На второе деление. Б-а-а-м! На третье деление. Б-а-а-м!

Куранты отбивают время. Мелодичные удары разносятся над Москвой. Это сам ход времени. Это — удивительно ощущаемое здесь, спрессованное в тугие звуки течение жизни.

Так было почти пять веков назад, когда столичный Кремль огласился первым часовым звоном.

Так было сто тридцать лет спустя, когда приглашенный из «аглицкой земли» механик Христофор Галовей вместе с русским умельцем Баженом Огурцовым сотворили невиданный до того циферблат часозвона. Циферблат украшали звезды из жести, позолоченный круг солнца, серебристый диск месяца. Целая картина мироздания! И не цифры, а славянские буквы — аз, буки, веди, глаголь — обозначали время.

Б-а-а-м! Так куранты звонили после изгнания французов из Москвы!

Б-а-а-м! Этот привычный звук замер на несколько месяцев 2 ноября 1917 года, когда во время боев с белогвардейцами часы на Спасской башне были выведены из строя артиллерийским снарядом. И тогда Владимир Ильич распорядился реставрировать куранты. Его задание было выполнено в кратчайший срок.

Б-а-а-м! Часы на Спасской башне известили о параде в ноябре 1941 года, когда войска с Красной площади уходили прямо на фронт. И эти же куранты пробили начало парада, посвященного победе над фашистами.

Б-а-а-м! Я был на Красной площади в тот день, когда столица встречала Юрия Гагарина.

Б-а-а-м! Восемь часов утра.

Из узкой бойницы я вижу, как от ворот Спасской башни, четко печатая шаг, идут к Мавзолею Ленина два солдата. Сейчас они заступят на свой пост, и через шестьдесят минут по кремлевским часам их сменят другие часовые.

Восемь утра. Страна начинает рабочий день.

50 ПИОНЕРСКИХ ЛЕТ

С праздником поздравляет тебя заслуженный артист РСФСР Юрий Владимирович Никулин.

Я могу забыть лица людей, недавно встречавшихся мне, но великолепно помню друзей детства. Стираются в памяти слова роли, а детские стихи остаются со мной навсегда:

Вот горошек сладкий,
Зерна, как в кроватке,
Спят в стручках усатых...

Нас было десять человек, захотевших на пионерском утреннике «играть огород». Один был морковкой, другой помидором, а я зеленым горошком. Вожатая научила нас, как выступать. Каждый по очереди делал шаг вперед и читал стихи. Чтобы зритель не перепутал, кто есть кто, мы держали в руках дощечки, на которых было написано название овоща.

Я тоже шагнул вперед и... все забыл. Стало как-то неуютно. Я поднял дощечку и сказал:

— А вот репка!

Стихи я запомнил на всю жизнь и хохот в зале тоже.

Может быть, тогда я и понял, что смех в человеке живет всегда, только до поры до времени он спит и его надо разбудить. Эта работа и стала главной в моей жизни.

Для одних людей пионерские годы — это походы, для других — тимуровские команды. А для меня — театральные кружки Домов пионеров, скетчи, представления, спектакли, которые мы там ставили.

Помните танец из кинофильма «Кавказская пленница»? Мне кажется, первая репетиция его прошла у пионерского костра. Для вас костер — это запах смолы, отсветы огня, синее небо над головой, а у нас костры проводили в школе. Обертывали красной бумагой лампочку, резали алый шелк длинными лентами и прикрепляли их к вентилятору. Потом обкладывали все это поленьями, и костер начинал «полыхать». Чувствовали мы себя не хуже, чем в лесу. Пели, танцевали, рассказывали. Одно время было какое-то повальное увлечение лезгинкой. Все ходили на носочках, размахивали руками и кричали «Осса!». Я появлялся с утрированно большим кинжалом в зубах. Из-под огромной папахи не видно лица.

Несколько па, и я входил в азарт. Но тут на меня как будто бы нападала пчела. Я отбивался, отмахивался от нее, ничего не помогало. Тогда в ужасе вместо привычного «Осса» я вопил «Пчела, пчела!». Все ребята смеялись.

Я очень любил выполнять этюды — маленькие импровизированные сценки, когда придумываешь слова на ходу. Однажды руководитель кружка дал нам задание изобразить, будто ты что-то увидел в небе. Мы все задирали головы кверху. Кто-то кричал: «Ой-ой-ой! Смотри, смотри!»; другой: «Дирижабль летит!», а я почему-то закричал: «Медведь! Медведь!» От неожиданности все засмеялись. Так я поймал еще одно смешное мгновение.

Правда, иногда я играл и героические роли. Был у меня такой персонаж по имени Макар. Чрезвычайно отважный следопыт. Мужественный и бесстрашный. На протяжении всей пьесы совершал он героические поступки. После этой роли мне хотелось скакать на коне, стрелять из пистолета, быть непобедимым. И сейчас я тоже не отказался бы от такой роли. Но быть комиком еще лучше. Я уже объяснял почему.

Очень советую и вам, мои юные друзья, не ждите, пока вас соберут в кружок и будут веселить. Сами ищите смешное и дарите смех людям. И цените его, как один из лучших подарков в жизни.

Как можно больше веселых минут!

И на западной и на южной...

И. ГОЛУБЕВА

Фото В. АРСИРИЯ.

Он назвал ее Влада. Считал, что у собаки должно быть необыкновенное имя, и еще чтобы крикнуть: «Влада!» — и все знали бы, что эта огромная овчарка с темным носом и все понимающими глазами его, Владика Орехова, собака.

Так они и жили: Влада и Владик. То есть, нет... Собака была потом, а сначала было только имя... Потому что мама Орехова сказала: «Только через мой труп».

Кухня выходила окнами на пустырь, где прогуливали лохматых, узкоголовых колли, лобастых черных терьеров, юрких фоксов и, конечно, могучих, умных-умных, грустноглазых овчарок. Усевшись среди кухонных столов, Орехов, затаив дыхание, наблюдал этот парад. Орехов очень любил маму и очень хотел собаку

Каждый день он рассказывал маме истории и легенды о преданности собак, водил ее с собою во Дворец пионеров, в клуб юных собаководов, останавливал на улице полюбоваться на проходящую мимо овчарку.

И наступил день, когда Владик наконец принес домой щенка и они стояли втроем в коридоре: Владик, Влада и Владикова мама — и внимательно друг друга разглядывали. Владик тревожился: он не представлял себе, как они могут не полюбить друг друга. Влада не представляла, как можно ей не радоваться. Владикова мама думала, что Влада — лопушок и что было бы грустно обмануть ее ожидания и выставить за дверь.

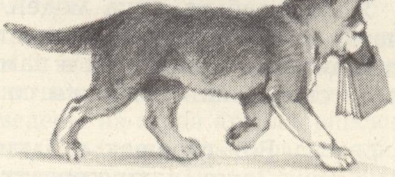
У Влады был свой режим дня: восемь раз в день она ела, восемь раз в день гуляла. После уроков Владик бегал по аптекам в поисках витаминов. Витамин Д, чтобы у Влады не было рахита, витамин B_1 — для укрепления нервной системы... По утрам, чтобы погулять с Владой, Орехов недосыпал самые сладкие полчаса, вечером на полчаса позже ложился... Но это было только начало.

...Пустой подъезд и стрелки, очень быстро ползущие по циферблату. Орехов поднимался со ступеньки на ступеньку, и Влада неумело забиралась вслед за ним. Каждая ступенька была, как Монблан. Они учились ходить по лестнице.

Команду «Ко мне!» Влада выучила быстро. Но тут

Орехов однажды ошибся сам. Влада растрепала книжку, он подозвал ее к себе и отшлепал. Потом рассказывал маме: «Это я знаю, что наказал ее за книжку, а она думает: за то, что выполнила команду «Ко мне!». Надо было самому подойти».

Они выходили погулять на двадцать минут и возвращались через два часа. У нее не все сразу получалось. Выполнив команду «лежать» или «стоять», она делала шаг вперед. Это было не по правилам. Владик даже привязывал ее к дверям. Ремешок натягивался и не давал Владе сделать лишний шаг. Как только его снимали, она все делала по-прежнему. Он старался ее не ругать. Владу так просто было обругать, наказать: она любила его и ни за что бы не стала защищаться.

Влада училась брать барьеры, штурмовала лестницы, перестала бояться высоты и спокойно ходила по бревну. Орехов готовил настоящую служебную собаку. Он часто объяснял маме, что

овчарка — универсальная собака и может нести любую службу, где угодно: и на южной границе и на западной. «Понимаешь,— говорил он,— это не какая-нибудь декоративная болонка, а служебная собака».

В 1968 году Влада получила малую золотую медаль. Вечером дома он смотрел на нее и никак не мог понять, когда она успела так вырасти. Это была взрослая, сильная собака, почти непохожая на того щенка, который засыпал посреди комнаты и его приходилось на руках относить на место. И еще он думал о том, что ничегошеньки не знал раньше о собаках. Не знал, что собаку обидеть так же просто, как и человека.

В тот день шел дождь, а может быть, и не шел, он, Владик, не помнит, не до этого было. Они пришли с Владой в Московский городской Дворец пионеров.

Два года назад он получил здесь серого, месяц от роду, щенка. Каждое воскресенье приводил сюда на занятия. Здесь на заросшей травой площадке Влада брала свои первые барьеры. Здесь Владик узнавал, как ее кормить, как воспитывать. Клуб юных собаководов передал для службы на границе и в специальную школу, где готовят собак-проводников для слепых, уже сто тридцать собак. Одной из них стала Влада. В тот день он повторял маме все, что знал о служебных собаках и о том, как они хорошо служат и на западной границе и на южной. Мама плакала, Влада ничего не понимала. Служба, к которой он так долго и старательно готовил Владу, была совсем рядом.

Это звучит очень старомодно, но когда Влада уезжала в машине вместе с солдатом, накрутившим крепко поводок на руку, Орехов думал, что у него разорвется сердце.

Теперь Влада служит в армии. Совсем солдат, только писем не пишет.

И ребята и собаки ждут, когда в клубе начнутся занятия. Они будут учиться брать барьеры на спортивной дорожке; как овчарка Гай и ее хозяин Сережа Курбатов, и выполнять самые сложные команды. Занятия на площадке интереснее, чем в комнате, но даже дог понимает, что и это необходимо. А кончился клубный день — можно отдохнуть и поболтать.

— Я навещал ее. Один раз...— говорит Владик.— Она была очень рада. Только что-то было не так. Мне показалось, она хотела меня о чем-то спросить.

В клубе собаководов идут занятия. По проходу между столами, свесив розовый язык, старательно, по команде поднимая лапы, словно маршируя, идет овчарка. Пятиклассники (идут занятия для самых младших: в клуб принимают с пятого класса) восхищенно ее разглядывают. Идет их мечта.

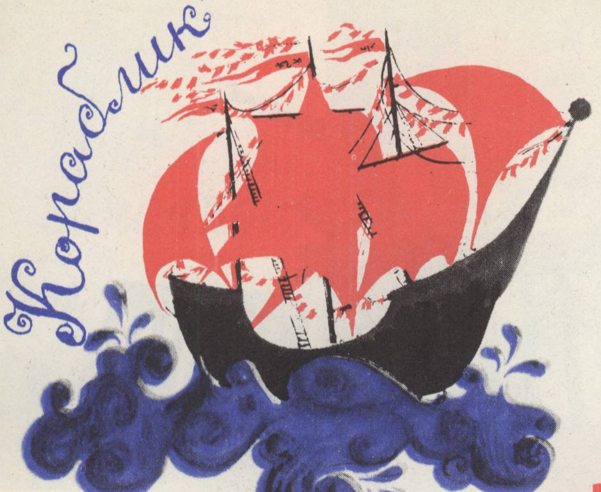
— Владик, она похожа на Владу?

Владик пожимает плечами. На Владу никто не может быть похож. Вот, может быть, только Дисла... Дислы еще нет, но он уже придумал имя. Он Владислав, а она Дисла.

ОТ РЕДАКЦИИ

У тебя, наверное, есть собака... Или ее нет, но ты давно уже мечтаешь о ней. Расскажи нам о своей собаке. Лучший рассказ мы напечатаем в журнале.

Журнал в журнале печатает только тебя «Кораблик»

Коля НЕСТЕРОВ,
Мордовия, станция Вад.

Голубь мира

В небе мирном, голубом
Голубь хлопает крылом.
Он, как солнышко, висит.
Белокрыльями блестит.

Голубь братьев и сестер,
Голубь моря и озер,
Голубь счастья и труда,
Голубь жизни навсегда!

Алла ХАЛИМОВА,
г. Ташкент.

Про октябрят

Идет по нашей улице
Весенняя краса.
Веселье в переулке,
Повсюду голоса:
«Где саженцы?»
«Лопату
Скорей сюда,
Ребята!»

Собрались в переулке
В воскресный день юннаты.
Фруктовые деревья
Сажают октябрята:
Будет к юбилею
Зеленая аллея!

Женя ГАВРИЛОВ.
Он живет в Москве,
учится в 5-м классе.

Май

Смех и радость — это май.
Свежесть, зелень — тоже май.
Все, что лучше,—
Первомай.

Первое мая — праздник весны,
Первое мая — жизнь всей страны.
Радость и счастье,
Улыбка весны.

Бохан УМБЕТОВ,
ученик 6-го класса,
г. Кунград, Каракалпакская АССР

Праздник

Дутар мой, веселей играй!
Народ встречает
Первомай!
Я вижу море красоты,
Знамена,
Лозунги,
Цветы.
И, как пожатие руки,
Сомкнулись враз
Материки.
Народы все
В одном строю
О светлом мире гимн поют.
Вот почему цветет наш край!
Сияет солнцем
Первомай!

«...«Кораблик», я люблю писать стихи. Пишу о том, что меня волнует. Сейчас Вьетнам подвергается американской агрессии Мы видим и знаем, как он сражается с высоко поднятой головой свободного человека. И он обязательно победит!»

Коля АЛЕКСАНДРОВ из Харькова.

Не надо!

Люди оглохли от этого ада,
Не надо войны, не надо, не надо!
Но им отвечает одна канонада —
Войны канонада,
И смерть бродит рядом...
Но смерти такой не надо!
И взрывов таких не надо!
Не надо, чтоб дом наш падал
На обгоревшую зелень сада!
Нам надо мира.
Нам мира надо!
Чтоб мать была рада,
И дети рады.

Эти стихи понравились всем в «Кораблике», и мы их печатаем, хотя, к сожалению, не знаем, как зовут автора. Знаем только, что это человек рассеянный... Просим назваться!

Плывем по реке

Реки, реки, реки!
В Башкирии много рек:
Есть Ай, и Сим, и Дема,
А нам по одиннадцать лет.

И мы проплываем по Аю,
По горной, бурной реке.
Нам не страшны преграды,
Которые там, вдалеке...

Утром погожим, ранним
Отправимся мы в поход.
Мы поплывем на байдарках,
А может быть, сделаем плот...

И вот они, скалы огромные,
Сосны стоят наверху.
И страшно нам плыть и весело
По бурной реке на плоту.

Лена ТЕРЕХОВА живет в городе Горьком, учится в 4-м классе. Она сочинила стихи, размер которых напомнит вам баллады о Робин Гуде. Вот как иногда прочитанное делается почти своим.

Я расскажу вам, так и быть,
Про девочку одну.
Она, нисколько не боясь,
Ныряет под волну.

Она идет, она поет,
И подпевают ей
Леса, поля, луга, моря
И в роще соловей.

Она скакала на коне —
Галоп, крутой карьер...
И, словно греческий кентавр,
Брала любой барьер.

В боях не гнулась
под стрелой,
И длинный меч ее
Сверкал. А верный лук ее
Пускал стрелу в полет...

Не раз была она в тюрьме,
Но в церкви — никогда,
Она жила в глухих лесах,
Свободна навсегда.

А песенка ее была:
«О, Англия моя!
Морозы, ветры и снега —
Любимые края!»

Вы скажете, что это — миф.
А я отвечу — нет!
Среди лесных стрелков она,
И это не секрет.

Она идет, она поет,
И подпевают ей
Леса, поля, луга, моря
И в роще соловей.

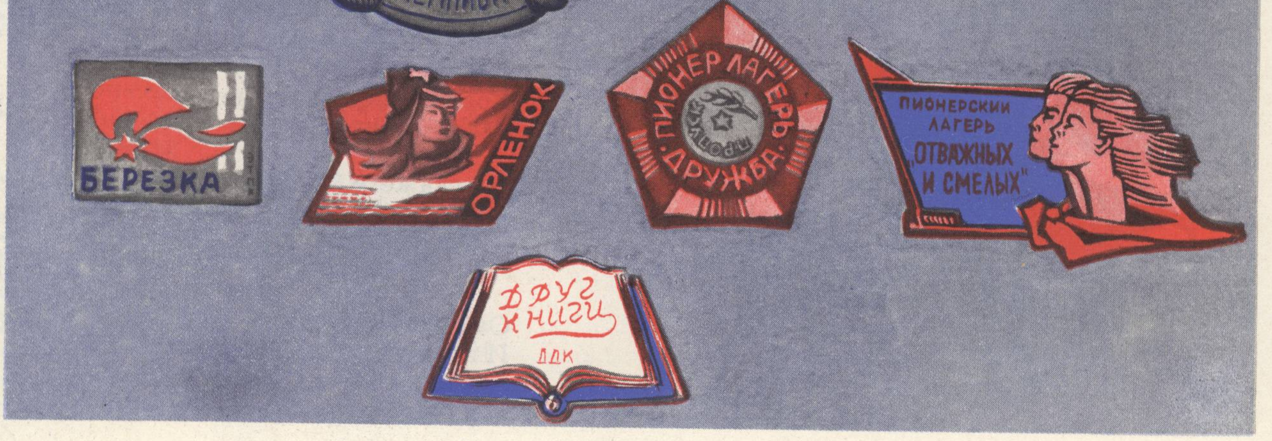

Рисунки Олеси САХАРОВОЙ.

Скоро появятся новые значки. Все ребята, которые сдадут нормы нового Всесоюзного комплекса физкультуры «Готов к труду и обороне», получат золотые и серебряные значки первой и второй ступеней. Надеемся, ты будешь иметь их не только в коллекции.

Что стоит за значком

А. ЛЕВИН

У каждого мальчика и у каждой девочки наступает в жизни такой день, когда они прощаются со своим пионерским галстуком. Я никогда не расставался с галстуком. Это вовсе не значит, что я не стал взрослым, я пионерский вожатый. Должен признаться, что ничего лучшего этой работы не знаю, и не было у меня лет счастливее вожатских. Теперь, думаю, вам будет понятно, почему в моей коллекции собрались пионерские знаки.

Счастливая находка

Однажды в гостях у знакомых попалась мне под руки прелюбопытная коробочка. В ней хранились старые пуговицы, крючки, сломанные броши, какие-то булавки, иголки, кнопки... И вдруг я увидел маленький металлический флажок. В центре — пионерский костер. Пять поленьев и три языка пламени (красная краска потемнела от времени). Над пламенем — серп и молот. По лезвию серпа идет почти стершаяся надпись: «Будь готов!»

Что это? Знак? Пионерский? Я такого ни разу не видел. Редкий?..

У каждого коллекционера — мечта: заполучить в коллекцию что-то необычное, редкостное.

Разглядываешь находку в увеличительное стекло, бежишь в библиотеку, роешься в книгах, с трепетом несешь к знатокам пионерской истории. И сколько, увы, бывает разочарований! Оказывается, что вовсе не редкий это знак или, еще хуже того, не пионерский.

Неужели и на этот раз?

Одна интересная деталь. На всех пионерских знаках писали ответ на пионерский призыв: «Всегда готов!». А здесь слова призыва: «Будь готов!».

Когда выпущен этот знак? По какому случаю?

Насколько я знаю, первым пионерским знаком был знак-зажим на галстук. Изображение пионерского костра, серпа и молота на знаке-зажиме точно такое же, как и на флажке. Но слова «Всегда готов!» (а не «Будь готов!», как на флажке) написаны не на лезвии серпа, а выше и ниже рисунка. Знак-зажим появился в 1935 году. А первый нагрудный пионерский знак был утвержден гораздо позже — в 1946 году: красная звездочка. И над ней три языка пламени пионерского костра. По звездочке на белой ленте выведено «Всегда готов!». Такой знак носил и я, когда был пионером. Позже, когда в нашей организации ввели три ступени, на пионерском знаке появились римские цифры I, II, III. А в 1964 году был выпущен новый пионерский знак с силуэтом Владимира Ильича Ленина. Вот и все пионерские знаки, о которых я знал.

Неужели флажок самый из всех «древний» или, может быть, самый первый пионерский знак?

...И вот наконец мне удалось установить: 1 мая 1923 года пионерские отряды Замоскворецкого района Москвы вышли на демонстрацию с такими знаками-флажками на груди. Их сд лали всего тысячу штук — только для пионеров Замоскворечья. Несколько значков замоскворецкие ребята подарили пионерам отряда из Хамовников.

Флажок всем, кто его видел, очень понравился, и тогда руководители пионерской организации решили сделать такие значки для всех пионеров. Это было в конце 1923 года. Они чуть-чуть отличались от первой тысячи. Те были сделаны из белого металла, а эти бронзовые, покрытые краской. Я нашел бронзовый значок, и очень прошу вас, поищите, поспрашивайте, может, вам посчастливится найти тот, замоскворецкий, самый первый пионерский знак, созданный для майской демонстрации 1923 года.

Знак, который я нашел, хранится теперь в моей коллекции на самом почетном месте: он ветеран среди всех пионерских знаков. Рядом с ним другой металлический флажок. В центре — звезда. На звезде три буквы — КИМ. Коммунистический интернационал молодежи. Это первый комсомольский знак. Мне передали его мои родители, и я, когда придет время, передам его своей дочери. Этот знак мне очень дорог.

О первых оборонных значках и пионерском флоте

В конце тридцатых годов в нашей пионерской организации появился лозунг «Каждому пионеру — три оборонных значка».

Было утверждено несколько знаков: БГТО («Будь готов к труду и обороне»), БГСО («Будь готов к санитарной обороне»), ПВХО («Противовоздушная химическая оборона»), «Юный авиамоделист», «Юный ворошиловский стрелок», «Юный моряк».

Интересно сравнивать старые знаки и новые. В таком сравнении находишь рассказ о времени. Вот, к примеру, два знака «Юный моряк». В центре старого знака на голубом

фоне изображена шлюпка под парусами, а на новом — морской корабль.

В тридцатые годы юные моряки могли только мечтать о морских кораблях и флотилиях. А теперь пионеры имеют свои пароходства. И вот, пожалуйста, об этом свидетельствует юбилейная медаль, выпущенная к десятилетию Горьковского детского речного пароходства имени Аркадия Гайдара.

О значке-самоделке из Подберезцевской школы

Накалывать знаки в альбом и время от времени хвастаться перед приятелями своими приобретениями — дело, на мой взгляд, скучное. Увлекательно докапываться до истории, стоящей за знаком.

Вот маленький деревянный квадратик. На нем тончайшей кисточкой или чертежным пером искусно нарисован портрет Аркадия Гайдара. Квадратик покрыт прозрачным лаком. С обратной стороны заколка. Этот знак — самоделка.

Недалеко от города Львова, в маленьком селе Подберезцы, в школе-восьмилетке есть клуб имени Аркадия Гайдара. Лет восемь тому назад ребята этой школы решили создать у себя музей писателя. Они побывали всюду, где бывал Аркадий Гайдар. Встретились с людьми, которые хорошо знали писателя. Записали их рассказы, разыскали вещи, документы, фотографии писателя. В 1969 году члены клуба Гайдара праздновали своеобразный юбилей: они прошли, проехали, проплыли маршрутами писателя 50 тысяч километров. Теперь рядом со школой поднялся сад, в котором ребята посадили деревца, привезенные из всех гайдаровских мест, в которых они побывали.

Маленький деревянный квадратик с портретом Аркадия Гайдара самодельный, его сделали ребята Подберезцевской школы.

О значке-награде для человека, победившего самого себя

Мне хочется рассказать вам историю медали, которую вручили одному мальчику.

Приехал мальчик в пионерский лагерь. Ему было семь лет. Он долго болел, и в это лето врачи разрешили ему подняться с постели, сказали, что со временем он научится более или менее прилично ходить.

Мальчику в лагере понравилось. Он вставал раньше всех, чтобы вовремя успеть добраться до места, где отряды делали утреннюю зарядку. Он старался выполнять все упражнения, которые делали его товарищи, и вел себя так, чтобы никому никогда не пришло в голову пожалеть его, сделать ему скидку. И вот наконец наступил момент, когда он смог побежать. Он стал играть в волейбол, в настольный теннис, в баскетбол, футбол. Конечно, он играл хуже других, но не было случая, чтобы его не приняли в игру или во время игры в запальчивости крикнули что-то обидное. Несколько лет подряд он приезжал в лагерь, и в то лето, когда новички не смогли отличить его от всех других на спортивной площадке, друзья преподнесли ему медаль. В центре мальчишка, поднявший над головой звездочку, и надпись: «Чемпион». Нет, он не стал победителем в соревнованиях, он преодолел самого себя. Эта медаль хранится сейчас у меня в коллекции.

Про знак-пропуск

Сколько у нас в Советском Союзе пионерских лагерей?

Загородных, городских, школьных — больше тридцати пяти тысяч. Двух похожих нет, у каждого пионерского лагеря свой характер. В знаках пионерских лагерей, мне всегда кажется, я вижу этот характер. Вот сравните два знака: пионерского лагеря «Орленок» и пионерского лагеря «Березка». Они совсем разные.

А вот знак пионерского лагеря «Дружный». Видите, в центре пятиугольника кружок и в нем маленькая звездочка, ветвь и слово «Пропуск». Это наградной знак, который дается лучшим пионерам дружины. Обладатели такого знака, сколько бы лет ни прошло, всегда будут самыми желанными гостями в лагере.

О значке, имеющем отношение к тебе, читатель

Уверен, что все читатели журнала «Пионер» — страстные почитатели книги. Взгляните, пожалуйста, на этот знак: на синем фоне — раскрытая книга. Такой знак получает тот, кто любит книги, участвует и побеждает в литературных викторинах, помогает школьной библиотеке, взялся быть книгоношей. Знак выпущен Ленинградским домом детской книги, но награждают им не только ленинградцев. Такой знак я видел у ребят Киева, Москвы, Костромы.

* *
*

Куда бы я ни шел, ни ехал, всегда беру коллекцию с собой, показываю знаки ребятам и рассказываю все, что о них знаю. Очень часто в этих разговорах я тоже узнаю что-то новое о знаках и о том, что за ними стоит, — об истории пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина.

Я приехал под Кречетов на Волге, прослышав, что места тут отменные, рыбные, необловленные.

Занимался веселый майский рассвет, когда я вышел из избы и побрел к реке. Куда податься, где ловить? Как глупо, что с вечера поленился заглянуть к местным рыболовам и расспросить их.

Пойду-ка вверх по реке и, где увижу рыболовов, там и обоснуюсь. Вот удача: впереди кто-то маячит, идет мне навстречу.

— Далеко шагаешь, парень?

Смуглолицый мальчуган лет восьми, в отцовском пиджаке чуть ли не до пят, с охапкой удочек на плече остановился, не спеша поставил на песчаный берег ведерко с живцами и, взглянув на меня, буркнул:

— Там не клюет.

Я сразу сообразил, что нечего спрашивать, где не клюет, куда важнее узнать, где клюет.

— На ручьях клюет. Туда иду.

— А меня с собой прихватишь?

— Идемте.

ЗОРЬКИ РЫБАЦКИЕ

МОЙ УЧИТЕЛЬ ПЕТЬКА

И мы зашагали. Ручьи оказались недалеко. У впадения ручьев в Волгу чернел частокол рогулек, оставленных рыболовами.

И впрямь клев на ручьях оказался отменным. Петька (так отрекомендовался мой новый знакомый) перещеголял меня с первых же минут лова. Орудуя двумя донными удочками, он с удивительной ловкостью и проворством выхватывал из речной пучины налимов, правда, не таких уж больших. Ловил он налимов на ершей. Когда я попросил одолжить мне хотя бы одного, придвинул ко мне ведерко, где плавали бойкие-пребойкие «колючки».

Сменив удочку, я насадил на крючок ерша.

— Так не поймаешь,— буркнул Петька.

— Это почему же?— удивился я.

Не говоря ни слова, Петька сорвал с крючка насаженного ерша, достал из ведерка другого и насадил его по-своему: не за верхнюю губу, как я, а за спинку.

— Теперь поймаешь...

Вскоре мне попался килограммовый налим...

В. БОРОНИН.

Академия Домашних Волшебников

КАК-то Калинка сказала Лёке: — Когда я тебе буду очень необходима, очень, произнеси мое имя двадцать пять раз подряд. Медленно и громко! Добавь эти три формулы,— Калинка написала на листке три строчки,— и скажи быстро, что тебе надо...

За два с половиной года, что Лёка знает Калинку, ей не пришлось ни разу посылать этот срочный вызов. Калинка всегда прилетала, когда была необходима.

Всю эту последнюю неделю Лёка то и дело поглядывала на форточку, не распахнется ли она таинственно да не раздастся ли тоненький перезвон Калинкиного колокольчика. Наконец Лёка решилась. Вышла на балкон и отправила «срочную телеграмму». Ровно через восемнадцать минут пришел ответ.

«Поздравляю тебя с пионерским праздником! Очень рада, что все твое звено придет к тебе в гости. Будь внимательной и приветливой хозяйкой. Вы совершенно правильно распределили обязанности: два мальчика и одна девочка купят продукты, два мальчика поколят орехи, а три девочки и два мальчика будут кулинарами. Хворост ты готовишь прекрасно, только от волнения не переложи сахару. Помнишь? Избыток сахара может испортить любое тесто. «Картошки» приготовьте накануне и поставьте в холодильник, завернув блюдо бумагой, чтобы не пересохли. А молочный коктейль и бутерброды надо приготовить перед приходом гостей.

ПИРОЖНОЕ «КАРТОШКА»

Батончик (500 гр.) «сдобного хлеба» или другого свежего белого хлеба, *500 граммов орехов, 300 граммов сливочного масла, 2 банки сгущенного молока* (или уваренный сироп из двух стаканов сахарного песку и двух стаканов молока), *пакетик ванилина*, немного *варенья и какао.*

Нарезать хлеб маленькими кусочками (обычный ломтик на 4—5 частей) и высушить в духовке. Смотри, чтобы не подгорели! Сухари остынут, проверни через мясорубку сухари и очищенные орехи. Смешай их вместе с порошком ванилина и тремя столовыми ложками сахарного песку.

Крем. 300 граммов сливочного масла совсем мягкого (полежавшего не в холодильнике часа три) взбить венчиком до пышности. Не прекращая сбивать, постепенно добавить 2 банки сгущенного молока. И еще взбить. Если крем станет рябоватым, чуть подогреть его или добавить немного масла. И снова подбить. В конце сбивания добавь три ложки сиропа любого варенья — малинового, клубничного, абрикосового или айвового. $^1/_3$ *крема отложи, а в оставшийся выложи сухарно-ореховую массу и внимательно перемешай ложкой.* Пусть масса постоит час, а тогда уже слегка смазанным маслом ладошками выкатай из этой массы 25 «картошин». *Отложенную часть крема чуть подогрей и облей «картошины», а потом посыпь присыпкой* (одну столовую ложку порошка какао разотри с тремя кусочками сахара) или, наоборот, «картошины» обваляй в присыпке (3 столовых ложки порошка какао разотри с восемью кусками сахара) и сверху ложкой сделай ростки из холодного крема.

БУТЕРБРОДЫ

С батончика черного хлеба срежь корки и нарежь небольшими тонкими ломтиками. Подсуши ломтики 4—5 минут в очень жаркой духовке. Остуди. Намажь маслом, а сверху густо посыпь тертым на крупной терке сыром. *Нажарь маленьких котлет.* Положи котлетку на ломтик белого хлеба (приготовленного так же, как и из черного), а сверху веточку петрушки или 2—3 листика зеленого салата (зелень промыть в проточной воде и обсушить полотенцем).

МОЛОЧНЫЙ КОКТЕЙЛЬ

(10 порций)

Один литр молока, полтора стакана сахару, три яйца, десять чайных ложек какао, десять чайных ложек фруктового сиропа (малинового, клубничного или сливового).

Один литр кипяченой воды смешай с молоком, сахаром, какао, сиропом и десятью столовыми ложками мелко колотого льда. Взбей венчиком яйца и добавь в массу. Все взбей миксером, разлей в высокие стаканы.

— Вкусно! — сказала Лёка, и стала записывать все продукты, которые надо купить.

Когда ребята прочитали в «ПИОНЕРЕ» сказку «Алиса в стране чудес» и узнали, что Алиса играла в крокет, они стали присылать письма с просьбой рассказать

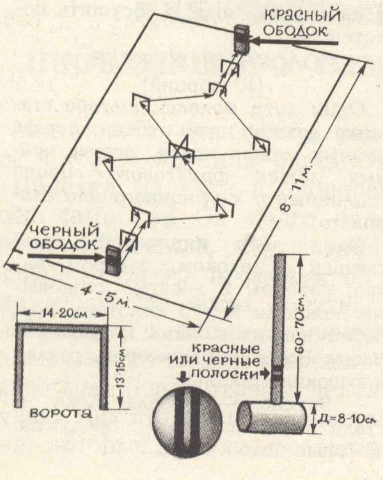
Как играть в крокет

Обычно в крокет играют две команды — в каждой по четыре человека. Для игры нужны восемь деревянных шаров и молотков. Из проволоки сделайте десять дужек-ворот. Ворота расставляются, как показано на рисунке. По краям площадки забиваются колышки. У команды «красных» на колышках и шарах красные полоски, у «черных» — черные.

Команды начинают игру от своего колышка. Игроки по очереди ударяют молотком по своим шарам, стараясь прогнать свой шар через ворота. Если игрок удачно послал свой шар через ворота, он имеет право еще раз ударить по шару. Если шар прошел под двумя воротами — можно ударить по шару еще два раза. А если после удара он прошел под тремя воротами, игрок может «крокировать», ударить своим шаром шар противника. Если это ему удалось — он получает еще два дополнительных хода. Эти два хода можно использовать по-разному: первым ударом сбить своим шаром шар соперника с выгодной позиции, а со второго — постараться пройти еще одни ворота.

Самое трудное место — «мышеловка» (видите в центре площадки две скрещенные дужки?). За удачный проход через «мышеловку» игрок получает право на два хода-удара.

Наконец игроку удалось провести свой шар через все ворота до колышка другой команды и возвратиться тем же путем назад. Он выиграл. Но он может продолжить игру. Его шар теперь становится «разбойником», расстраивает комбинации соперников, чтобы помочь своим.

К твоему празднику

Н. ЕЛИСТРАТОВА

В эти солнечные теплые дни на улицах Москвы начинают распускаться липы. Люди идут неторопливо и радуются солнцу.

Давай пойдем вместе с ними по широкой и светлой улице Горького, а вот здесь, около Дома детской книги, остановимся и откроем большую стеклянную дверь.

Мы попали с тобой в книжное царство. В этом царстве сегодня праздник — большая выставка книг, которые выпустило **издательство «Детская литература»** к пионерскому юбилею.

Посмотри, сколько здесь наших старых и верных друзей! И Тимур с красной звездой на груди, и Володя Дубинин, и отважный Мальчиш-Кибальчиш, и герои книг Н. Носова, В. Драгунского, В. Голявкина.

А с этими ребятами ты еще не знаком. Они жили в разные годы, но, как и ты, были пионерами. Стоит только взять со стенда книги **«О вас, ребята»** А. Власова и А. Млодик, **«Бей, барабан!»** В. Дмитриевского, **«Пионерские были»** Л. Подвойского, сборник **«Орлята»** или книгу В. Румянцевой **«Штаб на Двине»**, и ты познакомишься с пионерами двадцатых годов и пионерами предвоенных лет, попадешь в осажденный фашистами, но не сдающийся Ленинград и побываешь в гостях у ребят на Севере.

Порой тебя мучают сомнения: как поступить? Как победить в себе страх, трусость? Мужественный ты человек? Смелый? Честный? Сборник **«Трудная минута»** станет твоим другом. Это рассказы ленинградских писателей об октябрятах и пионерах, о том, как горько переживает и в конце концов побеждает трусость Миша, как не растерялся в трудную минуту маленький Валерка, как спасает ребят в опасный момент Юра.

К юбилею издательство выпускает «Библиотеку пионера»; в нее входят избранные повести и рассказы писателей наших республик.

В нашей стране, ты знаешь, есть много издательств, и все они готовились к твоему празднику. Писатели, журналисты, художники, редакторы, печатники выпустили тебе в подарок хорошие, нужные книги. И эти книги станут твоими помощниками и друзьями.

В издательстве «Молодая гвардия» выходят:

сборники **«Эстафета поколений»**, **«Подвигу жить!»**, серия книжек, посвященных маршу **«Всегда готов!»**,

В этом году меня впервые за семь лет школьной жизни выбрали вожатой. Мои октябрята — самые замечательные на свете! Они очень веселые и любят, когда я им рассказываю смешные истории. Каждый раз приходится придумывать что-то новое. У меня уже фантазии не хватает. И вот я хочу предложить, если кто знает веселые истории про ребят, напишите.

РАЗЖИВИНА ГАЛЯ,
г. Мирный, Челябинской области.

А вот рассказ, который написала НАТАША МАКАРОВА из Ленинграда.

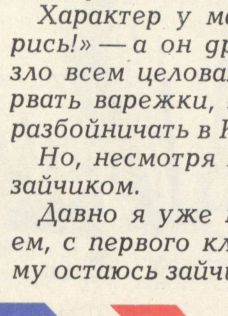
Коленьку звали зайчиком

Когда я была маленькой, я была мальчиком. У мальчика были волосы до плеч, серьезный взгляд и зеленые брюки на лямочках. Звали его Коленька. Коленька презирал кошек за то, что они не понимали, как девочка может быть мальчиком. Кукол Коленька ломал, потом жалел и ревел. А больше всех игрушек он любил живого щенка.

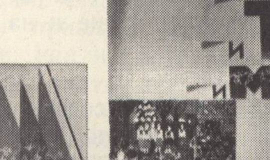
Характер у мальчика был удивительный. Ему говорили: «Не дерись!» — а он дрался с братом Верочкой так, что клочья летели. Назло всем целовал щенка и дергал кота за хвост. Любил терять ленты, рвать варежки, портить всем настроение, а маме — прическу. Мечтал разбойничать в Карибском море.

Но, несмотря на все творимые злодеяния, родители Коленьку звали зайчиком.

Давно я уже не ломаю кукол, зову брата, как и положено, Андреем, с первого класса стала девочкой, а вот для родителей по-прежнему остаюсь зайчиком...

«Книгу будущих командиров» А. Митяева,

сборники **«Пионерский театр»** и **«Песня, стройся и звучи»**.

А книгу **«И я, и ты, и мы»** написали сами ребята и рисунки сами нарисовали. В письмах, стихах, заметках и рисунках ребята рассказывают о своих друзьях, рассказывают о себе, о том, как они живут. Тебе ведь интересно будет познакомиться с этими ребятами из разных городов и сел.

У тебя, конечно, как у всякого человека, возникает множество вопросов. Ты начал коллекционировать марки. Как это делать? Какие значки у твоих друзей — пионеров социалистических стран? Почему пионеры-тельмановцы носят синий галстук? Какие памятники пионерам есть в нашей стране? Тебя выбрали вожатым звена. С чего начинать работу?

На все эти и еще множество других вопросов тебе ответит **«Товарищ»**. Ты, может быть, уже знаком с этой книгой, которую каждый год выпускает издательство «Молодая гвардия».

Издательство «Советская Россия» выпустило к празднику:

книгу генерала П. И. Батова **«Дорогами славы отцов»**,

повесть **«Абанер»** И. Попова,

повесть Л. Бехтерева **«Когда мужает юность»**,

повесть Л. Агакова **«Солдатские дети»**,

веселую повесть О. Ремеза **«Четверка в четверти»**.

Вот сколько новых и разных интересных книг выпущено к твоему празднику!

ХУДОЖНИК
Юрий Алексеевич Васнецов

Удивительная, счастливая судьба! Всякому он нужен, каждому необходим, в любом доме рады ему. Какие же чудеса скрываются в его книжках-картинках, если с одинаковым чувством тихой радости разглядывают их и взрослые и дети!..

Я сам люблю погрузиться в их пеструю, сказочную жизнь, словно с головой уйти, спрятаться в звенящую, дурманящую июльскую траву. С ярких картинок приветливо глядят на меня симпатичные коты и мыши, волки и медведи, зайцы и бараны, кони и совы... Здесь можно увидеть диковинные деревья: и сказочную красавицу ель, и березу — царицу всех берез, и короля дубов, и рябину — всем рябинам мать. И синее море неописуемой синей красоты!

За долгие годы каждодневной творческой работы Юрий Алексеевич не просто сделал столько-то книжек и сто раз по столько-то иллюстраций. Нет! Главное в другом: он создал своей фантазией целостный сказочный мир с его законами, нравами, обычаями. Над этим миром всегда светит доброе солнце и не менее добрая луна, в нем все трудятся, поют и пляшут, а если и сердятся друг на дружку, то самую малость, чуть-чуть, даже и на ссору не похоже...

Завидный мир!

Когда я вижу Юрия Алексеевича, приглядываюсь к его мягкой походке, уютным движениям, прислушиваюсь к колыбельным интонациям его голоса, я начинаю понимать происхождение его сказочного зверушьего народца. В каждом персонаже — частица души художника, каждому он передал, подарил что-то свое, васнецовское. Этому — взгляд, тому — походку, третьему — повадку, а четвертому — даже не знаю что... Неуловимо порой это родство. Им дышишь, как воздухом, а увидеть не можешь.

Когда работает художник? Когда в руке его кисть?

Нет. Он работает всегда, каждую минуту.

На рыбалке, в лесу — собирая грибы, дома — сидя у окна, на улице — во время прогулки, в лодке — на веслах, даже за столом — обедая... Всюду.

Вот он только что был с вами, общался, шутил, раскатывался негромким смешком — и тотчас отключился, уединился, погрузился в созерцание одному ему ведомых картин. «Мысли идут,— говорит Юрий Алексеевич,— они проходят, а я искусство ищу...»

Он прост и естествен, как природа. Потому, наверно, я и воспринимаю его как неотъемлемую часть природы. Ель шумит, птица летит, сосна скрипит, рыба плещет, Юрий Алексеевич идет...

Вот он идет с корзинкой и палочкой из лесу. Люди бог знает куда ездят за грибами — на восемнадцатый, на двадцатый километр, а то и на Выборгское шоссе — на самый аж сотый! Я и сам так. Кажется, дальше — больше. А он побродил где-то рядышком и, глядишь, несет полный кузовок розовых волнушек и лиловатых груздей. А еще несет листья, веточки, цветы. Разложит их дома на столе и начнет срисовывать — тщательно, детально, точно, как добросовестный ученик. Я поглядел раз и удивился: никакого чуда... А когда же, думаю, чудо-то начнется?.

И вот через несколько дней я подымаюсь в мансарду к Юрию Алексеевичу, что на самом берегу озера, с окнами на все четыре стороны света — и вот оно, чудо! Даже глаза захотелось зажмурить, а потом открыть и проверить, не сон ли. Передо мной на листе бумаги причудливый, изощренный, фантастический узор, в котором с трудом угадываются давешние скромные листики и веточки.

А что еще несет он из лесу, какие мысли, образы пришли к нему на безымянной опушке, в овраге, на змеиной брусничной поляне, у края ядовито-зеленой болотины — это тайна. Пока тайна.

Чем больше я узнаю Юрия Алексеевича, тем серьезней задумываюсь над тем, что же такое детство. Общеизвестный факт: в четырнадцать-пятнадцать лет Пушкин и Лермонтов писали такие стихи, в которых мы справедливо видим признаки зрелой души. А теперь подумайте: как же интенсивно, как наполненно надо прожить эти первые четырнадцать-пятнадцать лет, чтобы к исходу их столь удивительно созреть! Дело ведь не только в природном гении.

Как часто люди торопятся скорей вырасти, стать взрослыми и ни во что не ставят свое детское состояние. Это для них нечто переходное, нестоящее — мол, вырасту, тогда все и начнется...

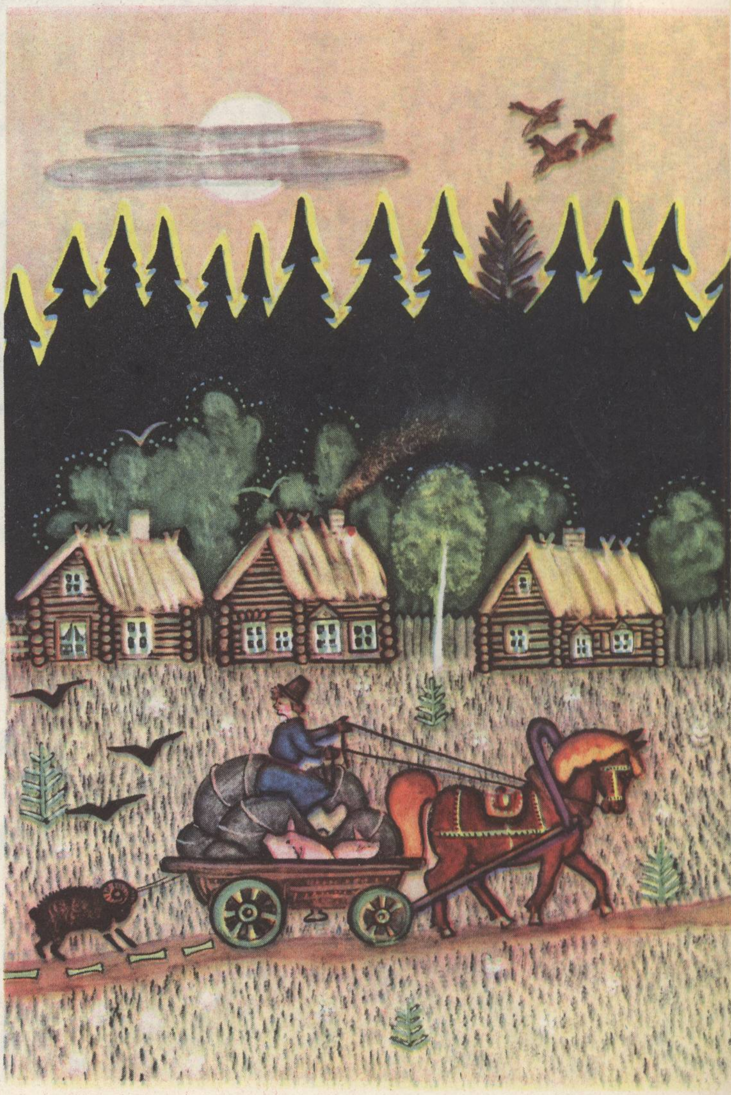
Как это неверно! Детство не переход, не «между прочим», не мостик, за которым лежит страна всемогущих взрослых. Нет, детство — это настоящая жизнь, полная глубочайших переживаний, открытий, насыщенная событиями и поступками, во всяком случае, не меньше, чем жизнь взрослых.

Если представить себе нынешнее искусство Юрия Алексеевича Васнецова как полноводную реку и отправиться вверх по ее течению в поисках истока, в конце концов придешь в страну детства, о котором сам Юрий Алексеевич сказал однажды: «Все еще живу я всем тем, что запомнил и видел в детстве... Это все мои впечатления детские...» (А речь шла о книге «Радуга-дуга», законченной на с е м и д е с я т о м году жизни!).

Юрий Алексеевич Васнецов не пишет воспоминаний. Он такой человек: сам больше молчит, а кисть в его руке поет себе и поет. Но иногда дома, за круглым столом, под уютным абажуром, он вспоминает свои детские годы и рассказывает о них близким людям. И если сейчас мы можем прочесть трогательный, непосредственный, сбивчиво-взволнованный и необычайно острый по художественному видению рассказ Юрия Алексеевича о далеком его вятском детстве, то благодарить за это мы должны жену, друга и помощницу Юрия Алексеевича — Галину Михайловну Васнецову, которая тщательно и точно записала за ним эти воспоминания, сохранив даже интонацию.

А. КРЕСТИНСКИЙ

На базар.

Ю. ВАСНЕЦОВ

Моя Вятка

Сказки я с детства очень любил — читала мне мама... Из Сытинских [1] книжек — ой, книжки эти мне нравились, обложка лаковая! — вырезал я картинки для панорамы. Я их, эти картинки, промазывал стеарином, чтоб они промаслились, стал цвет ярче, и — в ящик, оклеенный обоями. Сам ящик сделал, внутри свечу зажигал, устраивал панораму.

Был я очень впечатлительный мальчишка — помню, как уютно в Вятке было... Вспоминаю предметы — как пыль лежит, мои вещи, лыжи, всякую мелочь. Вспоминаю нашу голубую комнату, на елке игрушки все блестят... Тут кровати. Лиза, Саня, Маня. А как из кухни выйдешь — лежанка. Я на лежанке спал. Тут стоял комод, мешок холщовый на нем, медные деньги — папа на завтрак давал нам по три копейки в гимназию.

[1] И. Д. Сытин — крупный русский издатель.

Как сейчас, вижу большой тополь в селе Кстинино у папиного брата, слышу, как он шумит. Листья шелестят, и сколько грачей, сколько грачей! Вот откуда я грачей-то взял.

Травку, лопухи вспоминаю... А липы какие у самого нашего дома вдоль забора цвели!..

Очень красивые места в Вятке!.. Большой сад Раевского, ивы цветут, такой запах, пчелы летают... Забор деревянный, сарай коричневый, темный такой, собачонка Альма... Солнце, жара...

Вот вам искусство. А все бегают, ищут... Господи, когда я пишу иллюстрацию книги — где я только не побываю!..

Ивы спускаются, цветут, пчелы жужжат, жара...

Был я живой мальчишка. Я кипел в жизни, без дела не жил. Переплетал, увлекался фото, из стекол и замазки аквариум себе сделал. Рыбки были у меня там никакие не покупные, а из реки, из пруда — мальки, вьюны...

А змей какой делали — со шкаф! — лошадь возил деревянную, а на ней мальчишка. Змей согнешь, приделаешь такую фурчалку бумажную, она крутится на ветру и шараборит, шумит! Раз засадили на крест змей-то, вот горе-то было, попало всем!

Помню весну в Вятке. Ручьи текут, такие бурные, как водопады, от Всесвятской церкви, а мы, ребята, кораблики пускаем...

Весной открывалась веселая ярмарка — Свистунья. Везде еще грязь, а на ярмарке нарядно, весело. Каруселей несколько, все в бисере, в блестках, кони, колыбельки, гусь, колясочки... Карусель люди вертят, но их не видно, они за холстом, а где-то наверху гармонь играет.

И чего только нет! Посуда глиняная, горшки, кринки, кувшины. Скатерти домотканые — пестряди — со всякими узорами. Яркие, с золотом, глиняные свинки, и барыньки, и петушки, и барашки. Лакированные черные кони с гривой из золотистой соломы...

Моя Вятка. Улица Кикиморская.

Дом родительский.

А какие красивые игрушечные телеги продавали — как настоящие, обиты железом, со спицами, с оглоблями, тягой... Дудки всякие расписные — деревянные, берестяные, жестяные. Соловей-свистушка... В рот берешь, свистишь, чокаешь, как умеешь. Запахи разные — где лаком, где маслом пахнет... Шарманки играют, свистят, поют. Шумит все это — дудочки, флейты... Бабы сидят, продают в ведрах, кадочках пареные груши, яблоки моченые...

Летом к дедушке и бабушке всей семьей, как цыгане. Все на лошадях. Лошади, бывало, гуськом... Дедушка выдумщик был, пруд сам сделал, а в нем рыба была, он разводил, а я вот поймал как-то — мне и попало!

Зайцы у него в лужке бегали. Мастер был большой, дедушка-то, и слесарил и столярил. А я смотрел и учился у него всему. Я у многих учился так. Смотришь, бывало, в окно, как сапожник работает, или сзади стоишь. Так и сапожничать научился, самоуком. Прибил первые подметки — так еле оторвали!..

Под осень Семеновская ярмарка бывала в Вятке. Лошадиная ярмарка. Торговали лошадьми и цыгане и крестьяне. В хвост лошади мочало заплетут и в гриву — тоже мочало. Катались, объезжали лошадей. Я смотрел, любовался, интересовался. А потом все больше рисовать, писать хотелось. Комнату свою расписал — на всех стенах пейзажи, утро, вечер, деревья ветвистые, на полатях голубые облака. В баньке нашей ставни расписал. Знакомым печи расписывал — оленя большого, пейзажи с утками, сороками... Очень я сорок любил!

Красиво в Вятке зимой! Город на трех горах стоит. Домики снежными шапками покрыты, из труб дымок вьется. Люди в расписных валенках, в овчинных шубах, подпоясанных яркими шерстяными поясами.

Снег возили на лошадях далеко на реку, корзины громадные плетеные. А мы, ребята, едем обратно в пустой корзине, только головы торчат!.. Возят да возят снег, а между домами ходы и выходы прокапывают...

Лошадки вятские славились, очень я их любил. Мохнатенькая, черненькая на снегу зимой, какая-то добрая, милая такая лошадка. Конька-горбунка делал — все ее вспоминал.

На масленице гулянье — тройки, одна за другой, квартала два! А сани-то—ковры напоказ, красавцы с усами, попоны с цветами, метелочки на головах у лошадей!.. Кучерские шапки вроде цилиндров, кожаные. Рубашки самотканые со стеклянными пуговицами — голубенькими, зелененькими, желтенькими...

А птичек как ловил! Снегирей, синичек, чечеток... Ветки заиндевевшие, все кругом заснежено, на дерево залезешь, притаишься — красавцы такие прилетят, снегири! Незабываемая красота...

Делали мы, мальчишки, западни и на деревьях и на земле...

А катки какие! Фонари я сочинял из красной да зеленой бумаги в виде звезды, внутри свеча стеариновая в жестяном подсвечнике горит, звезда блестит — красиво...

С каких гор-то катаемся! Лыжи березовые — на носу веревки с петлей, прави́ла, наденешь...

Все так помню — какую-то палку или камешек, цветочек, кустик... Видимо, не просто так смотрел — проникал все.

Но жалею, не все осталось в памяти, не на все смотрел внимательно, надо было больше смотреть. Надо было смотреть больше. Жалко, очень жалко. Неповторимо, красиво многое было...

Еще бы Вятку не вспоминать!

Двенадцать ответов старейшего сказочника на двенадцать вопросов нашего корреспондента

1. Ваши любимые занятия?

— Люблю писать масляными красками натюрморты, пейзажи. Иллюстрировать сказки. А летом ловить рыбу на реке, обязательно на удочку!

2. Любимые Вами сказочные персонажи?

— Медведь, лиса, заяц. В лесу зайца увидишь — красота!.. Но и многих других люблю — петухов, мышей... Боюсь мышей, а рисовать люблю!.. Снегири по цвету красивы очень. Тараканы, и те интересны. Все усами водят! Ежи хороши. Ежей люблю. Страшно интересно!

3. Важнейшие события в Вашей жизни?

— Конечно, приезд в Петроград в 1921 году и поступление в Академию художеств. Первые встречи с художниками, преподавателями — К. С. Петровым-Водкиным, А. А. Рыловым и другими. Начало работы в Детгизе над детской книгой под руководством В. В. Лебедева в 1926 году, творческие встречи с С. Я. Маршаком, К. И. Чуковским, Н. А. Тырсой, Н. М. Олейниковым, Н. Ф. Лапшиным, Е. И. Чарушиным, В. И. Курдовым, Н. А. Заболоцким и другими писателями и художниками.

И присуждение мне в 1971 году Государственной премии СССР за мои книги «Ладушки» и «Радуга-дуга».

4. Ваши любимые краски?

— Люблю черную краску, она помогает контрастности. Охра, как золото. Английская красная мне нравится материальностью цвета...

5. Качества, необходимые другу?

— Чтобы добрый человек был, честный, открытый.

6. Качества, самые неприятные Вам в людях?

— Ложь, хитрость, грубость.

7. Самые любимые месяцы в году?

— Уж обязательно апрель — начало весны, пробуждение природы. Декабрь — зима, иней, заснежено все, очень люблю. Новогодняя елка — с детства страсть!.. Сентябрь — воздух прозрачнее, природа звучнее, чем летом. Пейзажи интереснее по цвету. Синее небо.

8. Ваши советы юным художникам?

— Рисуй, пиши, что любишь. Работай в цвете. Больше смотри вокруг.

9. Ваши любимые цветы?

— Незабудки очень нравятся своей голубизной и желтенькими пятнышками в серединке. Ландыш... Когда я его нюхаю с закрытыми глазами, мне кажется, что я король... Сирень люблю за ее запах и цвет. Сиреневый цвет мой любимый. В гимназии, когда танцами дирижировал, большой бант на левое плечо прикреплял — обязательно сиреневый.

10. Любимые кушанья?

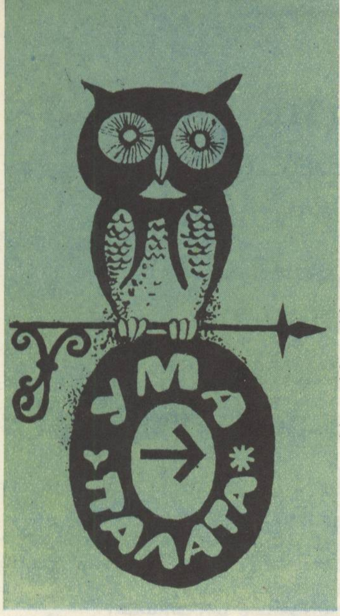
— Пельмени вятские. Кашу всякую очень люблю, но мне ее дома не дают — говорят, вредно в нашем возрасте... Пироги с капустой, грибами солеными. У нас в Вятке и с картофелем делали пироги и с горохом, из черной муки да с льняным маслом.

11. Что Вам удивительнее всего в природе?

— Страшное чудо природы — гроза. Очень ее боюсь. Солнце удивительное. Какое оно всегда разное! Зима с ее белизной, инеем, метелями...

12. Самый дорогой подарок, полученный Вами?

— Жизнь. Подаренная мне жизнь.

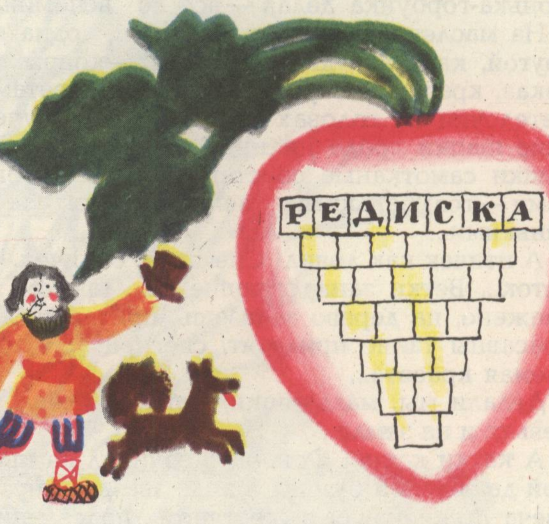
НА ШТУРМ РЕДИСКИ

ИГРЫ ДЕДА БУКВОЕДА

Помните, сколько хлопот доставила в свое время деду репка? После этого дед решил вместо репы посадить редиску. Редиска выросла большая-пребольшая, и снова дед не смог ее «вытащить». Помогите ему!

Для этого заполните горизонтальные клетки словами, которые входят в слово «р-е-д-и-с-к-а».

Помните только, что в каждое слово должны входить все буквы предыдущего ряда, исключая какую-нибудь одну букву.

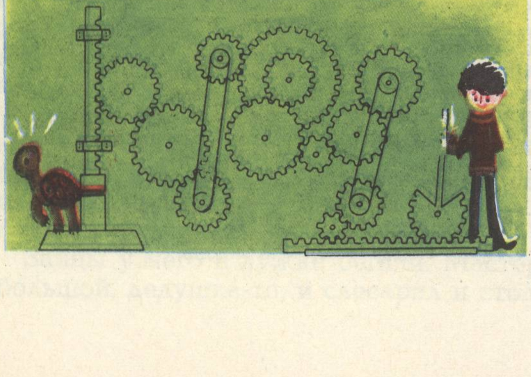
Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

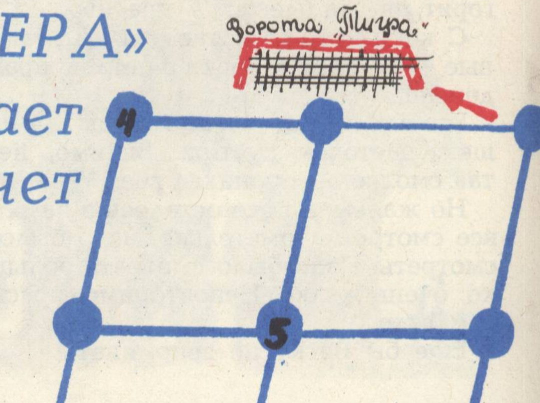
*

ТЯНУТЬ или ТОЛКАТЬ?

О, несчастная Тортилла,
Хвост ей прессом
прищемило!
Как же надо поступить,
Чтобы хвост освободить?

«ПАНТЕРА» открывает счет

Состоялась первая в этом сезоне товарищеская встреча между командами «Тигр» и «Пантера». Пантеровцы играли в неполном составе (без десятого и одиннадцатого игроков).

На двадцать второй минуте они открыли счет. Скажите, какой номер у игрока, который забил гол, если известно, что сумма трех номеров на каждой прямой равна пятнадцати?

Выручайте Живживку

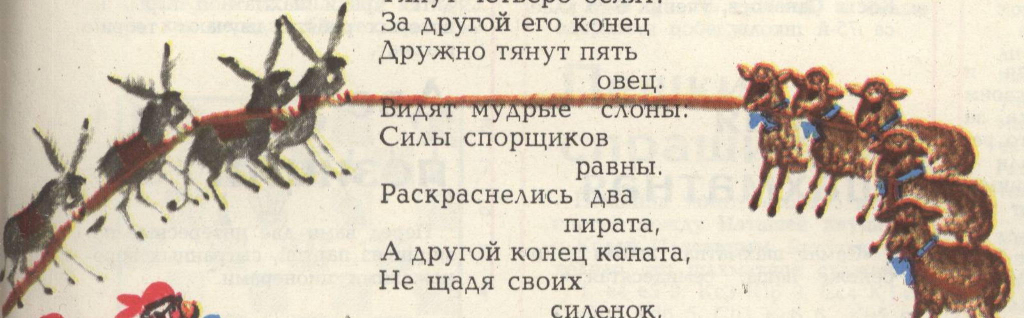

В поисках интересных игр для «Палаты ума» Живживка забрел в заколдованный лес, во владения злой феи. Взмахнув волшебной палочкой, она превратила бедного Живживку в олененка и очертила вокруг него вот такую магическую фигуру. Теперь бедный, заколдованный Живживка-олененок будет неподвижно стоять с поднятой лапой. Скорее выручайте Живживку! Не отрывая карандаша от бумаги, обведите

все линии магической фигуры, ни разу не проделав один и тот же путь дважды. И тогда злые чары разрушатся и наш Живживка снова получит свободу.

Чья возьмет?

За один конец канат
Тянут четверо ослят.
За другой его конец
Дружно тянут пять
овец.
Видят мудрые слоны:
Силы спорщиков
равны.

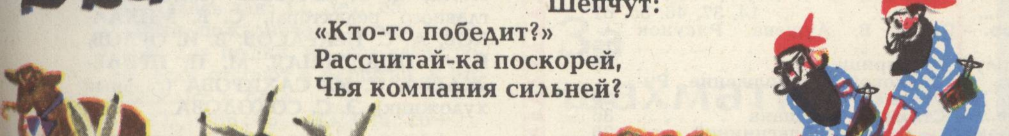
Раскраснелись два
пирата,
А другой конец каната,
Не щадя своих
силенок,
Тянут овцы и осленок.
Видят мудрые слоны:
Силы спорщиков
равны.

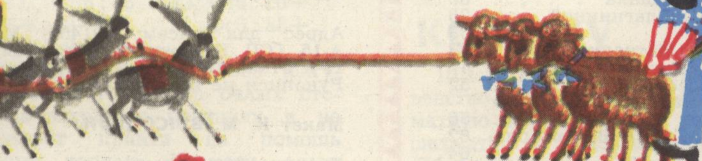

Чья возьмет? Дрожа от
гнева,
Тянут справа, тянут слева!
У слонов лукавый вид.
Шепчут:

«Кто-то победит?»
Рассчитай-ка поскорей,
Чья компания сильней?

Ответы
на задачи из № 4

ШКОЛА ПТИЦ И ЗВЕРЕЙ

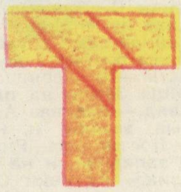
Задачу «Зоб пеликана» все ребята решили правильно. Вторая и третья задачи на внимание.

А вот как нужно решать задачу **«Со скоростью льва»:** посмотрите, каким числом на карте обозначены параллели, которые делят пополам остров Мадагаскар и Гудзонов залив. Найдите сумму этих чисел, и вы сразу узнаете, с какой скоростью лев гонится за антилопой, а потом и длину анаконды.

Вторая задача совсем легко решается: зная длину анаконды, совсем просто узнать возраст кенгуренка.

ИЗ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ БУДУЩЕГО

Первую букву марсианского слова нужно сложить вот так:

УПРЯМЫЕ КВАДРАТЫ

Вот ответы на эту задачу:

1. Бегемот, гречиха, помидор.
2. Алфавит, правило, завивка.
3. Зеркало, лакомка, грамота.

Двадцать почетных грамот

Двадцать «Грамот ферзя и ладьи» Пешкин вручил своим друзьям из города Воронежа за спортивные успехи, за то, что ребята-шахматисты организовали у себя в школах кружки, занимаются в них сами и обучают новичков.

Среди ребят, получивших грамоты, брат и сестра **Коля и Марина Пляскины.** Коля учится в пятом, а Марина в четвертом классе 28-й школы; **Ваня Долговский,** ученик 5-го класса 4-й школы, **Сережа Агеев,** ученик 8-го класса 10-й школы; **Витя Адарченко,** ученик 6-го класса 44-й школы; **Костя Санакоев,** ученик 6-го класса 75-й школы.

Самая шахматная

«Самая шахматная школа в Воронеже наша, семидесятая...» — сказал Пешкину четвероклассник **Миша Беляков.**

Семиклассник **Володя Плотников,** капитан команды «Белая ладья», добавил, что в 70-й школе много любителей шахмат, даже во втором и третьем классах проводятся уроки шахматной игры, на которых ребята изучают теорию шахмат.

Две позиции

Перед вами две интересные позиции из партий, сыгранных воронежскими пионерами.

СОДЕРЖАНИЕ

Главный редактор С. А. ФУРИН.

Редакционная коллегия:

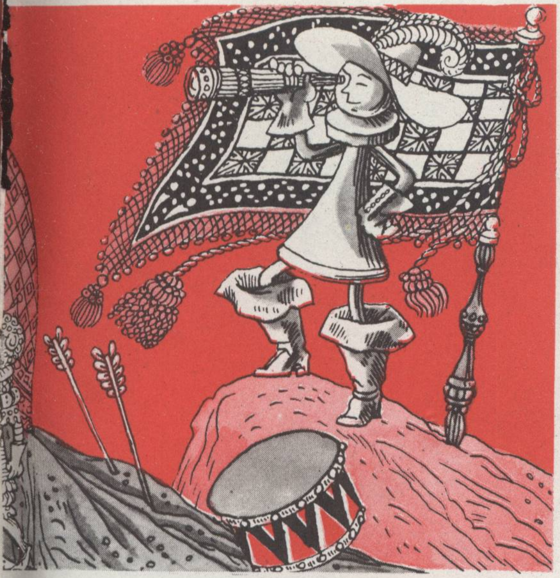
О. И. ГРЕКОВА, В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, Н. В. ИЛЬИНА, Е. Л. КОВАЛЕНКО (ответственный секретарь), **Ф. В. ЛЕМКУЛЬ, В. Ф. МАТВЕЕВ** (заместитель главного редактора), **С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, В. И. ОРЛОВ, В. А. ПОДДУБНАЯ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, С. Ю. САХАРОВА** (главный художник), **Э. С. СОКОЛОВА.**

Адрес для писем: 101459. Москва. А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73. Рукописи не возвращаются.

Макет **К. М. ВЫСОЦКОЙ.**

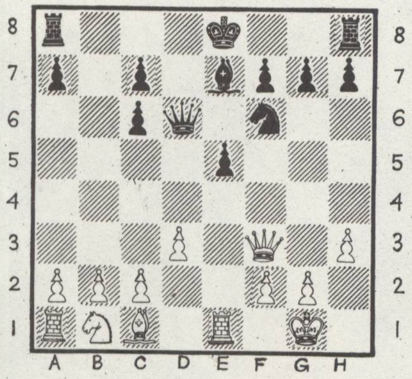
Технический редактор **В. В. ВАНТРУСОВ.**

Сдано в набор 25/II 1972 г. А 00897. Подписано к печати 4/IV 1972 г. Формат бумаги 84 × 60 1/8. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 904. Заказ № 2625.
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

К этому положению пришел поединок между **Витей Адарченко** и **Сережей Долговым.** Сейчас ход белых.

К преимуществу Витя мог прийти разными путями. Хорошо было и 12. Кс3 и 12. Фf5 или 12. Фg3. Но, как нередко бывает, на перепутье многих дорог он потерял верное направление. Партия продолжалась так: 12. Ле1 : е5.

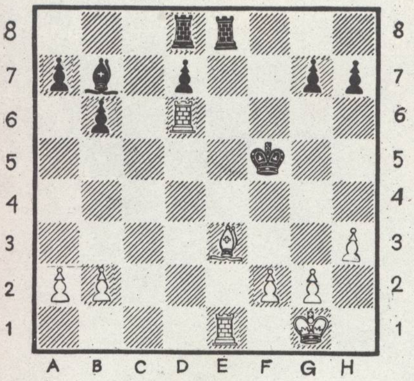
Витя пожадничал. Белые забирают две пешки, но они катастрофически отстают в развитии, и это приводит к беде.

12... Фd6 : е5 13. Фf3 : с6+ +Кре8—d8 14. Фс6 : а8+ +Кре8—d7.

Красочная позиция! Все фигуры ферзевого фланга белых стоят на исходных позициях и не успевают прийти на помощь своему королю. К мату ведет 15. Ф : h8 Фе1 + 16. Крh2 : Cd6 + 17. g3 Ф : f2+ 18. Крh1 С : g3. Но и другие продолжения уже не спасают белых.

15. Фа8 : а7 Фе5 — е1 + 16. Крg1 — h2 Се7 — d6+ 17. g2 — g3 Фе1 : с1 18. Фа7 — а4 + Крd7 — е7 19. Фа4 — b3 h7 — h5 20. h3 — h4 Фс1 — f1 21. f2 — f4 Кf6 — g4 мат.

И в следующей позиции решает атака на короля, но только тут роли меняются. Преследуемым оказался черный король.

Белыми играл **Гриша Шутов,** черными — **Костя Санакоев.**

23. g2 — g4 + Крf5 — е5 24. Ле1 — d1! Cb7 — с6 25. Лd1 — d4.

Черный король окружен, ему грозит смертельный удар пешкой f2.

25... Ле8 — е6 26. Се3 — f4 + + Кре5 — f6 27. Cf4 — g5 + + Крf6 : g5 28. Лd6 : е6, и белые одержали победу.

Пешкин спрашивает

Пешкина заинтересовало начало партии между **Наташей Якушевой** и **Колей Пляскиным.** Вот как проходило это шахматное сражение:

1. е4 е5 2. Кс3 Кf6 3. Сс4 К : е4 4. Фh5 Кd6 5. Cb3 Кс6 6. Кb5 g6 7. Фf3 f6 8. Фd5 Фе7 9. К : с7+ Крd8 10. К : а8 b6 11. К : b6 ab.

Пешкин просит вас, ребята, ответить:

Как называется дебют, встретившийся в этой партии?

Могли ли черные играть активнее после 6. Кb5?

Каковы шансы сторон после 11... ab?

За шахматную корону

10 мая начинается матч на первенство мира. Сражаться за шахматную корону будут советские шахматистки Нона Гаприндашвили (Тбилиси) и Алла Кушнир (Москва).

...Шли соревнования на первенство Грузии.

Девочка с большими бантами в косичках, сидевшая за шахматным столиком, встала, и ее взрослый партнер, ставший хорошим шахматистом задолго до того, как родилась эта девочка, пожал ей руку. Он делал вид, что не слышит иронических замечаний зрителей по поводу его проигрыша.

В ту пору Ноне Гаприндашвили было одиннадцать лет. Она выступала в сборной команде шахматистов города Зугдиди.

Первым ее шахматным учителем был отец. Первыми соревнованиями — семейные турниры, в которых упорно сражались Нона и пять ее братьев.

Серьезно заниматься шахматами девочка начала в Тбилисском Дворце пионеров. Здесь она в семнадцать лет стала мастером.

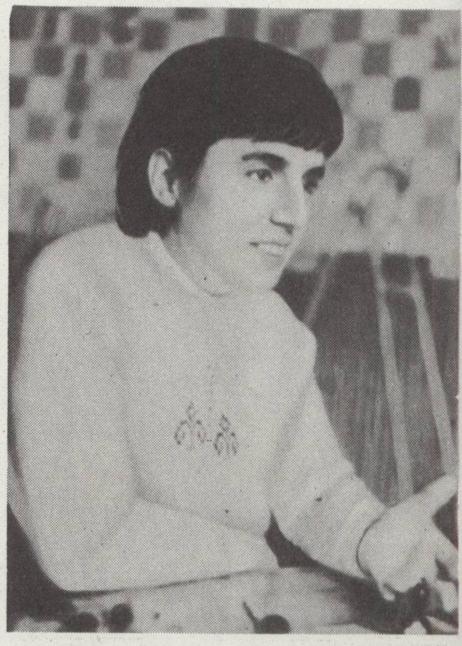
Этот успех совпал по времени с другим. Нона закончила с золотой медалью школу и стала студенткой Тбилисского педагогического института.

Нона Терентьевна Гаприндашвили участвовала во многих турнирах и матчах, и всегда она играет интересно, смело, не страшась именитых противников. Еще в начале ее шахматного пути тренер Тбилисского Дворца пионеров Вахтанг Карселадзе так говорил о Ноне: «Когда эта девочка ведет шахматную партию, она делает это так увлеченно, что для нее в этот момент нет ничего более важного. Это залог больших успехов».

С 1962 года Нона Гаприндашвили владеет почетным титулом чемпионки мира. Сейчас она играет уже четвертый матч на первенство мира. В трех предыдущих матчах ее «противником» выступала другая выдающаяся советская шахматистка Алла Кушнир.

В матче будет сыграно шестнадцать партий. Чтобы завоевать «шахматную корону» чемпионки мира, Алле Кушнир обязательно надо добиться победы. При ничейном исходе поединка Нона Гаприндашвили сохранит «шахматную корону».

Нона Гаприндашвили.

Цена 25 коп.
Индекс 70694

Разговор с костром

Слова Мих. САДОВСКОГО
Музыка Вано МУРАДЕЛИ

Костер, товарищ верный,
Мы встретились опять,
О многом пионерам
Сумеешь рассказать.
Расскажешь о маевках,
О сходках боевых,
О кашеварах ловких,
Товарищах твоих.

Припев:

Мы хворост кидаем
Охапкой в огонь,
И пламя летит,
Словно огненный конь.

Еще припомнишь Питер
В семнадцатом году:
Костры тревожным светом
По улицам идут,
Бойцы к огню присели,
Им скоро в бой опять.
У всех костров на свете
Приятно помечтать!

Припев.

О партизанских тропах
Припомни ты, костер,
И наш костер походный,
Что на слова остер.
Взлетают споров искры
И звездами горят,
Здесь, у костра, не быстро
О главном говорят.

Припев.